

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального
округа

Министерство
транспорта России

ГОУ ВПО
«Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 1 (13) 2007

Хабаровск, 2007

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Сердюков Ю.М.
Заместитель главного редактора: Спасский Е.Н.

Ответственный секретарь: Туркулец С.Е.
Технический секретарь: Листопадова Е.В.

Отдел философии и культурологии:

Бляхер Л.Е., Вальковская В.В., Лившиц Р.Л., Ревич И.М., Романова В.В.,
Сердюков Ю.М. (редактор отдела), Уханов В.А.

Отдел психологии и педагогики:

секция психологии: Воробьева К.И. (редактор отдела), Невструева Т.Х., Ясман Л.В.
секция педагогики: Лазарева Л.П. (зав. секцией), Шумейко А.А., Куликова Л.Н.

Отдел социологии, политологии и права:

Байков Н.М., Максименко С.И., Мерецкий Н.Е., Печерица В.Ф.,
Пишун С.В. (редактор отдела), Смирнов Б.В., Яровенко В.В.

Отдел истории:

Дробница А.В., Дубинина Н.И. (редактор отдела),
Иконникова Т.Я., Песков В.М., Светачев М.И., Чудесов В.В.

Отдел филологии:

Лебедько М.Г., Модина Г.И., Первушина Е.А., Прияткина А.Ф.,
Прошина З.Г. (редактор отдела), Серкова Н.И.

В рецензировании материалов принимали участие научные консультанты:

Боголепова Т.Г., Зыкова Г.Н., Скрынникова Н.В., Стародумова Е.А.

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ №77-16283 от 29 августа 2003 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 3235,

тел./факс: (4212) 35-52-93, E-mail: journal@festu.khv.ru.

Web-site: www.festu.khv.ru/site/journalm.htm

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Исакова Н.В.</i> Ценности традиционной этнической культуры как критерий анализа социальных процессов	4
<i>Арташкина Т.А.</i> Проблема ответственности и структура социального заказа	16
<i>Герасименко А.П., Змеу В.И., Ковтун И.П.</i> А.И. Герцен – русский классик неклассической философии	26

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

<i>Коришунова Н.Л.</i> Социальная ответственность педагогов	42
<i>Новикова Т.А.</i> Модель и моделирование как основы совершенствования профессиональной подготовки специалистов инженерных профессий	53
<i>Лукьянова Е.Л.</i> Специфика этнических проявлений механизмов психологической защиты у русских и китайских студентов	61

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

<i>Завалишин А.Ю.</i> Современные методологические перспективы социологии региона (регионализма)	66
<i>Печерица В.Ф., Довгаль Г.В.</i> Дальневосточная элита: успехи и просчеты самоорганизации	75
<i>Воронин И.К.</i> Применение рейтинговой оценки в управлении деятельностью правоохранительных органов	79
<i>Лазарева И.В.</i> К вопросу о криминалистической методике расследования преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сети сотовой радиотелефонной связи	83

ИСТОРИЯ

<i>Пилилян Е.К.</i> Становление «правового поля» для предпринимательской деятельности на юге Дальнего Востока в период конца XX – начала XXI века	89
<i>Горбатюк Е.С.</i> Теоретическое осмысление английского самоуправления в русской либеральной мысли	95

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Бирюкова О.А.</i> Семантические и стилистические возможности русских частиц («именно» в прозе С. Довлатова)	105
<i>Модина Г.И.</i> Поиски Абсолюта: проблема бесконечности в ранней прозе Флобера	113
<i>Власова Т.М.</i> Прагматические аспекты речевой коммуникации (на материале английского художественного текста)	117

ФИЛОСОФЫ ШУТЯТ

<i>Туркулец А.В.</i> Сущность мировоззрения (философский этюд)	129
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Защищенные диссертации	132
Заметка о личности	142
Информация о конференциях	144
К сведению авторов	145
К сведению подписчиков	146

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЦЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК КРИТЕРИЙ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Н.В. Исакова

Исакова Н.В. – доктор философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН.

В статье рассматриваются ценности традиционной этнической культуры в контексте анализа социальных процессов. Автор утверждает тезис о том, что ядро любой традиционной этнической культуры является основой выживания этнического субъекта как человеческого сообщества.

The article covers the issue of traditional ethnic culture values in analysis of social processes. The author states that the nucleus of any traditional ethnic culture is the basis for survival of ethnic subject as human community.

Трансформации всей общественной системы, имеющие место в настоящий (переходный) период ее развития, привлекают внимание исследователей-гуманитариев к системному взгляду на более или менее значимые явления общественной жизни.

Рассматривая традиционную этническую культуру именно в этом ключе, начать следует, во-первых, с констатации факта о системном характере ее собственного строения и, во-вторых, с положения о ее системообразующей роли по отношению ко всей культуре и соответственно всей жизнедеятельности этноса.

Сохранение системного характера традиционной культуры этноса, несмотря на многочисленные исторические трансформации – это результат апробации исторической практикой. Эта системность формируется путем накопления и упорядочения опыта, приобретаемого этносом за века его существования, т.е. создания защитного пояса, регулирующего целый комплекс взаимоотношений человека с миром. Тогда традиционная этническая культура отвечает за баланс элементов, частей системы жизнедеятельности этноса, за иерархичность внутренних и внешних взаимосвязей, за динамическое равновесие со средой, т.е. за системные свойства жизнедеятельности этноса. В этом смысле она выступает как технология системности жизнедеятельности, способ универсализации человека.

Что же конкретно представляет собой подобная система? В соответствии с характеристикой основных принципов существования социальной системы традиционная этническая культура, во-первых, формируется во взаимодействии с природной средой, проявляется в различных ипостасях, модификациях, имеющих прежде всего природные детерминанты. Во-вторых,

опыт, исторически приобретаемый этносом при освоении территории (территорий), кристаллизуется в виде совокупности материальных и духовных ценностей, норм и стереотипов поведения, ритуалов, праздников и т.д., отражающих сеть внутренних и внешних взаимодействий этноса, необходимых для его полноценной жизнедеятельности, т.е. структуру его традиционной культуры. Об иерархичности традиционной культуры, в-третьих, свидетельствует, то, что каждый ее компонент (например, стереотип поведения или обычай) сам может быть рассмотрен как система, а традиционная культура, в свою очередь, будучи системой, входит в качестве компонента в более широкую систему – культуру общества. В-четвертых, в силу сложности феномена традиционной культуры она имеет много плоскостей, аспектов анализа в зависимости от того, какой критерий положен в основу дифференциации элементов (материальные – духовные, структура – функционирование, субъект – среда и т.д.). Наконец, в-пятых, каждый фрагмент традиционной культуры (ритуал, ценность, норма) представляет собой ее элемент, занимая в ее структуре свое место и выполняя свою функцию. И только упорядоченная совокупность элементов создает некую целостность, не сводимую к их сумме.

Согласно установленным в системологии закономерностям, поведение системы обусловлено свойствами ее структуры, и целостное функционирование является результатом взаимодействия всех ее сторон и уровней. По этой причине необходимо, прежде всего, остановиться на анализе структуры традиционной культуры.

Какими наиболее значимыми в нашей ситуации являются критерии ее структурирования? Если в качестве социального субъекта – носителя традиционной культуры фигурирует этнос как

социоприродная система, где традиционная культура концентрированно выражает всю жизнедеятельность этнической общности, то наиболее очевидными становятся следующие плоскости анализа. Это и пространственно-временные детерминанты как внешние границы (условия) формирования этноса; это и вертикальные (межпоколенные этнические), и горизонтальные (межэтнические) связи, формирующие традиционную культуру как целостность; это и строение самой культуры, в том числе деление на внутренние и внешние слои (ядро – периферия), что именно и воплощает ее целостность.

В то время как пространственно-временной аспект подробно освещается в рамках истории, а вертикально-горизонтальные связи анализируются этнографией и этносоциологией, последний из названных выше аспектов исследования – собственно, целостности (и тем самым системности) как самого этноса, так и его традиционной культуры – оказывается вне пределов пристального внимания. Как раз этот аспект представляет наибольший интерес для исследования.

Анализ его имеет смысл начать с образного сравнения: этнос и его традиционную культуру можно представить в виде дерева. Во-первых, у дерева есть корни, без которых оно существовать не может и которые являются основанием всей его системы. Во-вторых, дерево имеет ствол как основание его видимой части. Без ствола нет ни ветвей, ни листьев, но сам он может подвергаться внешним воздействиям среды или человеческой деятельности вплоть до полного разрушения. И в этом случае корни могут дать новые побеги (будущие новые стволы), что свидетельствует о временности, относительности существования ствола по сравнению с корневой системой. В-третьих, элементом дерева являются ветви, создающие графику (структуру) его внешнего вида. Они зависимы от ствола (длительность их жизни обратно пропорциональна удаленности от него) и, в свою очередь, составляют основание для листвы. Наконец, в-четвертых, листва как самый временный элемент дерева. В значительной степени через нее происходят непосредственные прямые и многочисленные контакты со средой, поступает информация об изменениях в ней. И это дает возможность для адаптации всей системы к новым условиям.

Подобно дереву, этнос развивается как система и формирует свои взаимоотношения с окружающей средой через огромное количество эмпирических фактов (взаимодействия человека с природой, социальных связей и межличност-

ных контактов), имеющих протяженность в пространстве и времени, тем самым корректируя свою жизнедеятельность. Данный уровень взаимодействий сопоставим с «листвой» в приведенном нами примере.

По мере накопления опыта создаются внутренние и внешние (материальные и духовные) устойчивые связи этноса, имеющие более длительный временной характер – «лицо» традиционной культуры, аналогично «ветвям» разной толщины, составляющим «физиономию» дерева. К элементам этого уровня можно отнести традиционные этнические обряды, обычаи, праздники, пищу, одежду и т. д. Следующим уровнем, образующим основу видимой части традиционной этнической культуры и соотносимым со «стволом», являются определенные ее типологические характеристики (конструкции), отражающие базовые связи этноса с природой, с космосом, внутриэтнические (в виде календаря, религии, технологии ведения хозяйства и т. д.). На этих связях строится многообразие более конкретных проявлений традиционной культуры.

Последний уровень или фундамент всей совокупности ее элементов – ядро, сравнимое с «корнями» – это принципы деятельности и сакральные смыслы, заложенные в основание любой традиционной этнической культуры, которые формировались веками. Следовательно, имеют для нее вневременной характер, ибо являются условием (атрибутом) ее существования. Они пронизывают все слои традиционной культуры и выражаются в иерархии ценностей, норм и стереотипов поведения, проявляющихся, в свою очередь, либо в форме прямых императивов, либо в форме рекомендаций и оценочных суждений по всему спектру внутри- и межэтнических связей, либо в семантике материальных предметов. А поскольку ценности и нормы деятельности, имеющие разную степень общности (касающиеся как сущностных сторон жизнедеятельности, так и более частных вопросов), бытийствуют в повседневной *жизни* в нерасчленном единстве, то отделить их (в частности, отнести к третьему или четвертому уровню нашей иерархии) представляется возможным только в теоретическом анализе. И здесь как раз более чем уместна образная аналогия с деревом, где очевидна неопределенность в установлении границ перехода от одного качества (уровня) к другому. Например, трудно идентифицировать «ствол» и «ветви» в верхней части дерева.

Ясно, что последний, четвертый слой традиционной культуры, сам представляет собой ди-

намическое иерархизированное целое, заключающее в себе весь диапазон принципов этнического бытия: от менее общего порядка до максимальной степени общности. Соответственно они и в разной мере подвержены изменениям. Так, закономерно, что самые общие из них, сопряженные со стратегией жизни выживания сообщества как человеческого, остаются вне пересмотра.

Подобный подход к структурированию традиционной этнической культуры позволяет обнаружить и ряд уточняющих критериев дифференциации ее элементов (в рамках деления на ядро и периферию), отнесения их к тому или иному слою (уровню). Эти критерии определяются по преобладанию одного из признаков в оппозиционных парах: конкретное – абстрактное, эмоциональное – рациональное, синкретичное – специализированное, временное – вневременное, а также по комбинации указанных признаков.

В частности, элементы первого уровня – факты реальной жизнедеятельности человека – конкретны (непосредственно существуют в пространстве и времени), синкретичны (содержат в нерасчлененном единстве стороны – прагматическую, мировоззренческую, эстетическую и т. д.), имеют временный характер (ограничены жизнью индивида или поколения) и эмоционально окрашены (ибо лично значимы). Элементы второго уровня, к примеру, обряд, характеризуются большей степенью специализации (отражают лишь определенную сферу жизнедеятельности), абстрактности (опосредованы некоей технологией, включающей набор поведенческих актов-символов), рациональности (запрограммированы на конкретный эмоциональный настрой), продолжительности во времени (некоторые обряды – календарные, свадебные и т. п. – имеют многовековые традиции).

Те же тенденции свойственны структурным единицам и третьего уровня. Что же касается четвертого, то элементы традиционной этнической культуры, сосредоточенные здесь, отличаются предельной рациональностью (ибо в снятом виде содержат квинтэссенцию знания, полученного из разного рода форм деятельности и общения); абстрактностью (выражают истины самого общего порядка и в «чистом» виде существуют только в теоретическом знании); интегральностью (переходом от специализации элементов к их синтезу – созданию общезначимых истин для всех сфер жизни человека) и длительностью существования (а стратегические – вневременным для этноса характером).

Обзор литературных источников показывает, что изучение традиционной культуры до сих пор касалось либо второго и третьего уровней, а также соотношения элементов этих уровней (календарь и обряды, религия и праздники, хозяйственно-культурный тип и материальная культура – пища, одежда и т.п.), либо третьего уровня в его соотношении с четвертым (семантические образы мифов, символы, некоторая совокупность сакральных смыслов, разнообразные структурные связи). Элементы четвертого уровня в их целостной взаимообусловленности – принципы жизнедеятельности человека, в том числе и самые общие, сформированные в рамках традиционной культуры, не становились еще непосредственным предметом исследования как таковым. Подобный пробел в представлениях о традиционной культуре и видении ее как системы необходимо восполнить.

Выявление именно данного предмета в полной мере продиктовано логикой человекомерного подхода, согласно которому все социальные феномены анализируются через призму родовых характеристик человека (а сквозь общественные установления, в свою очередь, должны просматриваться вектор и динамика образа жизни реальных субъектов, ориентации и поведение конкретных индивидов). Для этого вычленяется некий срез в познавательном поле традиционной этнической культуры, удовлетворяющий ряду условий: быть выделенным по одному основанию; позволить отразить достаточную полноту семантических связей (благодаря чему только и можно обнаружить ее целостность); дать возможность фиксировать непосредственные, т.е. наименее опосредованные субъективной трактовкой, характеристики жизнедеятельности человека (во избежание искусственных построений); предполагать доступ к изучению реально существующих образований, которые можно обследовать эмпирическим путем.

Думается, таким срезом может выступать фольклор, где одним из значимых звеньев выступает совокупность формализованных ценностей (фиксирующих нормы и стереотипы поведения), выраженная в своде пословиц и поговорок. В них отражены типичные ситуации во взаимодействиях людей и их отношениях с природой. Выбор отвечает всем поставленным требованиям. Прежде всего, он происходит по одному основанию. Это в основном выраженные в образной форме суждения модального, реже императивного характера, сквозь которые проступает функциональное предназначение культуры

как ценностной технологии. Далее через них проявляется полнота образа жизни этноса (выступающая базой для поиска целостности культуры). Ибо этими суждениями охвачены все стороны деятельности, их количество велико (исчисляется тысячами и даже десятками тысяч) и они составляют самый актуализированный слой фольклора. Здесь следует лишь добавить, что интерес к инструментальной роли культуры, т. е. к возможностям ее влияния на индивида, предопределяет необходимость рассмотрения и пословиц с религиозным содержанием, объективно сосуществующих, наряду с нерелигиозными. Эвристически важен именно их симбиоз. Кроме того, избранный для анализа слой фольклора непосредственно связывает реальную жизнедеятельность и самые общие, абстрактные ее принципы. Они воплощены в многообразии поведенческих норм и сведений об окружающей действительности, в совокупности формирующих деятельностные ориентации человека в мире – модель поведения. В этом уникальность и ключевой характер данного слоя фольклора по сравнению с другими его разновидностями. И, наконец, он, в силу своей жизнеспособности, как никто иной, имеет преэминентность: всеобщепотребителен среди различных слоев и групп современного общества. А посему он эмпирически фиксируем и в историческом варианте, и в своей современной ипостаси.

Высказанные соображения позволяют перейти к собственно анализу нашего предмета, проведенному на материалах русской культуры. Обращение к традиционной культуре русских в данном исследовании обусловлено несколькими обстоятельствами. Помимо вполне очевидной доступности информации имеются и более весомые, социально-исторические основания. Одно из них содержится в работе В. М. Межуева «Русский путь цивилизационного развития».¹ Автор сравнивает исторические пути России и Западной Европы. Их роднит общность происхождения (пусть и расходящегося во времени: Европа – раньше, Россия – позже) и общие предки – Рим и Иерусалим, впервые принешие в историю сознание ее единства, т. е. идею единого человечества. Но пути реализации этой идеи оказались разные, на что также имелись свои, исторические и географические, причины. От общих предков были восприняты разные, но взаимодополняющие, по отдельности несамодостаточные, принципы жизнедеятельности: Европой – принцип

гражданского партикуляризма, Россией – принцип духовного (в истоке своем христианского) универсализма. Эти принципы и выступили в форме противоположности цивилизации и культуры. «В этом противостоянии Россия как бы встала на сторону культуры, тогда как буржуазная Европа предпочла путь цивилизации, порой не без ущерба для культуры». Поэтому культура России – это феномен сам по себе знаковый. В свою очередь, для ее многонационального «пространства» русская культура является в большей мере субстанциальным образованием. И в этом заключается второе основание выбора традиционной русской культуры в качестве объекта исследования.

Для ее анализа целесообразно использовать классический образец сведенных воедино народных изречений, собранных в середине прошлого века В.И. Далем, в огромном ареале проживания русского этноса. В книге В. Даля «Пословицы русского народа»² имеются ссылки на десятки губерний Центральной, Южной и Северной России, Поволжья, Урала. Последнее свидетельствует о полноте охвата исследованием территории расселения русских. В этом своде пословиц зафиксировано состояние сознания русских как картины мира и регулятивов поведения. Самоопределение человека в мире и самоощущение выражены в традиционных этнических ценностных приоритетах. А они являются результатом осмысления различных сторон жизнедеятельности этноса и итогом предшествующего многовекового опыта, во всем объеме используемого на стадии относительно стабильного существования. Это и преддверие отмены крепостного права, период накануне радикальных сдвигов в общественном устройстве и соответственно кардинальной трансформации традиционного образа жизни. Обнаружение и анализ данных приоритетов в статике и динамике и составляет главное направление в системном исследовании традиционной культуры (в ее конкретном варианте).

Весь массив эмпирических данных состоит, как определяет сам В. И. Даль, из пословиц, поговорок, прибауток, приговорок, загадок, примет. Причем сразу следует заметить, что первичная содержательная классификация всего массива информации взята из собрания В. И. Даля в неизменном виде, дабы предотвратить неадекватность трактовки, неизбежной из-за временного (прошло полтора века) интервала, и не нарушить целостность авторской позиции.

¹ Межуев В.М. Между прошлым и будущим. М. : ИФ РАН, 1996.

² Даль В. Пословицы и поговорки русского народа. Йошкар-Ола : Мар. полигр. комб., 1996.

Любое из имеющихся изречений, несущих некоторое сообщение, можно обозначить как неделимую далее семантическую единицу, выражающую коллективное оценочное суждение, наблюдение, пожелание или информационно наполненное описание ритуального действия. Такой угол зрения вполне обоснованно позволяет предположить, что степень значимости той или иной сферы, стороны жизнедеятельности этноса прямо коррелирует с количеством семантических единиц, характеризующих множество аспектов ее отражения. Иными словами, чем более существен предмет отражения – сторона, сфера образа жизни, проявляющаяся в многообразии взаимоотношений людей с природой или друг с другом, тем больше информации либо познавательного (или духовного) содержания, либо практического порядка (как руководства к действию) сообщается о нем.

Подобный количественный критерий, заложенный в основание анализа эмпирической информации, также дает дополнительную возможность для сохранения ценностного взгляда современника на содержание пословиц, поговорок и т. п. без привнесения новых смысловых оттенков, детерминированных иными социально-историческими условиями.

Следовательно, два основных принципа: соблюдение классификации материала, принятой В.И. Далем, и использование количественного критерия в его изучении, взяты здесь как исходные в выявлении иерархии смысловых связей в традиционной русской культуре.

Из общего массива информации, классифицированного по 100 тематическим разделам, для анализа было выбрано немногим более четырех десятков содержательных характеристик (тем), каждая из которых включает от полутора до нескольких сотен семантических единиц. Из этих сорока тем образовалась иерархическая «лестница», к которой и был применен контент-анализ. Так, на первом месте по количеству семантических единиц, описывающих предмет, оказались взаимоотношения человека со средой обитания, обозначаемые В. И. Далем как «Месяцеслов». Это вполне закономерно, ибо субъект действия должен строить модель своего поведения в соответствии с адекватным представлением о природных условиях (территории) своего проживания. Но это подтверждает идею и о более глубоких отношениях человека и природы: природных основаниях этноса (когда природа является не только внешним условием существования, а выступает также внутренним, исходным, влияю-

щим и на специфику социокультурных отношений). К числу типичных изречений здесь можно отнести такие: «Коли в мае дождь, будет и рожь»; «Плясала баба, да макушка лета настала»; «На покров ветер с востока – зима холодная»; «Ясные дни в Рождественский пост – к хорошему урожаю», «Пост холодный (Рождественский), пост голодный (Петровский), пост Великий да пост лакомка (Успенский)». Максимальная по сравнению с другими информативность данной темы, где раскрываются причинно-следственные связи в природе и природно-социальные взаимозависимости, позволяет субъекту действия вести себя с максимальным же для себя эффектом выживания. А это свидетельствует о том, что в традиционной культуре русских, так же как и в других этнических традиционных культурах, природа (территория, пространство как таковое, окружающая среда) является существенной детерминантой образа жизни человека.

Таким образом, базовой характеристикой традиционной этнической культуры, содержащей прямую или косвенную детерминацию поведения людей, является оппозиция «человек–природа». Она решается не через противостояние, а через подчинение одного элемента другому: адекватно – как адаптация человека к природе.

На втором месте иерархии располагается бинарная оппозиция, которую В. И. Даль определил как «Достаток – убожество» (717 единиц). Это обозначение для большой группы изречений, описывающих отношения владения (в широком смысле, как владения ресурсами), что свидетельствует о значимости отношений владения как таковых в системе жизнедеятельности человека. Образцами пословиц здесь могут служить следующие: «Нет греха хуже бедности»; «Не дорога и честь, коли нечего есть»; «Хлеб на стол, так и стол престол, а хлеба ни куска – так и стол доска»; «На бедного везде капает»; «Голь на выдумки горазда»; «Нужда научит богу молиться».

Из приведенных примеров видно, что в традиционной этнической культуре отсутствует однозначность суждений – в рамках ценностного противостояния полюсов одной тематической группы и, напротив, имеют место гибкость, диалектичность, многоаспектность оценок. С одной стороны, нужда воспринимается как грех, уязвимость, отсутствие защищенности человека (необходимых ресурсов для нее), а с другой – нужда есть исходная точка движения: к выдумке (творчеству), к мудрости, к богу. Подобная многозначность как бы подталкивает человека к самостоятельному выбору «золотой середины» – не-

коего оптимума для данной стороны его образа жизни.

На третьей ступени иерархии находится оппозиция «Свое – чужое» (644 единицы), заключающая в себе различные варианты взаимоотношений «Я – другой (другие)». Здесь в образной форме описывается самотождественность индивида, воспринимаемого как самость, и целый спектр его взаимосвязей с себе подобными. Многоаспектность данной темы очевидна. Ее конкретные проявления таковы: «Всякая птичка себе зобок набивает»; «Всякий хлопчет, себе добра хочет»; «Тот дурак, кто сам себе враг»; «Всякая сосна своему бору шумит»; «Своя ноша не тянет»; «Ищи себе прибыли, а другому не желай гибели»; «На чужой каравай рта не разевай, а пораньше вставай, да свой затевай» и т. п.

Как явствует из цитируемых поговорок, человек в традиционной культуре воспринимается как некая действующая единица, субъект, соотносящий себя с равным же себе, а не с неким абстрактным целым, поглощающим человека. И это развенчивает миф о традиционном обществе как таком социальном порядке, при котором имело место безусловное подчинение элемента целому, вплоть до полного растворения первого во втором. Напротив, антагонизм личности и общества – в разных формах свойствен как раз посттрадиционному периоду. В чем и состоит различие двух типов социального устройства – традиционного и посттрадиционного.

Необходимость ограничения и самоограничения индивида в рамках традиционного общества, традиционной культуры диктуется здравым смыслом правил человеческого общежития. Даже учитывая то обстоятельство, что в некоторых пословицах отражен определенный социальный (не индивидуальный!) эгоизм, в целом же образные символы, стереотипные формулы вращались вокруг некоторого этического стержня как препятствия для агрессии или унижения человека человеком. Этот стержень вполне разумно объясним с точки зрения потребности сообщества в сочетании и уравновешивании действий и намерений отдельных индивидов.

Следующее место в иерархии принадлежит теме «Воля – неволя» (618 единиц). Здесь в многообразии аспектов заключено содержание, семантически близкое идее о «свободе как осознанной необходимости», но с одним отличием. В данном случае акцентируется психологический момент: потребность живого существа в воле. В целом оппозиционная пара «воля – неволя» выражает субъектность как таковую,

атрибутивно присущее индивиду право воления и выбора, границы проявления воли (судьба, обстоятельства, индивидуальные возможности). Примеры пословиц: «Белый свет на волю дан»; «К чему охота, к тому и смысл»; «Хочу – полovina могу»; «Как волка ни корми, он все в лес глядит»; «Живу как живется, а не как люди хотят»; «Боле воли – хуже доля»; «Неволя пьет медок, а воля водицу» и др. Четвертое место данной темы свидетельствует о ее высокой значимости в иерархии ценностей традиционной русской культуры. Показательно, что пословицы данной группы в настоящее время относятся к числу наиболее востребованных. Употребление их характерно для жителей и городской, и сельской местности, для представителей разных социальных слоев, а также разных этнических групп в полиэтнических поселениях, где происходит интенсивный информационный обмен. И в этом, в частности, проявляется преемственность традиционной культуры, устойчивость ее ценностных норм для человека вне зависимости от существующего социального режима, но как критерий его оценки.

На анализе пословиц данной темы видно, как в традиционной культуре фиксируются многоаспектность и многозначность ситуаций и поведения в них, а также его возможных последствий, как за человеком оставляется право выбора, а за обществом – право оценки (наказания или поощрения). Тем самым индивид, как бы понуждается к выбору наиболее разумного, оптимального, целесообразного образа действия.

Пятое место занимает тема «Пища» (602 единицы), определяемая В. И. Далем и представляющая собой свод изречений по поводу; одной из основополагающих сторон жизнедеятельности человека – материальных ресурсов его существования.

Смыслы, вкладываемые в стереотипные, стандартизированные образные формы, следующие. Поведение человека прямодетерминировано материальными ресурсами: их наличием или отсутствием («Хлеб всему голова» для народа-земледельца; «Голод и волка из лесу гонит»; «Только ангелы с неба не просят хлеба»), а также их избыточностью или недостаточностью («Не ел – не мог, поел – без ног»; «Калач приестся, а хлеб – никогда»; «Хлеб да вода – блаженная еда»); позитивно-психологическим отношением к ним («Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной»; двойственно (духовно-материально) противоречивым восприятием их («Рада б душа посту, да тело бунтует»; «Натошак

и песня не поется»); свободой субъективных предпочтений («На вкус, на цвет товарищей нет»); разумным ограничением неумеренности в потреблении («Ешь вполсыта, пей вполпьяна, проживешь век доплетна»).

На шестом месте – тема «Земледелие» (576 единиц). Это конкретное проявление деятельностной специфики человека как таковой (занятие земледелием), обусловленное своеобразием данного пространства (территории), среды. Иными словами, здесь раскрывается вектор детерминации среди взаимосвязанных феноменов: характер территории диктует особенности образа жизни.

В перечне этих пословиц, поговорок, наблюдений содержатся: понимание человеком своей включенности в систему связей (космических, природных), толкуемую как «божественный» порядок («воля бога»), где человеку определено иметь дело со следствиями вне его власти происходящих процессов («Бог не даст, и земля не родит», «Не по образцам зима и лето бывает, а по воле божьей», «Сегодня не тает, а завтра – кто божье знает?»); представление о всеобщности причинно-следственных связей в природе, позволяющих предвидеть явления, события и корректировать свою деятельность («Худой приплод в високосный год»; «От привозных семян лучший урод»; «Не по облакам, а по своим бокам (примечая погоду); поиск и интуитивное установление (схватывание) сознанием системных природно-социальных зависимостей для объяснения специфики базовой (этнической) хозяйственной деятельности в пределах данной территории («Господь повелел от земли кормиться»); осмысление целесообразности сезонного перераспределения деятельностной энергии и материальных ресурсов существования в границах годового природного цикла («Летний день год кормит»; «Лето – припасаха, а зима – подбериха»).

Таким образом, в этой теме традиционной культуры фиксируется осознание человеком необходимости встраивания в данный природный контекст и обеспечения преобразовательной деятельности всеми, через практику приобретаемыми, навыками системности (нивелирования произвола) для целей собственного же выживания.

На седьмой ступени тема «Двор – дом – хозяйство» (522 единицы). Суть ее можно определить как разновидность отношений владения: владение территорией, неким личным пространством и его организация в рамках общего пространства взаимосвязей и взаимодействий с себе подобными.

Выявлены такие стороны предмета: осмысление неотъемлемой связи живого существа с его

территорией как защищенности владельца («И стены в доме помогают»; «На своей улочке и курочка храбра»; «И крот в своем углу зорок»); идентификация человека как субъекта, хозяина, имеющего право самостоятельной организации личного пространства («Без хозяина дом и сир, и вдов»; «Не по дому господин, а дом по господину»; «У нашей хозяйюшки все в работе: и собаки посуду моют»), вкладывающего в организацию много усилий («Дом невелик, да лежать не велит»; «Дом вести – не лапти плести», установление приоритетности в иерархической связи «абориген – пришлый» положения хозяина, владельца территории, что сопровождается выражением скептического отношения к самоуправству, произволу главенствующей стороны («Хлеб-соль кушай, а хозяина слушай!», «Хозяин что чирей: где захотел, там и сел»).

Анализ аспектов данной тематики позволяет обнаружить в традиционной русской культуре принципиальный ценностный приоритет индивидуальной субъектности. Ее атрибутами являются, с одной стороны, активность, инициативность, с другой стороны – ответственность, предполагающая владение знаниями и целого, и конкретных частных в организуемом пространстве.

Восьмое место за темой «Работа – праздность» (487 единиц), отражающей также одну из существенных характеристик человеческого бытия. Семантические аспекты темы: работа придает смысл жизни человека («Без дела жить, только небо коптить»); труд полифункционален, он – способ существования человека («Дело учит и мучит, и кормит»), и освященный Богом («Кто рано встает, тому бог подает»); своих целей можно достичь, только затрачивая усилия («Кто бежит, тот и догоняет»), а результат зависит от количества вложенного труда («На бога уповай, а без дела не бывай», «Волка ноги кормят») и от его качества («Сама себя раба бьет, что не чисто жнет»). Вместе с тем у человека есть альтернативный выбор – бездеятельность, праздность как искушение – не богоугодный образ жизни («Послал бог работу, да отнял черт охоту») и осуждаемый людьми за отклонение от нормы поведения и излишества («Трутни горазды на плутни»; «Один с сошкой, а семеро с ложкой»; «Лень мужика не кормит»; «Без труда не вынешь и рыбку из пруда»); человек должен избегать крайности и другого рода, соблюдать меру («Ретивая лошадка долго не живет»).

Опытным путем осознавая различные стороны жизнедеятельности, человек делал акцент

на целесообразных и оптимальных актах поведения. В результате определялись границы обобщенной, генерализованной нормы (как иерархической совокупности конкретных норм).

На девятой ступени – тема «Звания – сословия» (433 единицы), которую можно охарактеризовать как проецирование структурно организованного мира на восприятие его (таковым) традиционным сознанием. Здесь фиксируются различные плоскости структурированности объективного мира. Это и горизонтальный срез – по видам деятельности, в сумме составляющий социально-профессиональную структуру русского общества XIX века (дворянин, помещик, крестьянин, солдат, казак, поп, дьяк, приказчик и др.). Это и вертикальные связи – сословная иерархия общества (барин, холоп, холуй, мужик), выраженная в пословицах: «Не будь лапотника, не будет и бархатника»; «Богат Иван – богат и пан»; «Бары дерутся, а у холопов чубы болят». Это и стремление представить в сознании мир как целое, интегрируя различные его плоскости, сферы в некую единую иерархию соподчинения: растения – животные – человек – потусторонние силы («Дерет коза лозу, а волк козу, а мужик волка, а поп мужика, а попа приказный, а приказного черт»).

Таким образом, в пословицах и поговорках этой темы зафиксирована реальность структурной организованности мира (человека) как упорядоченности его, порожденной сформировавшимся образом жизни, а посему существующей в традиционном общественном сознании в качестве объективной данности. Но за объективностью иерархического строения мира не следует непреложность факта унижения человека, что и воспринимается как несправедливость, противоречащая одному из основополагающих принципов традиционной культуры – субъектности индивида.

Десятое место занимает тема «Суеверия – приметы» (420 единиц). Здесь содержатся разного рода сведения: приметы, предостережения, описания ритуальных действий (в том числе и для предотвращения нежелательных явлений). В этих сведениях передается информация о связях между сторонами действительности, на первый взгляд, далеко отстоящими друг от друга и в смысловом, и в функциональном, отношении. За фасадом кажущейся примитивности группируемых здесь изречений просматривается стремление охватить сознанием всеобщность связей мира, постичь его единство и целостность, т. е. – системность. Подобное стремление имеет прагматической задачей создание некой информационно-прогностической сети (формируемой путем

эмпирического установления связей всего со всем) для предвидения возможных событий и предотвращения отклоняющихся от определенных норм действий отдельных индивидов. Иными словами, ее существование направлено, в конечном счете, на выработку модели целесообразного поведения в интересах выживания этнического сообщества.

На одиннадцатом месте тема «Помощь – кстати» (415 единиц). Это свод пословиц, не объединенных каким-либо общим объектом, который был бы в центре внимания. Здесь содержатся изречения по поводу разных объектов воздействия или осмысления, но группируемые по критерию единого подхода к ним. Такой подход заключается в адекватности поведения субъекта некоторым обстоятельствам, что является одним из самых эвристичных постулатов традиционной культуры.

Для более точного и полного представления о нем следует рассмотреть различные грани адекватности как таковой: соизмеримость сопоставляемых величин по масштабу («По натиску и отпор держат»; «Орел мух не ловит»; «Не гоняется слон за мышью»; «За комаром не с топором», «Шилом моря не нагреть»; «В окно всего света не оглянешь»); необратимость причинно-следственной зависимости («После дела за советом не ходят»; «Сняв голову по волосам не плачут»); результативность события, процесса или деятельности во временном интервале, соответствии результата затраченному времени и усилиям («Хвали утро вечером!»; «Цыплят по осени считают»; «Рано встала, да мало напряла»); встроенность событий во временной контекст, порядок, последовательность («Пора да время дороже золота»; «До поры, до времени не сеют семени»; «Дорога ложка к обеду»; «Задним умом силен»; «Куй железо пока горячо!»); сопоставление функциональных возможностей субъекта и границ его реального функционирования или занимаемого в социальных иерархиях места («Каков мастер, таково и дело»; «Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком»); идентификация субъекта действия («И много за морем грибов, да не по нашему кузову»; «На незвано не ходи, на неслано не ложись!»; «Пятое колесо в телеге») и т. д.

Двенадцатое место занимает тема «Гость — хлебосольство» (408 единиц). Уже сама формулировка темы представляет собой констатацию факта открытости традиционной русской культуры, равно как и занимаемое этой темой в иерархии других место (12-е из 100).

Принципиальная установка на гостеприимство, так же как и другие базовые установления этнических традиций, освящена волей Бога, т. е. имеет сакральный смысл: «Бог велит всех знать (со всеми знаться)». Феномен гостевых контактов в образе жизни русских раскрывается прежде всего через большое количество примет на появление гостя, а также в следующих изречениях: «Принес бог гостя, дал хозяину пир»; «Что есть в печи, все на стол мечи»; «Про гостя хороше, а про себя поплоше»; «Напои, накорми, а после вестей поспроси»; «Хоть не богат, а гостям рад». Приоритет ориентации на общение, контактность, нежели на замкнутое индивидуальное существование, вопреки каким бы то ни было личным обстоятельствам, виден из пословицы: «Рад не рад, а говори: "Милости просим!"».

А поскольку каждый человек поочередно выступает то в роли хозяина, то в роли гостя, то его поведение объективно, с необходимостью корректируется им же самим, обретая некую оптимальную форму.

Анализом данной темы имеет смысл закончить подробное рассмотрение разделов, сформированных В.Далем. Последующие темы носят более частный характер, обладают меньшей степенью значимости.

Заканчивая исследование эмпирического материала – пословиц, поговорок, примет, загадок и т. п. как элементов традиционной русской культуры, можно сделать выводы и о структуре, и о механизме функционирования традиционной этнической культуры.

Поскольку они по определению взаимосвязаны и взаимообусловлены, начнем с рассмотрения процессуальной стороны в этой паре (логического начала) – описания того, как осуществляется движение, предшествующее тому, что получается в итоге (логическому результату). Хотя в реальности причина со следствием постоянно меняются местами: практика человека отражается в его ценностях, которые, в свою очередь, регулируют его действия.

Итак, произведенный контент-анализ выявляет логику выработки модели поведения человека. Это можно представить таким образом. В процессе своей деятельности индивид вступает в огромное количество отношений с природой, с другими людьми, руководствуясь знаниями, полученными ранее. Но в повседневной жизни постоянно возникают пограничные ситуации между известным и еще неизведанным, требующие от индивида принятия немедленных решений. Это особенно характерно для традиционных об-

ществ, когда человек еще не поставил между собой и миром обширный искусственный слой в виде технических и идеологических конструкций, сковывающих личностную инициативу и препятствующих адекватному восприятию мира и адекватному же поведению в нем.

Первичная обработка новой информации, касающейся какого-либо предмета, и соотнесение ее с уже имеющейся информацией происходят на уровне конкретного индивида (индивидов). Руководствуясь определенными интересами (в конечном счете, целью выживания), он осуществляет в каждом конкретном случае выбор линии поведения, соответствующей обстоятельствам (а в пределе – между жизнью и нежизнью). Поэтому индивидуальная свобода выбора выступает неперменным условием существования и развития. Первоначальные информационные импульсы с периферии (от индивидов) стекаются к центру – в центростремительные информационные потоки, где они обрабатываются по мере накопления или в значимых ситуациях. Вследствие этого решение принимается уже на уровне всего этнического сообщества, снова верифицируемое тем же критерием выживания. Решение и есть санкционирование того или иного варианта поведения как нормы. Но одновременно оно является и квалифицированием действий, не укладывающихся в рамки нормы, как отклонений от нее, за которые должно испытать осуждение или понести наказание.

В равной мере наблюдение за природой, установление опытным путем и рефлексия по поводу всеобщих связей фрагментов (элементов) мира рождают мыслительные образы, в процессе обмена информацией приобретающие также всеобщий (для данного социума) характер и только на основе этого становящиеся стереотипными. Таким образом, стереотипизация форм мышления и норм поведения происходит лишь на этапе опосредования сообществом первично осмысленной на уровне индивида конкретной эмпирической информации. Логически этот процесс представляет собой обратную связь общества с индивидом.

Цикл прямой (от индивида к обществу) и обратной (от общества к индивиду) связи, бесконечно повторяясь в целях постоянной корректировки поведения человека (и индивида, и сообщества) по разным значимым поводам, обуславливал постепенное формирование апробированных практикой устойчивых норм деятельности. Он осуществлялся через закрепление в системе ценностей (выраженной, в том числе, и через

разнообразии тематических, содержательных групп пословиц и поговорок и т. п.) деятельностных установок или правил поведения, в совокупности составляющих модель как образец, эталон, стандарт поведения человека.

Закрепленные в пословицах характеристики человека, правила поведения, со своей стороны, оказываются конкретным проявлением коренящихся в них (также индуктивно установленных) принципов жизнедеятельности. Они являются базовыми для традиционной этнической культуры и составляют сущность более глубокого порядка. Это *целесообразность* (модели поведения) – соответствие поведения человека цели выживания как человека, освященность ею; *системность* (связей человека и мира) – адекватность представлений и действий цели поддержания человеческой жизни в рамках данного пространства-времени; *оптимальность* (поведения) – адекватность приемов и средств (способа действия) в достижении системной связи человека и мира для конечной цели выживания.

Принципы целесообразности, системности, оптимальности (поведения человека) пронизывают все тематическое разнообразие анализируемого конкретного эмпирического материала, воплощаются в нем. Эти принципы образуют единство необходимых и достаточных атрибутивных признаков человеческой жизнедеятельности, опосредованное предельной величиной, конечным критерием сущностью самого глубокого порядка. Это – «просвечивающее» сквозь многообразие конкретных форм жизнеутверждающее, созидательное начало – цель выживания человека (индивида, общества). Причем речь, очевидно, идет не о жизни человека в физическом смысле только, а именно в его родовом человеческом качестве.

Три слоя (цель, принципы и правила деятельности) представляют собой иерархизированное ядро динамической стороны традиционной культуры (сопоставимое с корнями дерева в ранее приведенном примере). Иерархизированное ядро (иерархия сущностей) индуктивно выявленная генерализованная норма деятельности, или ценностная технология культурной деятельности человека как родового существа. Она реально рассредоточена во множестве конкретных норм поведения, только благодаря исследованию наглядно выстраивающихся в порядок, упорядоченное целое – обобщенную и иерархизированную норму деятельности.

Функционирование генерализованной нормы деятельности через конкретные нормы ре-

альных действий путем циклического обращения информации (индивид – общество – индивид) способствует поддержанию динамического равновесия всей системы традиционной культуры. Оно обеспечивает поступательное движение традиционного общества, осуществляемое при двух условиях. Первое – это постоянное обновление конкретных сведений о внутренних и внешних связях и взаимодействиях. Второе – их коррекция под углом зрения сохраняющихся целей, принципов и правил деятельности, самих объективно формирующихся в практике и апробированных ею.

Следует обратить внимание еще на один аспект – соотношение в самом механизме культурной деятельности реального и идеального моментов. Поскольку генерализованная норма деятельности существует только *в* и *через* конкретные нормы, то сама она по отношению к ним выступает идеальным феноменом или желаемыми характеристиками деятельности. Реальное же многообразие способов поведения конкретных людей представляет собой совокупность разного рода отклонений от идеала, отождествляемого с нормой. Но смысловое значение традиционной модели поведения как раз и состояло в том, что поступки конкретных индивидов, отклоняющиеся от исторически складывающейся генерализованной нормы, идентифицировались таковыми: соизмерялись и корректировались в согласии с определенным ценностным стержнем. Это и позволяло сохранять суммарное равновесие традиционной общественной системы. Традиционное общество оставалось относительно стабильным на протяжении длительного периода в силу соответствия его базовых деятельностных принципов цели упорядочения отношений человека с миром, т. е. сохранения культуры при его поступательном движении.

Не так обстоит дело в современном обществе. Существующие в настоящее время варианты отклоняющегося поведения, даже самые очевидные – употребление наркотиков, сексуальные патологии и пр., находят себе объяснения и оправдания – как имеющие право фигурировать *наряду* с нормой в качестве рядоположенных явлений – в искусстве, литературе, средствах массовой информации. А те, со своей стороны, оказывают влияние на общественный психологический климат. С точки зрения излагаемой здесь позиции подобные тенденции можно сравнить с утратой культурой ценностного стержня – состоянием, не характерным для обществ с развитой традиционной культурой. Иными словами, в

ситуации существенного отклонения от нормы – размытости выработанных в рамках традиционной культуры базовых ценностных ориентиров – общество саморазрушается, попадая в положение рубящего сук под собой.

Итак, традиционная этническая культура представляет собой ядро этнической культуры – в виде имеющей пространственно-временную определенность многоуровневой динамической самоорганизующейся системы, являющейся средоточием генерализованной нормы деятельности, которая выступает системообразующим фактором жизнедеятельности этноса.

Осуществляя свою социальную роль по обеспечению условий выживания человека присущими ей способами и средствами, традиционная этническая культура выступает лучшей его защитой (защитным поясом). Но в ситуации разрушения ключевых, системосоставляющих ее элементов происходит расбалансирование всей системы жизнедеятельности человека. Иллюстрацией может служить рассмотрение деструктивных тенденций в истории российского общества в посттрадиционный период.

Здесь достаточно описать некоторые из них – наиболее очевидные, имеющие сущностный характер с точки зрения традиционных ценностей.

Во-первых, субъективно продуцированный перерыв постепенности – нарушение органики движения этноса, что закладывает основания для хронического дисбаланса в его жизнедеятельности, который проявляется и через десятилетия в разных сферах: политике, экономике, быту и т.д., но главное – в маргинальном сознании человека.

Во-вторых, происходит смена доминант образа жизни: с пространственной (территориальной, природной), определявшей естественный путь формирования всей системы жизнедеятельности этнического сообщества (от особенностей хозяйства, жизненного уклада до психологических особенностей, ментальности и картины мира) на временную (историческую), выразившаяся в целенаправленном характере процесса интернационализации образа жизни. А этот процесс, в свою очередь, обусловил инверсию базовых и периферийных слоев в культурной ценностной модели поведения человека.

В-третьих, наблюдается превращение природных оснований существования человека (в частности, атрибута владения как такового) в предмет идеологического противостояния.

В-четвертых, для современного бытия человека характерны разного характера массовые перемещения людей, связанные с утратой их родо-

вых территорий (которые определяют все своеобразие этнической жизни, задают специфику каждого ее элемента), будь то в виде принудительных миграций или в виде лишения собственности на свою землю.

В-пятых, гипертрофируется субъектность общества по сравнению с субъектностью индивида: фактическая востребованность последнего как функционера (сопровождающаяся сужением диапазона его ролей) в противовес декларируемой значимости его как личности.

В-шестых, закрепляется право на социальное творчество преимущественно только за одной группой общества — идеологами и политиками.

В-седьмых, индивид отчуждается не только от творческой деятельности, но и от системного взгляда на мир (представления о всеобщности связей, поисков границ своих возможностей), выражающееся в двух крайних позициях (где человек или центр Вселенной, или «масса», «человеческий фактор»); это имеет соответствующие практические результаты: возникновение экологических проблем.

В-восьмых, типично превращение идеологем в самодостаточный образ мира вместо картины мира, сообразуемой с объективными знаниями, здравым смыслом и установившимся за века порядком.

В-девятых, произошла замена большой вертикальной иерархии ценностей (с атрибутом духовно-божественного начала) ценностями с усеченной вертикалью – авторитетом земной власти, равнозначная утрате нравственных ориентиров, освященных космическими масштабами («божественным»), и утверждению земных – субъективных, произвольных.

Данный ряд можно продолжить, но смысл очевиден. Это разрушение традиционной этнической культуры как системы и утрата ею роли системообразующего фактора в образе жизни человека. А в познавательном плане – сведение этой культуры к ее внешним проявлениям (этнографическому предмету – одежде, утвари, обычаям, ритуалам и пр.). Хотя, разумеется, подобное не означает полного отсутствия преемственности при переходе от традиционного общества к посттрадиционному (что невозможно в принципе). Но заимствования осуществлялись по *линии* сохранения не ценностного ядра, а больше – периферийных слоев иерархии ценностей, имеющих преходящий, исторический характер.

В свете сказанного необходимо возвращение традиционной культуре системообразующей ро-

ли – в силу ее глобальной значимости для человека. Но поскольку этническая реальность, традиционный образ жизни как источник ее возникновения – феномен прошлого и не подлежит реставрации во всей полноте, процесс восстановления должен происходить в ином русле. Традиционная этническая культура должна быть возрождена как ценностная база жизнедеятельности современного человека. Иными словами, она должна выступить в качестве основы для выяв-

ления системного методологического и одновременно конкретного критерия (= норматива = ориентира = вектора развития), актуализируемого при создании новых жизненных форм, применяемого для регулирования социальной творческой деятельности.

Ядро любой традиционной этнической культуры является основой выживания этнического субъекта как человеческого сообщества, как носителя своего родового качества.

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ И СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА

Т.А. Арташкина

Арташкина Тамара Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии Института истории и философии Дальневосточного государственного университета.

Автор анализирует определенные направления, в которых осуществляется соединение науки с властью: использование научных достижений и технологий в военных целях; использование информационных технологий и единой мировой сети Интернет; манипуляция общественным мнением и сознанием. Автор делает вывод, что в современных условиях проблема ответственности должна охватывать всю сферу человеческой деятельности, включая гуманитарную область, сферу культуры и обыденное сознание. Это приводит к необходимости включения оценочного компонента в состав социального заказа в области образования.

The author analyzes the next directions, in which the uniting of science and government is performed: applying of scientific achievements and technologies to war craft; applying of informational technologies and the World Wide Web (Internet); manipulations with social opinion and consciousness. The author comes to a conclusion that the problem of responsibility must cover the human activity in whole in contemporary conditions, including the humanitarian area, culture, and ordinary consciousness. It brings to a necessity of including the evaluative component into a structure of the social order in education field.

Достижения современной цивилизации создают огромные возможности для развития человечества. Но они же могут вызвать и кризисные последствия как в глобальном, так и локальном масштабах. Здесь возникает опасность, на которую еще 15 лет назад указывал С. Г. Кара-Мурза. Одновременно с наукой возникли на научном менталитете ключевые категории идеологии индустриального общества – категории *свободы* и *прогресса*¹. В современной цивилизации установлена определенная иерархия типов свободы и ее разделения между людьми. Ресурсоемкость «основанного на научной технологии» стиля жизни, предлагаемого за образец всему человечеству, превышает естественные ограничения нашей среды обитания. Практиковать этот стиль жизни можно лишь за счет других живущих на Земле людей и за счет потомков. Оценивая сложившуюся ситуацию, тот же С. Г. Кара-Мурза пишет: «Слаборазвитость 70 % человечества – печальная необходимость, без которой не может существовать общество потребления для 13 %. Как ни прискорбно, придется даже искусственно сдерживать развитие, допуская порой деградацию значительной части человечества в биологическом отношении»². В этой ситуации трудно не согласиться с утверждением, что **демифологизация понятия «свобода» неизбежно выводит на передний план понятие ответственности с требованием открытого изложения всех видимых ограничений и сфер неопределенности при принятии существенных решений.**

Термин «ответственность» восходит к латинскому слову «respondere» (отвечать), а прилагательное «ответственный» появилось в английском и во многих романских языках в начале XVI в. Среди известных случаев употребления «абстрактного существительного в виде понятия «ответственность» (responsibility) встречается во «Фрагменте о правлении» («A Fragment on Government», 1776) Иеремии Бентама, где понятие «ответственность правителей» характеризуется, как право управляемого требовать публичной подотчетности за любое действие власти, совершаемое по отношению к нему»³. В современной жизни это понятие играет центральную роль в дискуссиях по нравственным вопросам искусства, политики, экономики, бизнеса, религии, науки и техники. В 1980-е гг. в отечественной публицистике и научных изданиях по социальным проблемам получил распространение термин «человеческий фактор», имеющий значение, аналогичное или очень близкое к значению понятия «ответственность». Дискуссии по этой проблеме продолжают развиваться в русле двух основных магистральных направлений.

Первое направление связано с тем, что научно-технический прогресс предъявляет повышенные требования к интеллектуальным и психическим качествам, к физическим возможностям человека в трудовом процессе. Все многообразие функций, присущих человеку не только в системе производственных отношений, но и социальных, экономических, научно-технических, организационно-управленческих и др., следует отно-

¹ Кара-Мурза С.Г. Наука и кризис цивилизации // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 3.

² Там же. С. 12.

³ Цит. по: Митчем К. Что такое философия техники? М., 1995. С. 89.

силь к содержанию понятия «человеческий фактор». Здесь человеческий фактор выступает двигателем всех изменений в материальном производстве⁴. Количество информации, которую человек должен воспринять и переработать, растет. Значительно возрастает интенсивность общения людей, более разнообразными становятся его формы. Используемые производственные фонды, как правило, отражают прошлый уровень развития науки и техники. Будущие качественные изменения техники содержатся в текущих научных и технических разработках, в проектах или вызревают в сознании людей. Такое понимание человеческого фактора сложилось к концу 1980-х гг. Здесь понятие «человеческий фактор» употребляется в широком смысле и может быть отделено от понятия «ответственность».

Внедрение современной технологии вызвало расширение и трансформацию всего поля ответственности. Следствием этого было и отрицательное, и положительное отношение к технике там, где ответственность уже была установлена. Практическая потребность «поднять» человека в его работе с техникой привела к необходимости не только разработки практических рекомендаций, но и теоретического, философского осмысления возникшей проблемы, принявшего форму философии техники. В рамках подобных дискуссий рождалось понимание «человеческого фактора» в узком смысле и предполагало две области исследований.

Первая область была очень точно определена инженером-пилотом I-го класса В. Герасимовым, анализирувавшим последствия и причины аварий в авиации. Эти причины определялись, по мнению В. Герасимова, в первую очередь безграничными возможностями современной техники и ограниченностью психофизиологических возможностей управляющего ею человека: «Человека надо также поднимать в его работе с техникой, как и саму технику. И думать о его психофизиологических возможностях. Если возможности техники безграничны, то они – нет»⁵.

Вторая область исследований связана с изучением принципов и методов управления, прежде всего в промышленных организациях, с разработкой системы морально-психологического стимулирования работников к повышению производительности труда. Данная социологическая концепция получила название «Теория человеческих отношений». Возникновение этой

теории связано с экспериментом, проведенным в 1927–1932 гг. на заводах компании «Уэстерн электрик» в Хоторне (близ Чикаго). Психолог Мэйо и его сотрудники в ходе эксперимента добились повышения производительности труда в одном из цехов, создав в нем психологический климат, в корне отличный от деспотического режима, существовавшего в других цехах⁶. В начале 1960-х гг. Д. Макгрегор дополнил «Теорию человеческих отношений» рекомендациями о стилях обращения с подчиненными, или теорией «управления через соучастие». Д. Макгрегор утверждал, что человек работает лучше там, где «ориентируются на людей», а не просто «на продукцию»⁷. Естественно, что данные теории критиковались советскими обществоведами, как «буржуазные». Однако в той же критической литературе отмечалось, что эти теории содержат рациональные черты, обусловленные потребностями современного крупного производства, которым нельзя управлять без учета социально-психологических аспектов.

Второе направление дискуссий по проблеме «ответственность», сохраняя все, что было изложено выше, обретает «более высокий», планетарный уровень. Такая необходимость и стремление «поднять» человека в его практической деятельности вызвана противоречием, являющимся следствием хозяйственной деятельности человека. Это – противоречие между способностью человека к действиям и невозможностью предсказать последствия такой деятельности.

Так, в результате собственной деятельности человек поставил себя на грань выживания в этом мире. В 60-е гг. XX в. профессором МГУ В.А. Ковдой были проведены расчеты, которые показали, что человечество производит отходов органического происхождения в 2000 раз больше, чем вся остальная природа⁸. Еще в 1904 г. В.И. Вернадский сказал с трибуны Московского университета о том, что человек превратился в основную геологообразующую силу планеты. А несколько позднее тот же В.И. Вернадский начал говорить о том, что человеку, чтобы сохранить свой биологический вид, придется взять ответственность за судьбы не только общества, но и биосферы в целом⁹.

⁶ Уайт У.Х. Организационный человек (фрагменты) // Личность. Культура. Общество. М., 2003. Т. V. Вып. 1–2 (15–16). С. 240–245.

⁷ Макгрегор Д. Человеческий фактор и производство // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 146–151.

⁸ Цит. по: Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М., 2000. С. 78.

⁹ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

⁴ Хроменков Н.А. Образование. Человеческий фактор. Общественный прогресс. М., 1989. С. 106.

⁵ Цена истины : по следам аварий // Правда. 1987. 15 июня.

Описанные в данном разделе направления расширения и трансформации поля ответственности человека наглядно представлены на рисунке.

На протяжении всей своей истории люди выработали несколько способов познания и освоения окружающего их мира. Будучи ориентированной на выявление общих свойств окружающего мира, наука является одним из них. Основой этого процесса служит комплекс способов и приемов решения указанных задач, а результатом данного процесса является получение теоретического знания, служащего удовлетворению базовых человеческих потребностей. Рассматривая науку как деятельность, направленную на производство нового знания, и как традицию, необходимо обязательно учитывать историзм науки. В процессе ее развития происходит не только накопление нового знания, но и перестраиваются ранее сложившиеся представления о мире. Все это дало основание М.А. Розову рассматривать науку в качестве социального куматоида, поскольку наука – это, по сути, реализация «некоторой программы человеческого поведения на постоянно сменяющемся друг друга человеческом и предметном материале»¹⁰.

Можно понять тревоги представителей культуры и гуманитарной отрасли знания, озабоченных непредсказуемостью последствий, вызванных изменением социальной роли науки в современном обществе. Все это уже давно стало предметом обсуждения в научной фантастике. Среди авторов – такие известные писатели-фантасты, как представитель отечественной литературы Илья Варшавский, польский писатель Станислав Лем, американец Рэй Брэдбери и др. Лучших представителей этого литературного жанра волнуют не только непредсказуемые последствия научно-технического прогресса, но и сам человек будущего, каким он будет, сохранит ли он в себе все человеческое. «Жизнь, – отмечал О. Хаксли в свое время, – может быть радикально изменена в своем качестве только с помощью наук о жизни. Науки же о материи, употребленные определенным образом, способны уничтожить жизнь либо сделать ее донельзя сложной и тягостной...»¹¹. Вводя термин «человекообразность», В.В. Степин, в сущности, говорит о том же, о чем писал О. Хаксли¹².

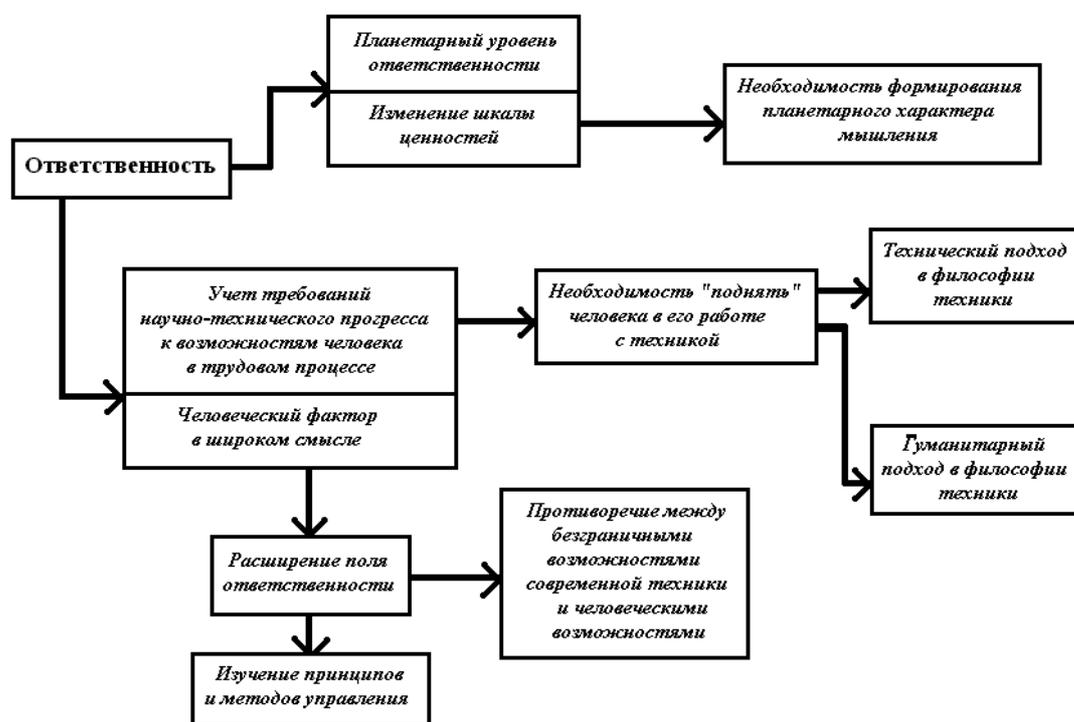

Рисунок. Схема направлений расширения и трансформации поля ответственности человека

¹⁰ Розов М.А. Наука как социальный куматоид // Феномен социальных эстафет: сб. статей. Смоленск: СГПУ, 2003. С. 40–43.

¹¹ Хаксли О. О дивный новый мир // О дивный новый мир: английская антиутопия. Романы: сборник; пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. С. 300.

¹² См.: Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 17.

Однако в отличие от писателей-фантастов, которые часто рисуют будущее человечества очень мрачными красками и ищут выход в мистицизме, В.В. Степин не теряет веры в науку и утверждает, что «теоретическое знание и его развитие является неотъемлемой характеристикой современной науки, которая постоянно расширяет горизонты познавательного и практического освоения мира человеком. Как и сама наука, теоретическое знание является культурно-историческим феноменом. ... Современная цивилизация неразрывно связана с достижениями науки, основанными на систематическом развертывании теоретических исследований. Именно благодаря этим достижениям и их внедрению в производство стал возможен впечатляющий технологический прогресс XX века, приведший в развитых странах Запада и Востока к новому качеству жизни»¹³.

Между тем в постиндустриальном обществе техногенной цивилизации изменения социальной роли науки приводят к ее соединению с властью. Наиболее ощутимо соединение науки с властью осуществляется в трех направлениях:

- использование научных достижений и технологий в военных целях;
- использование информационных технологий и единой мировой сети Интернет;
- манипуляция общественным мнением и сознанием.

Так же, как и сама наука, *использование научных достижений и технологий в военных целях* носит исторический характер. Государство как общественный институт возникло примерно на тысячу лет раньше локальных цивилизаций. Затем возник новый государственный институт – мировые империи. Создание империй следовало за расширением рамок экономического, политического и культурного взаимодействия государств и способствовало распространению передовых для того времени технологий и политических форм. Но реальной основой таких империй были военная сила, политическое единство, могущество центра. Средневековая наука была средством решения чисто практических задач. Военное дело и военная техника были тесно связаны с различными отраслями феодального хозяйства. Промышленная революция XVIII в., изобретение Дж. Уаттом в 1784 г. парового двигателя; применение в промышленности электричества и химии; изобретение важнейших средств связи; осуществление передачи электрической

энергии на расстояние; создание синтетических материалов – все это позволило разработать более совершенные средства вооружения. В Новое время резко усиливается военная экспансия наиболее промышленно развитых государств, таких как Великобритания, Франция, Германия. Военное противостояние во второй половине XX в. опирается на наличие ядерного оружия у ведущих держав.

Внимание властей к фундаментальным исследованиям стало резко возрастать после того, как 2 августа 1939 г. А. Эйнштейн сообщил Д. Рузвельту о том, что физиками выявлен новый источник энергии, который дает возможность создать атомную бомбу. Успех «Манхэттенского проекта», а затем запуск 4 октября 1957 г. Советским Союзом первого искусственного спутника Земли имели большое значение для осознания необходимости и важности проведения государственной политики в области науки¹⁴. В конце XX в. около 40 % ученых были так или иначе связаны с решением задач, имеющих отношение к военным ведомствам¹⁵.

Естественно, что во все времена ведущие ученые пытались противостоять использованию научных достижений и технологий в военных целях. В.И. Вернадский в 1915 г. в статье «Война и прогресс науки» впервые поставил вопрос о грозящей человечеству страшной опасности, которую мы сегодня называем атомным омницидом, т. е. всеобщим самоуничтожением в пожаре ядерной войны. Более того, уже тогда он призвал ограничить стихию милитаризма «силами человеческого духа и более совершенной общественной организацией»¹⁶. В Декларации ООН 1981 г. о предотвращении ядерной катастрофы было заявлено, что любые действия, подталкивающие мир к такой катастрофе, несовместимы с законами человеческой морали и высокими идеалами Устава ООН¹⁷. Тем не менее производство ядерного оружия не прекратилось.

В научной среде существует давняя традиция, которая рассматривает науку «как внутренне ограниченную форму знания, опирающуюся на более низкий уровень реальности, в качестве

¹⁴ Философия и методология науки. Ч. I. М., 1994. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 276–277.

¹⁷ Декларация о предотвращении ядерной катастрофы [Электронный ресурс]: утв. резолюцией 36/100 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 г. / Ядерная безопасность: Декларации; Организация Объединенных Наций, ООН, 2001–2005 годы. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/declarat/nuclear.htm>

¹³ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 17.

потенциальной угрозы социальному порядку на уровне мышления и практики, из чего следует ответственность ученых (и политического режима) по отношению к этим дисциплинам»¹⁸. Однако это – не единственная традиция. К. Митчем указывает, что более поздняя традиция предполагает, что наука глубже соотнесена с истиной, и поэтому при любых условиях наука существенно полезна для общества при должной ответственности ученых в развитии и распространении своих дисциплин¹⁹. Поэтому актуальными, как никогда, остаются слова В.И. Вернадского о том, что по мере дальнейшего роста разрушительной научной техники ей должна противостоять охранительная и защитительная сила научного сообщества²⁰.

Аналогичную картину можно обнаружить и в сфере информационных технологий и единой мировой сети Интернет. Даниел Белл считал, что существенной характеристикой постиндустриального общества явится уже возникшая новая интеллектуальная технология, используемая в принятии управленческих решений²¹. Он полагал, что к концу XX в. такая технология будет играть столь же выдающуюся роль в человеческих делах, какую играла машинная технология в прошедшие полтора века. Эти алгоритмы могут быть реализованы в автоматической машине, в компьютерной программе или в наборе инструкций, основанных на некоторых математических формулах. Интеллектуальная технология, по Беллу, связана с использованием математической (статистической) или логической техники при работе с «организованной сложностью», в качестве которой могут быть рассмотрены различные, в том числе социальные организации и системы. В интерпретации Белла такая технология предполагает взамен интуитивных суждений использование алгоритмов как правил решения проблем. Примерами новых интеллектуальных технологий в этом случае являются теория игр и системный анализ²². Однако теоретик постинду-

стриального общества не мог себе представить в 1973 г., что такой всеохватывающей «интеллектуальной технологией», спустя всего лишь несколько лет, станут информационные технологии.

Компьютеризация была обусловлена потребностями науки и техники, чтобы освободить человека от нетворческой деятельности и создать возможности для более полной реализации его творческих способностей. Однако уже сейчас видно, что последствия компьютеризации для развития культуры человечества в значительной степени противоречивы и имеют как положительный, так и отрицательный характер. Так, благодаря телекоммуникационным системам и информационным технологиям события и открытия воспринимаются и распространяются в мире мгновенно. Однако люди, потребляющие и использующие информацию, не просто живут в разных странах. Они принадлежат разным историческим и культурным эпохам. Тем самым в сознании отдельных людей причудливым образом сочетаются пласты культур разного характера и уровня развития. Эта неравномерность может восприниматься как несправедливость, и породить такую актуальную проблему, как международный терроризм. В литературе отмечается, что появились новые понятия «информационный неокOLONиализм» и «информационные войны»²³. Кроме того, Ю.В. Яковец подчеркивает, что более развитые цивилизации, прежде всего североамериканская, активно пользуются глобальными информационными технологиями для идеологического подчинения себе более слабых цивилизаций, навязывания миру нового порядка, основанного на идее *Rax Americana*²⁴. Эту принципиально новую тенденцию в современной глобальной политической стратификации наиболее четко выразил американский политолог С. Хантингтон²⁵. Однако в отечественной литературе нет однозначной оценки концепции столкновения цивилизаций, автором которой он выступает. Одни рассматривают данную концепцию, наряду

¹⁸ Митчем К. Что такое философия техники? М., 1995. С. 96.

¹⁹ Там же.

²⁰ Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Начало и вечность жизни / сост., вступ. статья, комментарии М.С. Бастраковой, И.И. Мочалова, В.С. Неаполитанской. М.: Сов. Россия, 1989. С. 279–280.

²¹ Bell D. The post-industrial society: A conceptual schema // Evolution of an information society. L., 1987. P. 60–75; Bell D. The third technological revolution and its possible socioeconomic consequences // Dissent. N.-Y., 1989. Vol. 36. № 2. P. 164–176.

²² Цит. по: Алексеева И.Ю. Возникновение идеологии информационного общества [Электронный ресурс] // Распределенная конференция «Технологии информационного общества 98 –

Россия», 30 ноября – 2 декабря 1998 г.; 1998–2005. Институт развития информационного общества. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.iis.ru/events/19981130/alexeeva.ru.html>

²³ Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001. С. 284.

²⁴ Там же.

²⁵ Хантингтон С.П. Наступит ли конец цивилизаций? [Электронный ресурс] / С. Хантингтон [Российский гуманитарный Интернет-университет]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/moiseev%5Ffilosofija/>; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? [Электронный ресурс] / С. Хантингтон; Российский ресурс. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.dvpt.ru/huntington.htm>

с другими, в которых исследуются пути развития современной цивилизации²⁶. Другие, например, А.С. Панарин отмечает, что «автор теории «конфликта цивилизаций» – С. Хантингтон (человек, профессионально связанный со спецслужбами США) дал ее откровенно «технологическую» версию, выставляя на первый план политические технологии, используемые для раскола крупных полиэтнических и поликонфессиональных государств, способных стать оппонентами «однополярному миру»²⁷.

Л.И. Михайлова выражает опасение, что информация и информационные технологии могут быть поставлены на службу элитарной части общества: «Формируется *элитарно-массовая структура общества*, в которой власть оказывается в руках элиты, создающей информацию и распоряжающейся ею, а основная масса оказывается в роли потребителя на рынке «купли-продажи». Распространяя лишь ограниченную, нужную и выгодную для себя информацию, элита манипулирует сознанием общества, через средства массовой коммуникации формирует бездумных людей, направляет их поведение. ... Элитарно-массовая иерархическая структура общества приводит к искажениям этических норм и развитию компьютерной преступности, так как техника не знает понятий морали, ответственности, здравого смысла, добра и зла»²⁸. Однако ресурсы Интернет могут использоваться в своих целях и рядовыми его пользователями.

Так, с середины 2003 г. цивилизованный мир реально столкнулся с таким явлением как флэшмоб. Слово «флэшмоб» в переводе означает «мгновенная толпа». Суть данного явления, основанного на использовании информационных технологий, сводится к следующему. В различных точках планеты в определенное время и в конкретном месте неожиданно возникает большая группа людей, которые на протяжении нескольких секунд или минут совершают определенные действия, после чего исчезают. Эпидемия «умной толпы» охватила мир за считанные месяцы. Ее сразу же окрестили «массовой мировой забавой» и «первым массовым психозом XXI ве-

ка». Многие флэшмобберы на Западе считают «отцом-основателем» всего движения социолога Говарда Рейнгольда, однако, тот не ставил перед собой цели организовать какое-либо движение или сообщество. Такая идея принадлежит создателю сайта FlockSmart.com – преуспевающему 28-летнему компьютерщику из Сан-Франциско Робу Зазуэта²⁹. Такие акции не обошли и Россию. Летом 2003 г. в Рунете появились первые сведения о флэшмобе, а на различных популярных российских сайтах появляются статьи о нем³⁰.

Не успела в России пройти волна флэшмоба, как стали заявлять о себе Интернет-сообщества, проводящие акции в самой глобальной сети. До указанного момента в Рунете не существовало организованных групп пользователей, действующих в реальном времени. Сетевой флэшмоб обобщил механизмы моббинга и современные технологии. По словам идеологов нового движения, сетевой флэшмоб не может приносить никому вреда. Его идеологи позиционируют значение Интернета как живого существа, развивающегося по собственным законам и не зависящего от внешней действительности³¹. Однако тот же Г. Рейнгольд приводит примеры акций, имеющих, главным образом, политическую направленность, которые происходили по всему миру. В 1999 г. противники глобализации координировали свои действия во время проведения совещания Всемирной Торговой Организации в Сиэттле через веб-сайты и мобильную связь. В 2001 г. на Филиппинах граждане с помощью текстовых сообщений – SMS – самоорганизовались и добились отставки президента Дж. Эстрады. В декабре 2002 г. молодежь Южной Кореи повлияла на исход выборов президента страны. В США в ходе президентской кампании Говарда Дина люди уже демонстрировали небывалую способность к самоорганизации при помощи сайтов³².

Явление флэшмоба, появившееся благодаря развитию средств коммуникации, заняло особую

²⁶ Материалы независимого теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества» [Электронный ресурс] / руков. А.С. Ахиезер; ред.-сост. Е.В. Туркатенко. Электрон. дан. Режим доступа: <http://scd.centro.ru/index.html>

²⁷ Панарин А.С. Россия в социокультурном пространстве Евразии // Москва. 2004. № 4. С. 177.

²⁸ Михайлова Л.И. Социология культуры: учеб. пособие. – М., 1999. С. 70–71.

²⁹ История флэшмоба [Электронный ресурс] / Сайт «flashmob». Электрон. дан. Режим доступа: <http://flashmober.narod.ru/>; После десяти проведенных акций мы подводим итоги... [Электронный ресурс] / FLASHMOB SMOLENSK ON-LINE. Электрон. дан. Режим доступа: http://flashmob.smolensk.ws/total_his.html

³⁰ Там же.

³¹ Захарченко В. Сетевой флэшмоб : новое веяние Интернета [Электронный ресурс] / В. Захарченко; Ежедневный электронный журнал Internet.ru. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.internet.ru/index.php?itemid=10859>

³² Интервью с Говардом Рейнгольдом [Электронный ресурс] / Сайт «flashmob». Электрон. дан. Режим доступа: <http://flashmober.narod.ru/art/interview.html>

социальную нишу. Сам Г. Рейнгольд не считает себя ответственным за появление флэшмоба. По его мнению, этот феномен, возникший в 2003 г., является демонстрацией «способности группы людей организовать прямое коллективное действие, которое они не были в состоянии осуществить ранее, до появления комбинации Интернета и мобильного телефона»³³. Г. Рейнгольд выступает в роли футуролога, предвещая следующую социальную революцию, в рамках которой умная толпа, используя симбиоз Интернета и мобильной связи, будет оказывать в ближайшие десять лет радикальное воздействие как положительное, так и разрушительное, на все области деятельности человеческого сообщества.

Третье направление, в рамках которого происходит соединение науки с властью, – это *манипуляция общественным мнением и сознанием*. Возможность воздействия на массовые настроения общества является наиболее существенной практической проблемой современных средств массовых коммуникаций. Человек, находясь в информационном поле, может жить в виртуальном мире и неадекватно воспринимать реальность. А. Моль еще 30 лет назад подчеркивал, что СМИ фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, почти не оказывает влияния на развитие общества³⁴.

И.А. Илюшин отмечает, что манипулирование есть наиболее распространенный метод воздействия на общество как в политике, так и в других сферах человеческой деятельности³⁵. Манипулирование – это процесс информационного воздействия на общественное мнение и политическое поведение масс с целью направления этого поведения в выгодную для власти сторону. Целостное социально-политическое воздействие на массовые настроения складывается из двух компонент: пропагандистско-идеологической (манипулирование притязаниями) и социально-экономической (манипулирование уровнем жизни). Стабилизация настроений достигается за счет уравнивания притязаний и возможностей их достижения. Цель манипулирования –

внедрить в массовое сознание определенные установки, стереотипы оценок и поведения, подвигнуть массы на принятие тех или иных (чаще – непопулярных) мер.

Немецкий ученый Густав Фарбер пишет по этому поводу следующее: «Фокусники пользуются трюками. Но в наши дни трюки используют также и политические, хозяйственно-политические, культурно-политические манипуляторы. В этом смысле фокусники и менеджеры манипуляции не так уж далеки друг от друга. Но фокусник работает для игры, развлечения, обмана как самоцели. А манипуляторы современного управления, независимо от сферы, действуют вполне серьезно, с откровенной или замаскированной целеустремленностью. Ибо они создают власть. Власть над другими, манипулируемыми. Манипуляция – это более утонченные, менее броские, менее прямые, а потому более опасные действия. Объект манипуляции считает, что действует на основе своего свободного решения. Но это «свободное решение» – иллюзия. На самом деле им управляют, а его мнением манипулируют. Даже так называемые нравственные принципы зачастую являются результатом манипуляции в целях сохранения власти меньшинства»³⁶. В настоящее время идеология, пропаганда, искусство, религия, реклама, наука и т.д. используют манипуляцию в своих целях.

В современном обществе по аналогии с точно-конвейерной индустрией существует массовое производство культурных ценностей, рассчитанное на массовое потребление, приспособленное к уровню среднего человека. Массовая культура – это обобщенная характеристика культуры, превращенной в индустриально-коммерческую форму производства, и распространения стандартизированных духовных благ с помощью СМИ. Для массовой культуры характерны стандартизация, примитивизм в изображении отношений людей, сентиментальность, развлекательность, культ потребления и успеха, насилие и секс. Большую роль играет сенсационность подачи материала. Любое явление подлинной, высокой культуры, массовая культура может свести до уровня усредненных неразвитых вкусов. Разрушающее влияние СМИ на психологию и поведение людей уже не первый год отмечают многие ученые и практики. Во многом под воздействием массовой культуры молодые люди в возрасте до 30 лет изменили мотивацию своего поведения и шкалу жизненных ценностей.

³³ Интервью с Говардом Рейнгольдом [Электронный ресурс] / Сайт «flashmob». Электрон. дан. Режим доступа: <http://flashmober.narod.ru/art/interview.html>

³⁴ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

³⁵ Илюшин И.А. Введение в Public Relations: учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 75.

³⁶ Цит. по: Илюшин И.А. Указ. соч. С. 76.

Вовлекаясь в процессы труда и общения, люди вырабатывают соответствующие представления, установки, нормы, которые вместе с их эмоциональной окраской составляют содержание сознания. С материалистической точки зрения сознание выступает как особая форма отражения, регуляции и управления отношением людей к окружающей действительности, к самим себе и своим способам общения. Рациональное мышление, как форма психической деятельности также проявляется, как способность смотреть на мир «глазами общества», через призму выработанных им абстракций и понятий. Эмоциональная сфера индивидуальной психики, такие специфические человеческие чувства, как любовь, дружба, сопереживание, гордость, стыд и т.д. воспитываются под воздействием норм и идеалов общественного сознания, в процессе развития культуры человечества.

В настоящее время выделяются две особые категории сознания: повседневное и сознание элитарное. Е. Золотухина-Аболина характеризует их как достаточно размытые, но вместе с тем реальные образования³⁷. Под повседневным сознанием надо понимать сознание, которое можно также назвать «массовым сознанием» – это тип и способ мировосприятия большинства людей. Повседневное сознание обладает рядом выразительных черт: строится вокруг субъекта, опирается на «здравый смысл», подчиняется нормам и правилам, сложившимся в обществе. Без повседневного сознания невозможно адаптироваться и жить в реальном мире. В разные времена и эпохи повседневное сознание наполняется разными смыслами, но его структуры одинаковы для всех времен. В свою очередь, элитарное сознание выступает как специализированное групповое сознание так называемых творцов высокой культуры – философов, литераторов, художников, идеологов, чье внимание сконцентрировано на функционировании и развертывании духовной жизни как таковой. Прерогативой этой элиты всегда была относительно свободная игра мнений, представлений, суждений. Элитарное сознание является особым видом сознания, так как порождается немногими и представляет собой некую духовную лабораторию человечества³⁸.

В течение долгого времени, вплоть до середины XX в., повседневное и элитарное сознание функционировали в определенном, исторически

сложившемся режиме. То, что могло быть принято, «прививалось к стволу повседневности», а что не становилось органичной составляющей жизни, отпадало само собой. Даже такой мощный институт, как Церковь, издревле стремившийся к тотальному влиянию на сознание масс, не мог переориентировать людей с «сиюстороннего» на «потустороннее». В прошлые века не существовало оружия, благодаря которому основные характеристики повседневного сознания могли бы быть расшатаны. В XX столетии, в связи с появлением средств массовой информации и информационных технологий, ситуация радикально переменялась.

Однако средства массовой информации – всего лишь составная часть более общей технологии, позволяющей манипулировать общественным сознанием. Такая технология носит общее название «PR-технологии» или, в русском варианте, просто «пиар», ПР.

Слово «пиар» – это русская транскрипция двух английских букв PR, являющихся начальными буквами английского словосочетания «public relations» («Паблик рилейшнз»; public relations – связи с общественностью). Когда в 1975 г. один из американских фондов (Foundation for Public Relations Research and Education) предпринял глубокое исследование данной темы, было выявлено около 500 определений PR³⁹. Разнообразие его описаний свидетельствует лишь о возникновении или доминировании каких-либо тенденций в обусловленные периоды у определенных групп исследователей и практиков. Как бы мы ни устанавливали «связи с общественностью» («паблик рилейшнз»), приходится признать, что это не столько изобретенная кем-то наука и технология, сколько объективно и постоянно присутствующая в обществе функция, направленная на создание благоприятного (нейтрализацию неблагоприятного) фона вокруг и внутри некоторого объекта в некоторое время и в некотором объеме. Другое дело, что средства и методы реализации данной функции могут применяться с большей или меньшей степенью осознанности, базироваться на отрывочных эмпирических сведениях или стройной системе научной информации, мотивироваться различными факторами и т.д.

PR-технологии позволяют очень легко как формировать в обществе, так и разрушать определенные ценностные ориентации, традиции и

³⁷ Золотухина-Аболина, Е. Постмодернизм = распад сознания? // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 185–192.

³⁸ Там же.

³⁹ Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика: учеб. пособие. М., 2003. С. 16.

установки. Использование специалистами по пиару информационных технологий значительно усиливает эту тенденцию. Данное свойство пиара привело к тому, что не только в обществе, но и в среде отечественных специалистов формируются две диаметрально противоположных оценки этой деятельности. Первая позиция, более ранняя, содержит негативные оценки PR-деятельности из-за ее возможности манипуляции общественным сознанием⁴⁰. Вторая позиция, более поздняя, содержит положительные оценки PR-деятельности. В соответствии с этой, второй позицией, PR – это, в конечном счете, построение системы гармоничных (а потому эффективных) коммуникаций, способствующих достижению требуемого результата (но не гарантирующих его). Манипуляция – это скорее методы пропаганды⁴¹.

Соединение науки с производством, превращение науки в производительную силу общества, его технизация, соединение науки с властью с необходимостью приводят к усилению юридической, социальной, профессиональной и моральной ответственности, связанной с различными областями общественной деятельности. Различные аспекты произошедших социальных изменений нашли свое отражение в таких областях, как правовая ответственность, социальное сознание ученых, профессиональная этика инженеров. Это означает, что **проблема ответственности должна выйти за пределы только естественно-научной отрасли знания или инженерной деятельности, она должна охватывать всю сферу человеческой деятельности, включая гуманитарную область, сферу культуры и обыденное сознание.** В современном обществе на первый план выдвигается требование, заключающееся в том, что **любые действия людей должны сопровождаться оценкой последствий принимаемых решений с последующей корректировкой этих действий. Последнее требование привело к необходимости включения в состав социального заказа в области образования оценочного компонента,** структура которого достаточно сложна: профессионально-оценочная часть осуществляет выбор средств деятельности и их оценку, экстраполирует в будущее последствия этой деятельности; нравственно-оценочная часть

оценивает последствия практической деятельности людей и меру их ответственности за себя перед другими. *Нравственная оценка осуществляется во всех сферах жизнедеятельности человека.*

Для высшей школы в настоящее время характерно, что из ее стен по-прежнему выходят лишь специалисты, между тем как современный мир требует подготовки образованных специалистов. С этой точки зрения – требование ответственности и явление человеческого фактора неразрывно связаны с проблемой нравственных отношений: отставание образованности от обученности неминуемо ведет к утрате истинного смысла деятельности человека. Но преодоление такого отставания возможно только при условии формирования новой меры ответственности человека за себя перед другими.

Между понятиями «образование», «обучение» и «подготовка» существует не только семантическая или синонимическая зависимость. Этот вид связи непосредственно отражает очень сложный процесс становления человека как личности и как профессионала. При этом «вершиной», «пиком максимума» такого становления является приобретение обучаемым определенного мировоззрения как общего характера, так и профессионального. В предыдущие исторические эпохи общественный прогресс обеспечивался за счет втягивания людей в сферу общего среднего образования. **В настоящее время общественный прогресс возможен за счет опережающего развития системы высшего образования, обеспечивающего реализацию программы человеческой деятельности на постоянно сменяющемся друг друга человеческом и предметном материале.**

По оценкам многих и многих отличительной чертой современного типа мировоззрения становится гуманизм. Гуманизм, как и всякое мировоззрение, есть историческое образование. Понятие «гуманизм» в современном мире предполагает, по крайней мере, три «обвертки» проблемы. Именно обвертки, а не развертывание в трех плоскостях: в центре каждой обвертки находится сам человек со своими проблемами. Первая обвертка – межличностные отношения, главный принцип которых – уважение личности. Вторая обвертка – построение жизненного пространства этоса, не ущемляющего интересов других. Третья – забота о будущих поколениях. На переломе XX–XXI вв. наблюдается новая смена умонастроений. Реальные условия жизнедеятельности современного человека таковы, что нравственное оценивание его практической деятельности осуществляется уже в глобальном масштабе. Поэто-

⁴⁰ Илюшин И.А. Введение в Public Relations: учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000.

⁴¹ Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика: учеб. пособие. М., 2003.

му во второй и третьей обертке проблемы гуманизма отличительная особенность такой смены связана с потерей человеком видového инстинкта самосохранения.

Уровень современной науки и техники позволяет сознательно и планомерно управлять глобальными процессами. И важно, чтобы населяющие Земной шар народы это поняли. Изложенное можно рассматривать как выражение потребности в гуманизации современной исторической эпохи. Подтверждение этому мы находим в Докладе независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам «Сохранит ли человечество человечность?»⁴²:

«Гуманизм – это мировоззрение, в основе которого лежат интересы людей, забота об их благе. Он требует подвергать сомнению любые инициативы, если они наносят ущерб благополучию человека, невзирая на их последствия для экономического роста, политической власти или стабильности того или иного порядка. Такие абстрактные категории, как рост, стабильность и порядок, не являются самоцелью, а имеют ценность лишь в том случае, если способствуют благополучию людей.

Гуманизм исходит из признания того, что каждый из нас – не более, но и не менее чем человек. Делать особый акцент на нашей общей принадлежности к роду человеческому – это не значит отрицать или принижать значение трансцендентальных проблем: это лишь значит признать, что ни одно определение истины не может быть принято единодушно и безоговорочно. Наша общая принадлежность к роду человеческому – вот от чего мы должны отталкиваться, учась относиться с пониманием к многообразию представлений об истине.

Гуманизм предполагает наличие долговременной цели – благо людей; одной из его основ является солидарность с грядущими поколениями. ... На нас лежит ответственность за то, чтобы наши потомки имели возможность жить полноценной жизнью и смогли раздвинуть горизонты знаний на благо человечества. Наша обязанность – не лишать их возможностей выбора, которыми они располагают. ...

... Мы трактуем термин «гуманизм» шире, чем это было принято до сих пор.

Традиционные концепции гуманизма, как правило, сводятся к отрицанию и связаны, ско-

рее, с отказом от определенных действий, наносящих ущерб другим, нежели с оказанием непосредственной помощи. ...

Нашей эпохе должно соответствовать более универсальная нравственная концепция, ибо мы намного теснее связаны друг с другом».

Итак, гуманизм – это мировоззрение. Но только если в структуре социального заказа в области образования предполагается цепочка

ДЕЙСТВИЕ – ОЦЕНКА – ДЕЙСТВИЕ,

то природе формируемого понимания гуманизма присуща иная связь:

ОЦЕНКА – ДЕЙСТВИЕ (ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ) – ОЦЕНКА.

Современный уровень развития науки и техники предполагает высокий уровень культуры, высокую степень выявления существенных, творческих сил человека в их целостном, гармоническом виде. Это предполагает новую шкалу ценностей, исходящую из нового понимания смысла человеческой жизни и оценки всего, включая саму новую технологию. Из этого следует, что новому, более высокому уровню технологии производства должна соответствовать новая, более высокая степень развития общества и самого человека и, следовательно, более высокая степень взаимодействия как всего общества, так и каждого отдельного человека с окружающим его миром.

⁴² Сохранит ли человечество человечность?: Доклад независ. комис. по междунар. гуманитар. вопросам. М., 1989. С. 16–17.

А.И. ГЕРЦЕН – РУССКИЙ КЛАССИК НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

А.П. Герасименко, В.И. Змеу, И.П. Ковтун

Герасименко Анатолий Петрович – профессор кафедры теории и истории государства и права Амурского государственного университета, доктор философских наук.

Змеу Виктор Иванович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Амурского государственного университета.

Ковтун Ирина Петровна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Амурского государственного университета.

Наследие русского мыслителя середины XIX в. А.И. Герцена может быть рассмотрено как средоточие духовных исканий в условиях перехода от классических к неклассическим формам философствования. В работах Герцена бунт против сложившихся концепций европейской мысли воплотился в целом ряде идей, послуживших началом философской антропологии, герменевтики, философии кризиса и экзистенциальной философии.

It is possible to discuss the heritage of middle XIX century Russian thinker A.I.Hertzen as center of mental searches in situation of transition from classical to nonclassical methods of philosophize. Hertzen's works contains revolt against European thinking modes. Embodiments of this revolt are the beginnings of philosophical anthropology, hermeneutics, crisis and existential philosophy.

Обратиться к наследию такого крупного мыслителя XIX в., как А. И. Герцен (1812–1870), побуждает необходимость воссоздания подлинного места нашего соотечественника в истории философии. Его творчество в советский период истории официальная наука неизменно относила к предмарксистскому революционному демократизму и поэтому многими до сих пор считается досконально изученным, а вследствие этого фактически почти забыто. При этом как-то попутно само собой не осознается, что К. Маркс (1818–1883) и Ф.Энгельс (1820–1895) – современники Герцена и формируются как мыслители европейские одновременно с ним, фактически в одной и той же среде.

Русская философия XIX в. давно стала своеобразной классикой в отечественном философском развитии. Философские направления той поры нашли свое продолжение в XX в., а оригинальные идеи русских философов первого поколения демонстрируют завидную значимость и в начале XXI в. По нашему мнению, классиками русской философии можно считать не только П. Я. Чаадаева, М. А. Бакунина или Н. Я. Данилевского, но и Н. М. Карамзина, В. Ф. Одоевского, К. Н. Леонтьева и в первую очередь – А. И. Герцена.

А. Ф. Лосев называл русскую философию «самобытной», «самостоятельной» и в то же время «подражательной». Он отмечал, что «в XIX столетии Россия произвела на свет целый ряд глубочайших мыслителей, которых по гениальности можно поставить рядом со светилами европейской философии. Однако никто из них не

оставил после себя цельной, замкнутой философской системы, охватывающей своими логическими построениями всю проблему жизни и ее смысла»¹. Г.В. Флоровский, согласившись с авторитетными историками русской мысли в том, что русская философия возникла на «рецепции немецкого идеализма», тем не менее считал, что этот факт «не следует преувеличивать», так как именно «из нашей жизни», «из господствующих вопросов и интересов родной жизни рождается... русская философия. Рождается из исторического изумления, почти испуга, в болезненном процессе национально-исторического самонахождения и раздумья»².

В многочисленных, часто идеологически небеспристрастных исследованиях по истории философии в России XIX в. выделяют множество направлений – романтизм, консерватизм, славянофильство, западничество, либерализм, декабризм, позитивизм, материализм, идеализм, марксизм, символизм и т. п. Мы разделяем убеждение, что так же, как и в западно-европейской, в русской философии выделяются периоды классического и неклассического философствования. С этой точки зрения русская философия XIX в. предстает как многообразие неклассических философских доктрин, систем, школ и традиций, организованных вокруг двух «полюсов» – «тотальности» (целостности, коллективности) и «индивидуальности» (личности, персонально-

¹ Лосев А.Ф. Русская философия // Введенский А.И. и др. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 67.

² Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 236.

сти). Некоторые считают, что именно этот процесс поляризации отражается в становлении альтернативы «славянофильство – западничество», как специфической особенности русской философии XIX в., являвшейся органической частью европейской философии и построенной на проблематике, выработанной в рамках основных течений этой философии уже выходящих из рамок классики³.

Наиболее зримое выражение классической философии обычно находят в решении вопроса о человеческой рациональности. К XIX в. «с классической полнотой и всесторонностью... оказалась выраженной и проанатомированной позиция сознательного человека в мире, ...вообще человеческой сознательности в качестве свободного и органического фактора жизни, общественного устройства и миропознания, соразмерного с атомарным, самосознательно и разумно действующим индивидом и неотъемлемого от него»⁴. В этом усматривается внутренняя идейная форма всей классической философии и источник ее непреходящего значения и влияния. С середины XIX столетия распространяются иные формы философствования – неклассические. К ним с этого времени относят прежде всего такие системы мысли, которые отличаются антиклассическими или нигилистическими подходами. Одной из первых таких форм считается марксистская философия, о чем писал сам Ф. Энгельс⁵. К неангажированным представителям антиклассической философии относят, скажем, О. Шпенглера. От его «Заката Европы» (1918) ведут основную тематику «философии кризиса». Критикуя классическую мысль, Шпенглер постулирует кардинальную переоценку европейских ценностей в связи с духовным крахом, который в свою очередь связывает с кризисом западной цивилизации в целом. Такие крупные философы, как А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, для которых характерна радикальная критика разума, просвещения, морали, противопоставление интуиции и интеллекта, гения и учености, часто назывались нигилистами.

³ См.: Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Вопросы философии. 1970. № 12. Введение в философию / под общ. ред. И.Т. Фролова. Ч. 1. М., 1989.

⁴ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Вопросы философии. 1971. № 4. С. 59.

⁵ См.: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., 1966. С. 114.

Новые формы философствования вполне очевидно связаны с социально-политическими переменами и потрясениями, с ростом эффективности человеческой деятельности, концентрацией и обобществлением труда, появлением и господством монополистических структур в различных сферах жизнедеятельности, глобализацией политики и сознания. В этих условиях и «развивается совершенно особая... богатая философская чувствительность, вбирающая в себя зерна нового духовного опыта, реальную усложненность и многомерность современного сознания, открытого, восприимчивого к некоторым неклассическим проблемным ситуациям, которыми и овладеть нельзя с помощью средств и операций традиционной философии»⁶. Теперь неклассическими философскими концепциями, в разной степени сохранившими связь с традицией, считаются учения таких «новых классиков», как А. Бергсон, Э. Гуссерль, З. Фрейд, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, К. Ясперс, К. Леви-Строс и др. Очень важно, что в этот ряд сегодня мы можем спокойно вписывать Н. А. Бердяева, А. Ф. Лосева, П. А. Сорокина, а не бороться за место в нем для В. И. Ленина или И. В. Сталина. Но не менее важно понять подлинную роль в становлении неклассической философии русских мыслителей XIX в.

В многочисленных историко-философских исследованиях последних лет плодотворность взгляда на русскую философию XIX в. как в целом по своему типу неклассическую, признается мало. Преобладают традиционные подходы, основы которым, кстати сказать, заложил не кто иной как А.И. Герцен, чья книга «О развитии революционных идей в России» является фактически первой работой по истории русской мысли. Опубликованная в 1851 г. в Германии и во Франции и сразу же ставшая известной русской читающей публике, эта книга с 1861 г. распространялась и в русском нелегальном переводе. Работа отличалась такой оригинальностью и остротой анализа, что навсегда определила подход к истории не только собственно политических идей, но и к истории русской общественной мысли в целом. При этом получалось, что таковой можно считать лишь революционную мысль, т. е. ту, что содержит критику действительности и рецептуру преобразований. Выражению этой мысли служит и художественная литература. «У народа, лишенного общественной свободы,

⁶ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Вопросы философии. 1971. № 4. С. 59.

литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести». Вдобавок: «История нашей литературы – это или мартиролог, или реестр каторги»⁷. Удручающая в своей бесспорности констатация получала подтверждение своей точности в течение полутора столетий после выхода книги.

Концепция Герцена имела большое влияние на всю последующую историю русской философии. Конечно, каждый черпал из нее то, что ему больше подходило. Русские марксисты-ленинцы, к примеру, начисто игнорировали антикоммунизм заключения вроде: «Замечено, что у оппозиции, которая открыто борется с правительством, всегда есть что-то от его характера, но в обратном смысле. И я уверен, что существует известное основание для страха, который начинает испытывать русское правительство перед коммунизмом: коммунизм – это русское самодержавие наоборот»⁸. Но они же очень охотно стали интерпретировать творчество литераторов исключительно в политико-идейном ключе. Идеи Герцена, из-за его авторитетности в России, способствовали укреплению и распространению того культа революционной святости, о котором Бердяев писал в 1918 году: «Средний интеллигентный русский человек привык преклоняться перед нравственным образом революционеров и перед их революционной моралью. Он готов был признать себя недостойным этой моральной высоты революционного типа. В России образовался особенный культ революционной святости. Культ этот имеет своих святых, свое священное предание, свои догматы»⁹. В своем понимании творчества русских писателей Герцен солидарен с В. Г. Белинским и оказался в ряду, продолженном Н. А. Добролюбовым, Н. Г. Чернышевским, Д. И. Писаревым и их эпигонами, которые стали пользоваться трудами великих писателей для утилитарно-общественной проповеди. Герцен сам стал жертвой собственной концепции, будучи причислен к святым от революции. В его работах ценным стало считаться только то, что служило революции. Такого рода оценка, особенно со времен канонизации статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена» (1912) фактически подменила собой подлинную историю философии в России, а также заложила базу для последующе-

го рассмотрения реального хода этой истории в исключительно политико-идеологическом курсе.

Как и большинство российских и западноевропейских радикалов в своем духовном развитии Герцен прошел через период увлечения просветителями и романтиками, Шеллингом, влиянием Гегеля, социалистов. С влиянием Гегеля он начинает расставаться уже в цикле статей «Дилетантизм в науке» (1842–1843), где самобытно интерпретирует диалектику как инструмент преобразования мира (печально знаменитая «алгебра революции»)¹⁰. Но его бунт против философской классики воплотился в целом ряде идей, послуживших началом философской антропологии, герменевтики, философии кризиса, экзистенциализма и некоторых других направлений неклассической философии, а не только в размышлениях о русском социализме¹¹.

Э к з и с т е н ц и а л и з м . Обычно экзистенциальную философию относят к иррационалистическому течению и связывают с творчеством К. Ясперса, Н. Бердяева, А. Камю и др. Каждый из экзистенциалистов возражает против причисления себя самого к этому направлению и выстраивает собственную интеллектуальную биографию. Тем не менее общим исходным для этого направления философии понятием является человеческое существование как бытие в нерасчленимой двоичности субъекта и объекта. Постигая себя как экзистенцию, человек обретает свободу, которая есть выбор самого себя, своей сущности, накладывающей на него чувство вины за все происходящее. Почти любая философия по мере внимания к проблематике человеческого существования приближается к экзистенциальной¹².

На публичном поприще А. И. Герцен появляется как литератор, сосредоточенный на человеческом поиске смысла жизни. В конце 1845 г. уже известный читателям «Отечественных записок» своими размышлениями о жизни по «Запискам одного молодого человека» (1840) и циклу статей «Дилетантизм в науке» под именем «Искандер», он поместил здесь первое письмо об изучении природы «Эмпирия и идеализм». Продолжая считать как литератор, что теперешняя «Илиада человека обыкновенного... столь же разнообразна, ярка, исполнена поэзии, страстей,

⁷ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч. В 8 т. Т. 3. М., 1975. С. 416, 425.

⁸ Там же. С. 471.

⁹ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины: сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 87.

¹⁰ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 5. С. 104–105.

¹¹ См.: Дидье Жюлиа. Философский словарь. М., 2000.

¹² См.: Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 43–271. Философия / под. ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной. Гл. 30. М., 2004.

коллизий, как житье-бытье рыцарей в средних веках, как житье-бытье римлян и греков»¹³, он находит как философ, что собственно жизнь – «сохраняющееся единство многообразия, единство целого и частей», – заключается «в вакхическом кружении временного». По словам Герцена, «распадение человека с природой, как вбиваемый клин, разрывает мало-помалу все на противоположные части, даже самую душу человека – это «разделяй и властвуй» логики, – путь к истинному и вечному сочетанию раздвоенного». Познавая жизнь (бытие, сущее), человек возводит ее «в сферу всеобщего», где «шум и плеск жизни» умолкают. Поэтому человек постоянно «колеблется между этими противоположностями; он, как Харон, беспрестанно перевозит из временной юдоли в вечную; эта переправа, это колебание – история, и в ней, собственно, все дело, а совсем не в том, чтобы переехать на ту сторону и жить в отвлеченных и всеобщих областях чистого мышления»¹⁴.

Такого рода прозрениями творчество Герцена отличалось изначально. Ведь в новых условиях, совсем по гесиодовски, «кто виноват?» первым спросил именно он. Оказалось, что с античных времен ответа не найдено. Для него это означало больше, чем умствование и вело к пониманию неизменности человеческой ситуации в ее предельных основаниях. Правда опирался в этом он не на Гесиода, а на древнеримских стоиков. Для человека его жизнь всегда и везде промежуточная эпоха. Отличительная черта, «болезнь промежуточных эпох» – раздумывать. «Все окружающее нас подверглось пытающему взгляду критики... в событиях жизни, в науке, искусстве нас преследуют неразрешимые вопросы, и вместо того, чтоб наслаждаться жизнью, мы мучимся». Самый обычный и потому самый мучительный для человека вопрос: кто виноват? Неизменное постоянство этого вопроса говорит о его неразрешимости. Думая, как стоики, как Герцен, что живет в промежуточную эпоху, каждый человек поступает как все остальные люди. Его собственная жизнь – не что иное как временной промежуток, преходящее бытие, наполненное виновностью и от того мучением, болью. «...Ничем люди не оскорбляются так, как неотысканием виновных..., если некого обвинить и, следственно, бранить, наказать. Обвинять гораз-

до легче, чем понять... Понять – значит, в широком смысле слова, оправдать, восстановить: дело глубоко человеческое, но трудное и неказистое»¹⁵. В действительности: «Мы ужасно виноваты перед настоящим – все воспоминания да надежды, своего рода абстракции, а жизнь течет между пальцами незаметная, неоцененная»¹⁶.

Очень показательным, что существо греческой философии Герцен раскрывает, пользуясь «лекциями Гегеля об истории древней философии»¹⁷. Хорошо бы конечно самому прочесть Платона и Аристотеля, но ведь о Фалесе, Пифагоре, Анаксимандре, Сократе, Пармениде, Гераклите, Анаксагоре, Левкиппе, Демокрите, Протагоре, Эмпедокле, Зеноне можно судить лишь по умствованиям специалистов XVIII–XIX вв. над уцелевшими от самих греков обрывками фраз, да над полулегендарными рассказами о них современников или более или менее близких потомков. «Уважение, хранящееся из века в век к древним философам, основано на том, что их никто не читает...»¹⁸ Пользуясь «лекциями Гегеля», Герцен, как заметил Г. В. Флоровский, борется с «гегелизмом» и «гегелингами»¹⁹ и на основе греческой философии еще осенью 1844 г. строит собственную, не менявшуюся в основаниях и лишь уточнявшуюся до самой кончины в 1870 г. философию.

Греки ищут «начала всех вещей», т. е. единства, из которого все проистекает, к которому все стремится, – всеобщее, обнимающее все частности, «единства и покоя» в самой природе – «в беспокойном многообразии физического мира», «бесконечное в конечном, мысль в бытии, вечное во временном». Фалес, признавая началом всему воду, имел в виду «существующую стихию и вместе с тем мысль», фиксировал «единство бытия и мышления». «Вода – спокойная, глубокая среда, вечно деятельная раздвоением (сгущаясь, испаряясь) – вернейший образ понятия, расторгающего на противоположные определения и служащего связью им»²⁰. Дополняя фалесовский образ воды образом берега, Герцен создал непревзойденный образ жизни – стихии (реки, океана) в пределах (берегах) рождения и смерти.

¹³ Герцен А.И. Записки одного молодого человека // Собр. соч. В 8 т. Т. 1. С. 66.

¹⁴ Герцен А.И. Письма об изучении природы // Собр. соч. В 8 т. Т. 2. С. 96, 115, 130.

¹⁵ Герцен А.И. Капризы и раздумье // Собр. соч. В 8 т. Т. 2. С. 313–314, 320.

¹⁶ Герцен А.И. Н.П. Огареву и Н.М. Сатину. 1–10 января 1845 г. // Собр. соч. В 30 т. Т. 22. М., 1961. С. 217.

¹⁷ Герцен А.И. Письма об изучении природы. С. 142.

¹⁸ Там же. С. 168.

¹⁹ Флоровский Г.В. Искания молодого Герцена // Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 409.

²⁰ Герцен А.И. Письма об изучении природы. С. 143–144.

Обратившись к научному, «математическому мирозерцанию, основанному пифагорейцами», он заключил, что «для них единица была не только арифметическая единица, первый член, ключ, ряд, мера, – для них она была вместе с тем безусловным единством, могуществом и возможностью самораздвоения, животворящей монадой, гермафродитом, в себе хранящем свое раздвоение и не терпящим своего единства при развитии в многообразие»²¹. Согласно грекам, «есть бытие, определяющееся, совершающееся в вечно деятельном процессе, которого отвлеченные и противоположные моменты (бытие и небытие) врознь, друг без друга, существуют только в феноменологии сознания, а не в мире эмпирико-действительном...» «Гераклит подчинил и бытие и небытие – перемене, движению: все течет! Ничего не остается неподвижно и одинаково; все – быстро ли, тихо ли – движется, видоизменяясь, превращаясь, колеблясь между бытием и небытием»²².

«Бытие живо движением; с одной стороны, жизнь есть не что иное, как движение непрерывное, не останавливающееся, деятельная борьба и, если хотите, деятельное примирение бытия с небытием, и чем упорнее, злее эта борьба, тем ближе они друг другу, тем выше жизнь, развиваемая ими; борьба эта вечно у конца и вечно у начала, – непрерывное взаимодействие, из которого они выйти не могут. Это – белычье колесо жизни»²³. В «существовании, в бытии» постоянно только то «начало, которое переходит в многообразие и, с другой стороны, стремится из многообразия к единству». «Практически мы именно гераклитовски смотрим на вещи, только во всеобщей сфере мышления не можем понять того, что делаем. Во всем живом, например, разве мы видим что-нибудь, кроме процесса вечного преобразования, живущего, по-видимому, в одной перемене?»²⁴

«Живое сохраняется потому, что оно само себе цель; оно и не знает о своих целях, оно имеет земные стремления, желания; эти желания его – твердые целеобразные определения; как бы животное не относилось к окружающей среде, результатом их столкновения и взаимодействия будет животный организм: оно только себя производит»²⁵. Софистами «наука открыто перешла в жизнь, они научили человека во всем опираться

на одного себя, все относить к себе, себя понимать самобытною точкою, около которой крутится в вихре видоизменений все на свете. Но во имя чего считать себя этим средоточием? Вопрос существенный и неминуемый... его-то и задал себе великий софист – Сократ...»²⁶ «Человек должен из себя развить, в себе найти, понять то, что составляет его назначение, его цель, конечную цель мира, он должен собою дойти до истины – вот мета, к которой Сократ достигает во всем.» «Это чиноположение бесконечной субъективности человека и совершенной свободы самопознания – тот великий камень, который Сократ положил при закладке великого здания, доселе не достроенного...» С Сократа «начинается сознание, что истина не есть сущность так, как она есть сама по себе, а так, как она в сознании; истина есть узнанная сущность. Обратите все внимание ваше на это: это разгадка всей философии»²⁷. В 1850 г. на немецком, и в 1855 г. на русском Герцен вопрошает: «Зачем все живет? Тут, мне кажется, предел вопросам; жизнь – и цель, и средство, и причина, и действие»²⁸. Сто лет спустя А. Камю напишет: «Решить, стоит ли жизнь труда быть прожитой или она того не стоит, – это значит ответить на основополагающий вопрос философии»²⁹. Судя по записным книжкам 40-х годов и «Бунтующему человеку» (1951) к Герцену, как и к Достоевскому, Шестову, Бердяеву, Камю обращался неоднократно.

Не будем спорить с теми, кто сводит социальную философию Герцена к проблемам социализма, истории, России³⁰. Если это и так, то, как видим, его онтология и гносеология сосредоточены вокруг проблемы человеческой жизни и смерти. По Герцену, жизнь – «это вечное беспокойство деятельного, напряженного вещества, отыскивающего равновесие для того, чтоб снова потерять его, это непрерывное движение, решающий довод, далее идти некуда. Прежде все искали отгадки в облаках или в глубине, подымались или спускались, однако, не нашли ничего – оттого, что главное, существенное все тут, на поверхности. Жизнь не достигает цели, а осуществляет все возможное, продолжает все осуществленное, она всегда готова шагнуть дальше – затем, чтоб полнее жить, еще больше жить, если

²⁶ Там же. С. 161.

²⁷ Там же. С. 163, 162, 164.

²⁸ Герцен А.И. С того берега // Собр. соч. В 8 т. Т. 3. С. 306.

²⁹ Камю А. Миф о Сизифе. 1942 // Творчество и свобода. М., 1990. С. 30.

³⁰ Смирнова З.В. Социальная философия А.И. Герцена. М., 1973.

²¹ Герцен А.И. Письма об изучении природы. С. 148.

²² Там же. С. 151.

²³ Там же. С. 151–152.

²⁴ Там же. С. 153.

²⁵ Там же. С. 157.

можно; другой цели нет. Мы часто за цель принимаем последовательные фазы одного и того же развития, к которому мы приучились; мы думаем, что цель ребенка совершеннолетие, потому что он делается совершеннолетним, а цель ребенка скорее играть, наслаждаться, быть ребенком. Если смотреть на предел, то цель всего живого – смерть.

Вечная игра жизни, безжалостная, как смерть, неотразимая, как рождение, приливы и отливы истории, вечное движение маятника! К концу XVIII в. европейский Сизиф докатил тяжелый камень свой, составленный из развалин и осколков трех разных миров, до вершины, камень качнулся в сторону, в другую, казалось, хотел остановиться – не тут-то было; он перекатился и стал тихо, незаметно склоняться... и... понесся под гору с усиливающейся быстротой, ломая по дороге все встречное и ломаясь сам в осколки... А бедный Сизиф смотрит и не верит своим глазам, лицо его осунулось, пот устали смешался с потом ужаса, слезы отчаяния, стыда, бессилия, досады остановились на глазах; он так верил в совершенствование, в человечество, он так философски, так умно и учено уповал на современного человека. – И все-таки обманулся»³¹.

Разве не показательно, что век спустя Камю обнаружит все того же Сизифа с его камнем среди пожара мировой войны, причем – уже второй? А за сто лет до этого, при Герцене, «многие не видят смерти только потому, что они под смертью воображают какое-то уничтожение. Смерть не уничтожает составных частей, а развязывает их от прежнего единства, дает им волю существовать при иных условиях. Смерть современных форм гражданственности скорее должна радовать, нежели тяготить душу. Но страшно то, что отходящий мир оставляет не наследника, а беременную вдову. Между смертью одного и рождением другого утечет много воды, пройдет длинная ночь хаоса и запустения»³².

Незадолго до своей кончины, публикуя собственное «отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге»³³, Герцен рассуждает: «Наше историческое призвание, наше деяние в том и состоит, что мы нашим разочарованием, нашим страданием доходим до смирения и покорности перед истиной и избавляем от этих скорбей следующие поколения. Нами человечество протрезвляется, мы его спохмелее, мы его

боли родов. Если роды кончатся хорошо, все пойдет на пользу; но мы не должны забывать, что по дороге может умереть ребенок или мать, а может, и оба, и тогда – ну, тогда история с своим мормонизмом начнет новую беременность...»³⁴ Бедный Герцен, что бы он сказал сегодня, оглянувшись уже не только на Древний Рим, Европу середины XIX в., но и на Россию века XX, да и на весь Земной шар XXI века!

А н т р о п о л о г и я. Обращение к экзистенциальной проблематике – это обращение к проблематике человеческой, антропологической. Поэтому так трудно отличить, собственно, антропологическое от экзистенциального. Обычно начала современной философской антропологии связывают с творчеством Л. Фейербаха (1804–1872). Герцен был его современником и достаточно высоко ценил³⁵. Однако сказать, что именно Фейербах помог ему освободиться от влияния Гегеля, нельзя. В 1854 г. он отметил, что знатокам немецкой философии «не нужно было, чтобы Фейербах разболтал тайну Гегелева учения, чтоб понять ее»³⁶. Как мы уже видели, антропологизм Герцена ориентирован против немецкой философской классики и покоится на трезвом реализме философии древнегреческой, к такому восприятию которой он был подготовлен своим университетским образованием и определенными медицинскими познаниями. Еще до поступления на физико-математическое отделение Московского университета Герцен опубликовал переводы-рефераты «О чуме и причинах, производящих оную» и «О древнем бальзамировании», составленные по трудам французского врача Паризе. Будучи студентом – аналогичные работы «О землетрясениях» и «О неделимом в растительном царстве», написал статью «О месте человека в природе», а в 1833 г., заканчивая университет – выпускное кандидатское сочинение «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника»³⁷. В 40-е годы он тоже много занимался вопросами естествознания.

«Действительность и реализм», трезвость греческой философии свидетельствуют о том, что «у человека есть врожденная вера в эмпиризм и в природу, так, как врожденная вера в мысль»³⁸. Отсюда идет стремление Герцена к философской трезвости и реализму. Эту трез-

³¹ Герцен А.И. С того берега. С. 323–324.

³² Там же. С. 329.

³³ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 6. С. 7.

³⁴ Там же. С. 117–118.

³⁵ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 5. С. 108.

³⁶ Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Собр. соч. В 8 т. Т. 3. С. 215.

³⁷ См.: Нович И.С. Молодой Герцен. М., 1980. С. 31–33.

³⁸ Герцен А.И. Письма об изучении природы. С. 143.

вость и реализм он воплотил в литературный образ врача – начиная с «доктора Крупова» художественной прозы 1845–1847 гг. и кончая «доктором медицины» в 1869 г. Конечно же, сам Герцен частью своей души врач. Насколько дороги были ему «медицинские» представления можно судить не только по пронзительным письмам «С того берега» (1850), но уже по письму о греческой философии, где говорится: «Нас не удивляет, например, что человек в физиологическом отношении – неделимое, целость, атом, а в анатомическом – многочисленная куча самых разнообразных частей; что тело наше – вместе и наше «я» и наше другое; никого не удивляет процесс возникновения, непрерывно совершающийся около нас, эта глухая борьба бытия с небытием, без которой было бы одно безразличие; никого не удивляет эта вечность мимолетного, которою мы окружены»³⁹.

Философская антропология Герцена выростала из его онтологии и эпистемологии, в которой человек постоянно обнаруживался в качестве первоначальной, исходной реальности. «...Природа – только существование и отделяется, так сказать, от себя в сознании человеческого для того, чтоб понять свое бытие...»⁴⁰ Поскольку «история человечества – продолжение истории природы»⁴¹, «все стремления и усилия природы завершаются человеком; к нему они стремятся, в него впадают они, как в океан», постольку «разумение человека не вне природы, а есть разумение природы о себе...» «...Сознание есть самопознание; оно начинается с познания себя как другого и достигает сознания себя как себя...»⁴² Но – «где начинается сознание, там начинается нравственная свобода», «только живой душой понимается живая истина»⁴³. «Все в мире стройно, согласно, целесообразно – одна мысль наша сама по себе, какая-то блуждающая комета, ни к чему не отнесенная, болезнь мозга!»⁴⁴ И десятью годами раньше: «Люди, люди, где вы побываете, все испорчено: и сердце ваше, и воздух, вас окружающий, и вода текущая, и земля, по которой ходите»⁴⁵.

В человеке воплощена не только мысль, в нем – воля, чувства, интуиция. Лишь внутри че-

ловеческого духовного мира, взятого в целом, можно отличить только рациональное от только нерационального. Не одна наука, но и собственный жизненный опыт приносит Герцену понимание несоизмеримости действительности с любыми человеческими расчетами и выкладками, непостижимости человеческой судьбы. Персоналистский, индивидуалистический подход к человеку опирается на интуитивный волюнтаризм – личность ощущает себя реально участвующей в социальной жизни по своим поступкам. «...Обстоятельства – многое, но не все. Без личного участия, без воли, без труда – ничего не делается вполне. В этом-то и состоит все величие человеческого деяния в истории. Он творит ее, и исполнение судеб зависит от его верховной воли. Чем обстоятельства лучше, тем страшнее ответственность перед собой и пред потомством»⁴⁶.

«Отчасти лица не виноваты, они родились под тяжким фатумом, они образовались из негодной среды, они воспитались на гнилой почве. Люди, кроме исключительных явлений, служат невольными и по большей части искаженными проводниками тех начал, которые уже даны; тем не менее мне бы не хотелось их освободить от всякой ответственности. Освободить людей от ответственности значит их не уважать, не принимать их за серьезное. Покрыть все действия человеческие широкой амнистией исторической необходимости – очень легко, но с тем вместе это значит утратить достоинство личности и лишить историю всего драматического интереса»⁴⁷. «Пути вовсе не неизменимы. Напротив, они-то и изменяются с обстоятельствами, с пониманьем, с личной энергией. Личность создается средой и событиями, но и события осуществляются личностями и носят на себе их печать – тут взаимодействие»⁴⁸.

Начиная, пожалуй, со статьи «Двадцать осмое января», названной по дате смерти Петра I, статьи, вызвавшей заметный интерес в следственной комиссии по делу Герцена в 1834 г., подлинно антропологическую глубину можно обнаруживать в характеристике первого русского императора, которому идея величия России «не вверена... обстоятельствами», т. е. она не столько почерпнута им из русской истории, сколько «влита им в обстоятельства, проведена его гением в идеи человечества и им же выполнена», чем

³⁹ Герцен А.И. Письма об изучении природы. С. 168.

⁴⁰ Там же. С. 101.

⁴¹ Герцен А.И. Дилетантизм в науке // Собр. соч. В 8 т. Т. 2. С. 81.

⁴² Герцен А.И. Письма об изучении природы. С. 123, 107, 122.

⁴³ Герцен А.И. Дилетантизм в науке. С. 81, 17.

⁴⁴ Герцен А.И. Письма об изучении природы. С. 123.

⁴⁵ Герцен А.И. День был душный... // Собр. соч. В 30 т. Т. 1. М., 1954. С. 54.

⁴⁶ Герцен А.И. Объявление о «Полярной звезде» // Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 18.

⁴⁷ Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. С. 154–155.

⁴⁸ Герцен А.И. К старому товарищу // Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 338.

навсегда переменяла ход истории страны⁴⁹. Герцен оставил массу подобного рода характеристик государственных деятелей. Особый интерес в этом же смысле представляют его размышления над портретами философов в «Письмах об изучении природы», а также оценки русских литераторов в «О развитии революционных идей в России». Не банальную саму по себе проблему лично-героического в истории он стал решать в философско-антропологическом ракурсе. В опубликованном уже после его смерти во Франции в 1876 г. и в России в 1877 г. письме сыну, он как бы подытоживал: «Продукт физиологической необходимости и необходимости исторической, личность старается утвердиться в течение своей жизни между двумя небытиями: небытием до рождения и небытием после смерти. Полностью развиваясь по законам самой роковой необходимости, она постоянно ведет себя так, словно она свободна; это необходимое условие для ее деятельности, это психологический факт, это факт социальный. Нравственная свобода, следовательно, является реальностью психологической или, если угодно, антропологической»⁵⁰.

Социолого-исторические координаты рассмотрения личностной проблематики, заданные в классической философии не удовлетворяют Герцена точно так же, как не удовлетворяют координаты религиозные. Если он и пользуется определениями типа «падший ангел», то воспринимать это нужно скорее лингвистически, чем богословски. Кстати сказать, он сам видимо понимает важность выхода за пределы христианско-европейского культурно-исторического лексикона, поэтому часто шеголяет в своих текстах терминами, почерпнутыми из индуизма, мусульманства, конфуцианства. «Бессмертная душа всего человечества... Это стоит мертвых душ! Нет ли бессмертной березы всех берез? Не проще ли понять, что человек живет не для совершения судеб, не для воплощения идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился, и родился для (как ни дурно это слово)... для настоящего, что вовсе не мешает ему ни получать наследство от прошедшего, ни оставлять кое-что по завещанию»⁵¹.

Рассуждения Герцена о личности всегда облечены в яркие и точные образы. Не зря Достоевский писал, что «он был, всегда и везде, – поэт по преимуществу. Поэт берет в нем верх везде и

во всем, во всей его деятельности. Агитатор – поэт, политический деятель – поэт, социалист – поэт, философ – в высшей степени поэт!»⁵² Так, о месте человека в природе и истории Герцен пишет: «Вероятно, и море пугало сначала беспорядком, но как только человек понял его бесцельную суету, он взял дорогу с собой и в какой-то скорлупе переплыл океаны. Человек вырастет тем, что понял свое положение, в рулевого, который гордо рассекает волны своей лодкой, заставляя бездонную пропасть служить себе путем сообщения. Конечно, положение человека в истории сложнее, тут он разом лодка, волна, кормчий. Хоть бы карта была! ...Все великое значение наше, при нашей ничтожности, при едва уловимом мелькании личной жизни, в том-то и состоит, что пока мы живы, пока не развязался на стихии задержанный нами узел, мы все-таки сами, а не куклы, назначенные выстрадать прогресс или воплотить какую-то бездомную идею. Гордиться должны мы тем, что мы не нитки и не иголки в руках фатума, шьющего пеструю ткань истории... Мы знаем, что ткань эта не без нас шьется, но это не цель наша, не назначение, не заданный урок, а последствие той круговой поруки, которая связывает сущее концами и началами, причинами и действиями. И это не все: мы можем переменить узор ковра. Хозяина нет, рисунка нет, одна основа, да мы одни-одинехоньки»⁵³.

«Если индивидуум однажды вступил, подобно ноте, в социальный концерт, то у него не спрашивают о происхождении его сознания, а принимают его сознательную индивидуальность как индивидуальность свободную; и он первый поступает подобным же образом. Каждый звук производится колебаниями воздуха и рефлексамии слуха, но он приобретает для нас иную ценность (или существование, если хочешь) в единстве музыкальной фразы. Струна обрывается, звук исчезает, – но пока она не оборвалась, звук не принадлежит исключительно миру вибраций, но также и миру гармонии, в недрах которого он является эстетической ценностью, входя в состав симфонии, предоставляющей ему возможность вибрировать, доминирующей над ним, поглощающей его и продолжающейся дальше. Социальная личность – это обладающий сознанием звук, который раздается не только для других, но и для себя самого»⁵⁴.

⁴⁹ Герцен А.И. Двадцать восьмое декабря // Собр. соч. В 30 т. Т. 1. С. 30–33.

⁵⁰ Герцен А.И. Письмо о свободе воли // Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 529.

⁵¹ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 234–235.

⁵² Достоевский Ф.М. Н.Н. Страхову. 24 марта 1870 г. // Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л., 1986. С. 113.

⁵³ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 231–235.

⁵⁴ Герцен А.И. Письмо о свободе воли. С. 529.

Даже если бы Герцен оставил нам только свои размышления о роли личности в истории, о соотношении личных и всеобщих начал в познании и общественно-историческом развитии, то одного этого вполне бы хватило для реконструкции его философской антропологии. Но очень важно, что им подняты на философский уровень такие вопросы, как любовь и дружба, родство и семейная жизнь, причем подняты они как раз в том духе, в каком только с конца XX века стали рассматриваться людьми разных стран этико-юридически. Очень показательны и характерны для него, что свои подцензурные публикации «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы» за границей он не переиздавал, тогда как три статьи, напечатанные в те же годы и в тех же условиях, под названием «Капризы и раздумье» переиздал в 1862 г.

Здесь он написал: «Существовать – величайшее благо; любовь раздвигает пределы индивидуального существования и приводит в сознание все блаженство бытия; любовью жизнь восхищается собою; любовь – апофеоза жизни. Мы отдали ей принадлежащее, теперь скажем прямо: человек не для того только существует, чтоб любиться; неужели вся цель мужчины – обладание такою-то женщиной, вся цель женщины – обладание таким-то мужчиною? – Никогда!» «В основе всех отвлеченных, безличных суждений наших (математических, химических, физических) лежит справедливость; но в основе всего личного, любви, дружбы лежит пристрастие. Брак основан на пристрастном предпочтении одной женщины всем остальным, одного мужчины – всем прочим. Предпочтение, которое мать оказывает своему ребенку, – вопиющее пристрастие... Семейная любовь – такое же пристрастие, не выдерживающее критики, как любовь к отечеству». «Нет той всеобщей, истинной мысли, из которой бы, вместо расширения круга действий, человек не сплел веревку для того, чтоб ею же потом перевязать себе ноги, а если можно, то и другим, так что свободное произведение его творчества делается карательной властью над ним самим; нет того истинного, простого отношения между людьми, которого бы они не превратили во взаимное порабощение: любовь, дружба, братство, соплеменность, наконец, самая любовь к воле послужили неиссякаемыми источниками нравственных притеснений и неволи. Мы здесь вовсе не говорим о внешних стеснениях, а о боязливой теоретической совести людей, о стеснениях внутренних, добровольных, отогреваемых в собственной груди, о трепете перед последствием, о боязни перед правдой». «Если я в

человеке люблю только его идею, я не люблю человека, а люблю идею». «Лицо может столько же забежать против общества, сколько отстать; в обоих случаях можно обуздать, принудить лицо, по мере его деяний и их несоответственности с общепринятым, но это вовсе не выгода и прелесть общественной жизни, а необходимость ее, ее невыгода, жертва, которую лицо приносит ей, – а жертва никогда не бывает наслаждением: я, по крайней мере, не знаю радостных жертв, потому что радостная жертва вовсе не жертва».

Здесь Герцен спросил: «Что такое эгоизм? Сознание моей личности, ее замкнутости, ее прав? Или что-нибудь другое? Где оканчивается эгоизм и где начинается любовь? Да и действительно ли эгоизм и любовь противоположны; могут ли они быть друг без друга? Могу ли я любить кого-нибудь не для себя; могу ли я любить, если это не доставляет мне, именно мне, удовольствия? Не есть ли эгоизм одно и то же с индивидуализацией, с этим сосредоточиванием и обособлением, к которому стремится все сущее как к последней цели? Всего меньше эгоизма в камне – у зверя эгоизм сверкает в глазах; он дик и исключителен у дикого человека; не сливается ли он с высшей гуманностью у образованного?»⁵⁵

Много лет спустя, перебрав и накопив достаточно много разных ответов, он по-прежнему понимает, что вопросы эти из разряда вечных. «Ревность...Верность...Измена...Чистота... Темные силы, грозные слова, по милости которых текли реки слез, реки крови, – слова, заставляющие содрогаться нас, как воспоминание об инквизиции, пытке, чуме... и притом слова, под которыми, как под дамочным мечем, жила и живет семья. Их не выгонишь за дверь ни бранью, ни отрицанием. Они остаются за углом и дремлют, готовые при малейшем поводе все губить: близкое и дальнее, губить нас самих...»⁵⁶ Никакие проблемы высшего порядка, вроде прогресса и судеб человечества, никогда не смогут заслонить или ослабить остроту и неизменность вопросов сугубо антропологических. «Уж не перестанут ли люди есть и пить, любить и производить детей, восхищаться музыкой и женской красотой, когда узнают, что едят и слушают, любят и наслаждаются для себя, а не для совершения высших предначертаний и для скорейшего достижения бесконечного развития совершенства?»⁵⁷

Стоит еще раз отметить, что антропоцентризм определяется Герценом как начало уже в

⁵⁵ Герцен А.И. Капризы и раздумье. С. 330, 331, 362, 356, 364, 358, 359.

⁵⁶ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 6. С. 197–198.

⁵⁷ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 235.

первых опытах философствования. В одной из первых своих статей он писал: «...Существо среднее между богом и природою, телом принадлежащее миру конечному, миру форм, духом – миру идеальному, бесконечному. Сей-то эклектизм духовного с телесным и есть человек. Соединение противоположностей кажется натяжкою, а между тем это один из главнейших законов природы. Чем же человек отличается от животных? Самосознанием, мышлением. Далее и идти не для чего. Мы говорим о полноте нашего доказательства не от бедности; вот другое, столь же убедительное: свобода и воля человеческая. Свобода сия настолько же отстоит от животного произвола, насколько разум от инстинкта»⁵⁸. Для Герцена «истина сущего» – сам человек, «он сам как разум, как развивающееся мышление», «развивающееся самопознание», в нем самом и его начало и его последнее слово⁵⁹. Каждый человек – «незаменимая действительность», каждый достоин внимания. «Есть что сказать человеку – пусть говорит, слушать его будут; мучит его душу убеждение – пусть проповедует. Люди не так покорны, как стихии...»⁶⁰

Герменевтика. Экзистенциальное и антропологическое непосредственно связано с герменевтическим. Герцен одним из первых обратился к вопросам, составляющим проблематику герменевтики до сих пор. К этим вопросам относятся – смыслы базовых оснований человеческого бытия, содержание и механизмы коммуникации людей друг с другом, понимание человеком явлений действительности в историческом и актуальном контекстах, способы прочтения предшественников и современников и т. п.

Мы видели как интерпретировал Герцен исходные категории древнегреческой философии, как высоко он отзывается о Сократе, в одном имени которого усматривая разгадку философии вообще. В духе времени, русский мыслитель демонстрирует эрудицию в восточных культурах и никогда не позволяет себе уничижительно-снисходительного отношения к ним, чем постоянно грешили многие его западно-европейские коллеги во главе с Гегелем. Так, признаваясь, что ему «становится тяжело и неловко» при чтении древнеиндийских «поэм», Герцен заключает: «Среди хаоса иносказаний, мифов, чудовищных фантазий блестят по временам яркие мысли, захватывающие душу, и образы чудного изящества; они искупают многое и надолго держат ду-

шу под своими чарами»⁶¹. Наверное этим объясняется его достаточно равнодушное отношение к трудам братьев Шлегелей, а потом и А. Шопенгауэра, обращавшихся к индуистской мудрости.

Произведениями античной эпохи или дореволюционной Франции XVIII в. мы умеем восхищаться, умеем понимать их. «...Но мы понимаем, – лучше ли, хуже ли, другой вопрос, – мы понимаем иначе», чем понимали сами современники своих же Эсхила или Бомарше. Наверное, как и тогда, одновременно живущим людям понимать друг друга не легче, чем предшественников. «Каждый говорит своим языком, каждый имеет свои потребности. Счастливее вавилонян, мы начинаем с того, чем они кончили свое столпотворение, то есть не понимаем друг друга; они, таская камни и долго работая, дошли до того, что у нас вперед идет»⁶². «...Произнося слово, нам кажется, что мы знаем его смысл, что мы определяем саму причину, в то время как мы только ее называем»⁶³. «У всякого возраста свой язык и свой смысл слов. Псалмы Давида были марсельезой гугенотов. Поричать язык другого времени так же нелепо, как говорить им»⁶⁴.

В «Былом и думах» Герцен пишет: «Дайте школьному педанту, если он только не наделен от природы эстетическим пониманием, – дайте ему на разбор что хотите – Фауста, Гамлета, – и вы увидите, как исхушает «жирный датский принц», помятый каким-нибудь гимназистом-доктринером. С цинизмом Ноева сына покажет он наготу и недостатки драм, которыми восхищается поколение за поколением»⁶⁵. Вместе с тем проблема восприятия и понимания смыслов, заложенных в повседневной речи верхов и низов общества, полемических выступлениях политических оппонентов, категориях философии, понятиях науки, да еще с учетом своеобразия национальных языков обретает для Герцена особую остроту. Он сам очень обеспокоен непониманием окружающих, много думает о том, как донести свои идеи до русского народа, вера в которого спасает его от гибели. К тому же – «Все окружающее нас подверглось пытующему взгляду критики... В событиях жизни, в науке, в искусстве нас преследуют неразрешимые вопросы...»⁶⁶ Эту же мысль он выразил в посвящении-

⁶¹ Герцен А.И. Письма об изучении природы. С. 139.

⁶² Герцен А.И. Капризы и раздумье. С. 316–317.

⁶³ Герцен А.И. Опыт бесед с молодыми людьми. 1858 // Соч. В 2 т. Т. 2. С. 332.

⁶⁴ Герцен А.И. Письма к путешественнику. 1865 // Соч. В 2 т. Т. 2. С. 452.

⁶⁵ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 200.

⁶⁶ Герцен А.И. Капризы и раздумье. С. 313–314.

⁵⁸ Герцен А.И. О месте человека в природе. 1832 // Собр. соч. В 30 т. Т. 1. С. 17.

⁵⁹ Герцен А.И. Письма об изучении природы. С. 106.

⁶⁰ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 238–239.

напутствии своему сыну в книге «С того берега» – «не ищи решений в этой книге, их нет в ней, их вообще нету у современного человека»⁶⁷.

«В наше глубоко революционное время слова правда и истина утратили свое абсолютное, тождественное для всех значение. Истина и правда старой Европы в глазах Европы рождающейся – неправда и ложь», – писал Герцен Мишле в 1851 г.⁶⁸ Вращаясь в кругах эмигрантов-революционеров, бунтарей, говоривших на разных языках, называя себя в политическом смысле русским социалистом, он видит в своем русском социализме «реалистическое, сильное, молодое учение», которое «находило свое выражение все более и более отчетливо, с неумолимой логикой и смелостью выводов и применений к любым обстоятельствам», в котором «слова переменили значение; утрачена была вера в могущество установлений, перед которыми трепетали накануне и которые продолжали оставаться неизменными»⁶⁹.

В начале XX в. Герцен был превращен русскими коммунистами в своего предшественника. Русский коммунизм стал чумой России, заразившей близлежащие народы и начавшей распространяться на других континентах. Эта коммунистическая чума столкнулась с национал-социалистической чумой. В любом случае, и русский коммунизм, и немецкий национал-социализм шли из одного источника – из той самой социальности, которую Герцен, да и не он один, в XIX в. стал понимать главной проблемой современного этапа в развитии человеческой цивилизованности. Ошибка была в отождествлении общечеловеческого с европейским. К концу 60-х гг. Герцен стал очень остро осознавать, что цивилизованное европейское и цивилизованное русское – разные цивилизованности. Он стал издавать «KoloKolo» на французском языке и счел необходимым в его первом номере в январе 1868 г. «рассказать о том, как нынешнее состояние западной цивилизации отражается в наших умах чужеземцев, зрителей, людей, которые сформированы вашей наукой, но, имея иное происхождение и иную традицию, идут своим весьма трудным путем, не восхищаясь вашим»⁷⁰.

Обращаясь к европейским интеллектуалам, он пишет: «К несчастью, вы живете в мире вымыслов и иллюзий, подобно тому как потомки некогда царствовавших фамилий постоянно мечтают о свалившейся с их головы короне, и вы –

вы также мечтаете об эмансипации народов, о защите их свобод, словно это ваши свободы. Ваши свободы... да где ж они? Потревожить грезы старца, почитаемого нами, – жестоко, но отчего ж он так заносчив и так слеп, так дерзок и так нетерпим? Можно подумать, что он все еще выступает с любимой трибуны Конвента, гордо опираясь на права человека, неприкосновенный, свободный, уважаемый. Можно подумать, что это Европа Вольтера и энциклопедистов, якобинцев и жирондистов, Канта и Шиллера»⁷¹. Было ли это вопросом перевода социалистического жаргона просвещенных верхов на язык простолюдинов? Скорее всего было именно так. Оказалось, что язык простых французов совсем не тот, что язык простых русских.

Размышляя об английских биографах и критиках Р. Оуэна, Герцен писал: «...Не будучи во все завистливым человеком, я завидую им от всей души. Я дал бы дорого за их невозмущаемое сознание своего превосходства, за успокоившееся довольство собою и своим пониманием, за их иногда уступчивую, всегда справедливую, а подчас слегка проироненную снисходительность. Какой покой должна приносить эта полная уверенность и в своем знании, и в том, что они и умнее, и практичнее...»⁷² Честно говоря, и сам он иногда уступчиво, всегда справедливо, а подчас иронично-снисходительно на русском, немецком, французском, итальянском, английском языках отзывался о мыслителях прошлого и своих современниках. Потребность в герменевтическом упражнении, похоже, неискоренима и рождается как из убеждения, что сказанного прежде не достаточно и нужно восполнить пробелы, так и из стремления дать свое определение уже сказанному. По человечески, давать определения и выносить приговоры одинаково привычно. Только все приговоры давно вынесены, а определения даны. «Что существует, тому уже наречено имя»⁷³.

Стремясь к знанию трезвому, реалистичному в начале «Писем об изучении природы», утверждая, что «философия, не опертая на частных науках, на эмпирии, – призрак, метафизика, идеализм», а «эмпирия, довлеющая себе вне философии, – сборник, лексикон, инвентарий», он сразу же сталкивается с вопросами понимания и истолкования категорий. «Может быть, не вовсе излишним будет обратить внимание читателей, что слова: «идеализм», «метафизика», «отвлечение», «теория» принимаемы были в том

⁶⁷ Герцен А.И. С того берега. С. 223.

⁶⁸ Герцен А.И. Русский народ и социализм. 1851 // Соч. В 2 т. Т. 2. С. 163.

⁶⁹ Герцен А.И. Prolegomena // Соч. В 2 т. Т. 2. С. 516, 522.

⁷⁰ Там же. С. 505.

⁷¹ Там же. С. 516–517.

⁷² Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 202.

⁷³ Ветхий завет. Книга Екклесиаста или Проповедника. 6, 10.

крайнем значении, где они ложны, исключительны. Если бы эти слова принять в смысле более общем, взятом не из их исторического определения, если им подsunуть определения идеальные, выйдет не то; но я прошу тогда вспомнить, что я их не в том смысле понимаю; для меня эти слова – лозунги, знамена одностороннего направления, указывающие сразу большое место. Разумеется, Аристотель не в этом смысле употреблял слово «метафизика»; всякого человека, рассматривающего природу не как съестной припас, а как нечто познаваемое, можно назвать метафизиком, так, как всякого мыслящего – идеалистом. Я счел обязанностью сказать, в каких пределах приняты мною эти слова. Если они не нравятся, пусть читатель заменит их другими – сутью дела остается то же, а мне только в нем и дело»⁷⁴. И это при том, что раньше Герцен замечал: «Мы несравненно способнее к наукообразному мышлению, нежели французы, и нам решительно невозможна мещански-филистерская жизнь немцев...» и поэтому может быть «явимся представителями действительного единства науки и жизни, слова и дела»⁷⁵.

«Важно не слово, а понятие, смысл. Конечно, добродетель вечна и всегда должна была быть нормою действия. Но как определилась и понималась добродетель в данные эпохи? Мир эллинский, юдаический, христианский разумели совсем разное»⁷⁶. «Высшая честность языка не токмо бежит лжи, но тех неопределенных, полужакртых выражений, которые как будто скрывают вовсе не то, что ими выражается. Напротив, она стремится вперед высказать, как понимает и предупреждает неистинное толкование»⁷⁷. «Предрассудки, с которыми мы выросли, образ выражения, образ понимания, самые слова подкладывают нам представления не токмо неточные, но прямо противоположные делу. Наше воображение так развращено и так напитано метафизикой, что мы утратили возможность бесхитростно и просто выражать события мира физического, не вводя самым выражением и совершенно бессознательно, ложных представлений, принимая метафору за самое дело, разделяя словами то, что соединено действительностью. Этот ложный язык приняла сама наука, оттого так трудно и запутанно все, что она рассказывает. Но науке язык этот не так вреден, весь вред достается об-

ществу; ученый принимает глоссологию за знак, под которым он, как математик под условной буквой, сжимает целый ряд явлений, вопросов; общество имеет слепую доверенность к слову – и в этом свидетельство прекрасного доверия к речи, так что человек и при злоупотреблении слова полон веры к нему – и полон веры к науке, принимая высказываемое ею не за косноязычный намек, а за выражение, вполне исчерпывающее событие»⁷⁸.

Герцен завидовал возможностям эмигрантов говорить о социализме и революции языком свободного человека, к которому у себя дома русские не привыкли и вынужденно прибегают к аллегории, к смелому слову между стен – на кухне, как мы теперь бы сказали. В своих подцензурных публикациях он стремился перевести немецкий философский язык на язык русский литературный. При всем его таланте, получалось это плохо: неоднозначная «круговая порука», нежизнеспособное «одействование», плохо понятное «ведение» (с ударением на первый слог) и «метода» (с ударением на второй слог) и т.п. Вспоминая о том времени, он говорит, что молодые русские философы не переводили немецкое мышление на русское, а «перекладывали целиком», и что он сам «писал точно так же да еще удивлялся, что известный астроном Перевощиков называл это «птичьим языком». Это язык попов науки, язык для верных, и никто из оглашенных его не понимал; к нему надобно было иметь ключ, как к шифрованным письмам»⁷⁹. К примеру, свои задушевные мысли в 1843 г. он формулирует так: «Деяние отвлеченного разума – мышление, уничтожающее личность; человек бесконечен в нем, но теряет себя; он вечен в мысли, но он – не он; деяние отвлеченного сердца – частный поступок, не имеющий возможности раскрыться во всеобщее; в сердце человек у себя – но преходящ. В разумном, нравственно свободном и страстно энергическом деянии человек достигает действительности своей личности и увековечивает себя в мире событий. В таком деянии человек вечен во временности, бесконечен в конечности, представитель рода и самого себя, живой и сознательный орган своей эпохи»⁸⁰.

«Ученый язык – язык условный, под титулами, язык стенографированный, временный, пригодный ученикам; содержание спрятано в его

⁷⁴ Герцен А.И. Письма об изучении природы. С. 97, 118.

⁷⁵ Герцен А.И. Дилетантизм в науке. С. 69.

⁷⁶ Герцен А.И. Дневник. 1842 // Соч. В 2 т. Т. 1. С. 442.

⁷⁷ Герцен А.И. Дневник. 1844 // Соч. В 2 т. Т. 1. С. 474.

⁷⁸ Герцен А.И. Публичные чтения г-на профессора Рулье. 1845 // Соч. В 2 т. Т. 1. С. 400–401.

⁷⁹ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 5. С. 100–101. Т. 4. С. 143.

⁸⁰ Герцен А.И. Дилетантизм в науке. С. 67.

алгебраических формулах для того, чтоб, раскрывая закон, не повторять сто раз одного и того же. Переходя рядом схоластических приемов, содержание науки обрастает всей этой школьной дрянью, а доктринеры до того привыкают к уродливому языку, что другого не употребляют, им он кажется понятен...»⁸¹ В России Герцен не мог писать прямо о чем думал, что хотел сказать. В эмиграции, свободный от ненавистной цензуры, он тоже не может добиться понимания соотечественников. Ему так и не удалось высказать всего, что хотелось. Наверное, он подсознательно писал так, чтобы его можно было толковать по-разному. Он создает тексты, поддающиеся вариативному истолкованию, стремится к неоднозначности выражения. Так, применяя математические термины, дает определение жизни: «Во всех сферах жизни мы наталкиваемся на неразрешимые антиномии, на асимптоты, вечно стремящиеся к своим гиперболам, никогда не совпадая с ними. Это крайние грани, между которыми колеблется жизнь, движется и утекает, касаясь то того берега, то другого»⁸².

В дебатах о свободе воли, Герцен пишет Н.П.Огареву: «Дело так не легко, что у нас ни языка, ни категории, ни слов нет, чтоб выразить невольную волю желанья и избранья»⁸³. Однозначной для него была только самооценочность свободы. Все остальное – слишком не определено. Ни у кого нет окончательных ответов на вопросы истории, но каждый волен сказать о ней и в ней свое слово: «...Каждый может вставить в нее свой стих, и, если он звучен, он останется его стихом, пока поэма не оборвется, пока прошедшее будет бродить в ее крови и памяти»⁸⁴. Впрочем, как и язык науки, язык поэзии мало доступен народу, от которого одного Герцен ждет решающих слов. «В мире ничего нет великого, поэтического, что бы могло выдержать не глупый, да и не умный взгляд, – взгляд обыденной, жизненной мудрости»⁸⁵.

Ф и л о с о ф и я к р и з и с а . Много раз отмечалось, что мироощущение Герцена даже в юные годы отличалось катастрофизмом. Конечно, прежде всего сам Герцен свою эпоху переживал как эпоху переходную, как водораздел двух миров, когда потребность раздумывать становится острее. Но очень быстро ему все чаще приходится замечать, что кризисное сознание, кризис-

ное мироощущение сопровождает человека на всем обозримом протяжении его исторического развития и лишь обостряется в периоды социальных трансформаций. В ученические годы взгляды Герцена были основаны на идеализации Европы. Он был убежден, что европейская цивилизация – это единственное высшее достижение, к которому следует стремиться всем другим странам. Она – образец для подражания, некий рубеж или модель. Герцен много раз доказывал, что просвещенный русский человек «постоянно обращал свои взоры к Западу», ибо «Родина его цивилизации, его мысли находилась вне России»⁸⁶. Герцен думал, что будущее развитие человечества связано с революционным преодолением антагонистических противоречий общества, как это происходит в странах Европы. На этом фоне не может не угнетать отсталость России, катастрофичность отставания и неспособность преодолеть отсталость. Вместе с тем войны, противоречия рациональности идей прогресса и гуманизма, экономические катаклизмы, стремительное развитие техники и технологий, рост промышленного производства и другие явления только расширяют и углубляют кризисное мироощущение. Кризисное состояние общества характеризуется разными параметрами социального и культурного развития, затрагивающими каждую сферу социальной жизни – как политическую, экономическую, производственную и собственно социальную, так и культурную жизнь – духовно-нравственную, литературную, этническую, правовую и т. п.

Традиционно летоисчисление современных теорий глобального кризиса принято вести от «Заката Европы» О. Шпенглера. Немецкий философ нарисовал весьма впечатляющую картину культурного распада общества. Однако ощущение надвигающегося социального и духовного кризиса витало в воздухе и фиксировалось как западными, так и русскими мыслителями задолго до выхода в свет книги Шпенглера. «Хорошо известно, – пишет Т. Ю. Сидорина, – что Н. Данилевский и К. Леонтьев предвосхитили многие идеи Шпенглера о закате рационалистической культуры Запада»⁸⁷. Следовало бы добавить, что оба очень многое почерпнули у Герцена. К теме кризиса общества, особенно в его социокультурном и человеческом выражении, обращаются в XX в. многие видные представители европейской философии: Г. Зиммель, Х. Ортега-и-Гассет, Р. Гвардини,

⁸¹ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 6. С. 167.

⁸² Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 212.

⁸³ Герцен А.И. Н.П. Огареву. 13(1) февраля 1867 г. // Соч. В 2 т. Т. 2. С. 558.

⁸⁴ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 232.

⁸⁵ Там же. С. 200.

⁸⁶ Герцен А.И. О романе из народной жизни в России // Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 29.

⁸⁷ Сидорина Т.Ю. Кризис XX века: прогнозы русских мыслителей. М., 2001. С. 34.

А. Камю и др. Но совершенно особое место кризисное мироощущение занимает в русской философии Вл. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев, Г. Федотов, П. Сорокин и др. (посвятили этой теме не одну сотню страниц своих произведений).

Кризисное мировоззрение было свойственно Герцену еще на родине. Да, его первые философские воззрения на будущее развитие человечества неизменно ориентированы на Запад, но окружающее гниение отравляло мысль. Уже за границей оптимистическая вера в неизбежность и разумность социального прогресса, поколебленная еще в России, окончательно признается несостоятельной. Герцен был навсегда разочарован в возможностях прогресса на европейский лад. Его кризисное мироощущение сделалось необратимым и всеохватным. И спасла Герцена (по его же признанию) от нравственной гибели только вера в Россию. Критическое отношение к западной цивилизованности выражалось достаточно ясно уже в «Письмах из Франции и Италии». Описывая первые впечатления русского человека о европейской жизни, он делает вывод, что особенно бросается в глаза «печальное знамение остановки, предела, смерти»⁸⁸. Это отношение стало преобладающим в работах «С того берега» и «Концы и начала», где под концами и началами можно понимать, соответственно, Европу и Россию. Критика западной цивилизации, постоянное сравнение падших народов Европы со здоровым русским народом и с самодостаточными народами Востока понижает теперь фактически все произведения Герцена.

Окончательной социальной и экономической формой западной цивилизованности Герцен считает мещанство, т. е. буржуазность. Вместе с тем мещанство в его понимании – это в духовном смысле признак посредственности, «стирания личности, красоты породы». В силу этого мещанство становится «последним словом цивилизации» и обретает внесловный и внеклассовый характер, хотя и связано преимущественно с обладанием собственностью. Мещанство основано на «безусловном самодержавии собственности, это – демократизация аристократии, аристократизация демократии». С мещанством заканчивается рост, оно предоставляет людям скромный покой, менее тревожную жизнь и сильное довольство, не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. С мещанством «растет благосостояние» и «стертые люди сытее», но мещанство именно «стирает» личность – «родовой типизм сглаживает все инди-

видуальное, беспокойное, эксцентрическое. Люди как товар становились чем-то гуртовым, оптовым, дюжинным, дешевле...» Отсюда и равнодушные, свойственные западным людям, и «вся тайна замены лиц массами, поглощение личных самобытностей родом»⁸⁹.

Таким образом, критикуя западную культуру и воспринимая омещанивание людей как проявление кризиса общества, Герцен вполне очевидно предвосхищает современную философскую критику массовой культуры, массового общества и техногенной цивилизации. Так, например, Н. Бердяев считал, что жизнь человека XX в. необратимо рационализируется и механизмуется, растет его благополучие и облегчается жизнь. Но в этом и заключается парадокс, потому что «технизация жизни есть вместе с тем ее дегуманизация». Техника дает человеку материальные ценности и уничтожает духовные. Утрачиваются нравственные и культурные ценности, растет отчуждение – личность разлагается, человек обезличивается. Никакая техника не спасет «обездушенное, обезличенное, мещанское общество». Это может означать конец истории⁹⁰. Об этом же и теми же словами говорил Герцен, отмечая, однако, что мещанство свойственно не всем народам. Некоторым народам оно «противно, а другие в нем как рыба в воде. Испанцы, поляки, отчасти итальянцы и русские имеют в себе очень мало мещанских элементов; общественное устройство, в котором им было бы привольно, выше того, которое может им дать мещанство»⁹¹. Бердяеву было гораздо хуже, он достаточно насмотрелся на русский коммунизм, итальянский фашизм, испанский франкизм.

Герцен согласен, что мещанское благоустройство – огромный успех для народов Европы, но он видит, что этот успех здесь считают окончательным или «достаточным». Европа приходит в успокоение, она близка к «насыщению» и «стремится, усталая, осесть, кристаллизироваться, найдя свое прочное общественное положение в мещанском устройстве». И наиболее близка, по его мнению, к этому Голландия, – «она первая успокоилась до прекращения истории». Это «прекращение роста» Герцен называет совершеннолетием, «покойной колеей взрослого человека». Но как тоскливо и скучно быть взрослым! Об этом много рассуждал впоследствии К. Н. Леонтьев.

Своим размышлениям о мещанстве, Герцен находит созвучие в мнениях влиятельного в Ев-

⁸⁸ Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. С. 216.

⁸⁹ Герцен А.И. Концы и начала // Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 129.

⁹⁰ Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 301.

⁹¹ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 237.

ропе Д. С. Милля, высказанных в его книге «О свободе». Мысли Герцена во многом перекликались с утверждениями Милля, который замечает в развитии народов некий предел, после которого они останавливаются. Это происходит обычно тогда, «когда личности начинают стираться, пропадать в массах», когда личность начинает подчиняться обычаям. «Гнет обычая останавливает развитие... и если большая часть человечества не имеет истории, то это потому, что жизнь ее совершенно подчинена обычаю»⁹². Крайне интересно, что за пятнадцать лет до Милля Герцен писал: «Все, что выпадает из общего русла или не втекает в него, что замирает в стоячести или, усталое, падает на полдороге, что случайно, частно, – тогда только имеет право на историческое значение, когда оно не бесследно; в противном случае история забывает – и этом великое милосердие ее! История Китая обыкновенно преподается короче, нежели история каждого города Италии: неужели вы думаете, причина этому пристрастие, даль или близость?»⁹³ Герцен соглашается с Миллем в том, что в современном образованном мире сильно умственное превосходство, но, несмотря на это все идет к посредственности, лица теряются в толпе. Нравственной основой поведения становится требование жить как другие, а для этого не требуется «ни ума, ни особенной воли; люди... остаются добропорядочными, но пошлыми людьми»⁹⁴.

Беспреданно говоря о европейском кризисе, Герцен, безусловно, и все больше верит в Россию и в то, что у России путь должен быть отличен от Европы. Эта вера обусловлена особенностями национального русского характера, который постоянно занимает Герцена, причем в сравнении с особенностями характеров как англичан, французов, немцев, итальянцев, швейцарцев, так и китайцев, японцев, индусов, мусульман. Этот богатейший материал, несомненно, стимулировал учение Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах. Огромную роль в истории, считал Данилевский (как и Герцен), предстоит сыграть России и славянскому миру. Следует отметить, что по Данилевскому, историческая миссия России не должна восприниматься с какой-то фатальной необходимостью. То же самое мы находим у Герцена: «Может...Россия вовсе не разовьется, но именно потому, что это может быть – может быть и другое. И тем больше, что в том череду, как стали вопросы, в случайностях места и времени развития, в условиях быта и

жизни, в постоянных складках характера – бездна указаний»⁹⁵.

Различие национальных характеров народов выражается в различии их национальных культур. Одни народы (наиболее отсталые) только находятся на пути к зрелости и эта зрелость – конечная цель их исторического движения, другие (наиболее развитые) уже пришли к концу истории. И речь опять ведется о Востоке и Западе. Европейская культура считается высокой, но находится в кризисном состоянии, как и все европейское общество. Кроме нее, по европейским же меркам, существует культура низкая. К ней относится культура Китая, Японии, Индии и др. Герцен говорит о том, что так же как есть люди, «удовлетворяющиеся малым, с бедными потребностями, с узким взглядом и ограниченными желаниями», так «есть и народы с небольшим горизонтом, с странным воззрением, удовлетворяющиеся бедно, ложно, а иногда даже пошло»⁹⁶. Герцен объясняет этот покой, эту стагнацию тем, что общественный быт этих народов давно хорошо и прочно сложен. Там все подчинено обычаю. А развитие происходит только там, где непрерывно стремятся к лучшему. Китайцы и японцы «неизменно одни и те же» потому, что эти два народа нашли «наиболее соответствующую гражданскую форму для своего быта»⁹⁷. Их быт так улажен, так спокоен. Заметим от себя, что это не помешало им через каких-то лет семьдесят явить коммунизм и милитаризм.

Противопоставляя высокой культуре Запада низкую восточную культуру, Герцен тем не менее вовсе не считал, что западной культуре не грозит возможность и опасность усреднения, а то и потери своеобразия. С ростом технического развития связаны процессы массовизации общества. Растет специализация людей, каждый занимается какой-то узкой профессиональной операцией. Характер труда упрощается. Человек теряет ценность собственного характера и личности. В результате плодятся множество обезличенных существ, людей массы. Нивелирование людей все ускоряется по мере нарастания кризисных явлений в обществе. Это приводит к ситуации, когда единственным средством сдерживания этой массы становится государственное насилие. Распространение «человека массы», который считает, что жизнь должна быть легкой и обильной вне зависимости от его собственных усилий, может возрождать тоталитарные структуры власти, известные с древнейших времен.

⁹² Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 64.

⁹³ Герцен А.И. Письма об изучении природы. С. 187.

⁹⁴ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 65.

⁹⁵ Герцен А.И. Концы и начала. С. 141.

⁹⁶ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 236.

⁹⁷ Там же.

С особой остротой это было понято только в XX веке, да и то не всеми.

Наверное многим, из тех кто читал Герцена в 50-е гг. XIX в., казалось барской причудой то, что он предсказывал. «Рухнулся наконец этот мир, призрачный, дряхлый, переживший самого себя, мир распадающийся, двуначальный, неоткровенный, дошедший до лжи и смещения всех понятий, как все выживающее из ума, остановившийся на невозможных сочетаниях, на несовместных перемириях, на слабодушных уступках. Все, что он лепил, придумывал, выстроил из прошедшего и выбелил новой краской, все произведения его старческого ребячества – все рассыпалось, как карточный дом; противные сумерки пропали.» «Вся Европа выйдет из фуг своих, будет втянута в общий разгром; пределы стран изменятся, народы соединятся другими группами, национальности будут сломлены и оскорблены. Города, взятые приступом, ограбленные, обеднеют, образование падет, фабрики остановятся, в деревнях будет пусто, земля останется без рук, как после Тридцатилетней войны; усталые, заморенные народы покорятся всему, военный деспотизм заменит всякую законность и всякое управление. Тогда победители начнут драку за добычу. Испуганная цивилизация, индустрия побегут в Англию, в Америку, унося с собой от гибели кто деньги, кто науку, кто начатый труд. Из Европы делается нечто вроде Богемии после гуситов. И тут – на краю гибели и бедствий – начнется другая война – домашняя, своя расправа неимущих с имущими!»⁹⁸

М. Горький удивительно точно заметил: «Герцен – первый русский мыслитель, до него никто не смотрел так разносторонне и глубоко на русскую жизнь. На протяжении целых 50 лет русское общество не выдумало ни одной мысли, незнакомой этому человеку. Он представляет собою целую область, страну изумительно богатую мыслями»⁹⁹. Философские идеи Герцена неотрывны от философских направлений XX в. и связаны с современными течениями. Особенно это относится к экзистенциальной философии, философской антропологии и герменевтике, философии кризиса, но не в меньшей степени – к философии социализма и коммунизма, философии революции, философии права и т.п. Наследие Герцена поддается прочтению с разных позиций. В XIX в. названные течения появляются как неклассические, а в XX обретают устойчивые формы, добиваются статуса определяющих в

духовной жизни, порождают собственных классиков. Современную философию в целом можно охарактеризовать как эклектичную (плюралистичную) по характеру.

Любая философия всегда остается одной из форм самосознания общества. Основные черты классической философии – постулирование суверенности мыслящего индивида, атрибутивности рационального контроля субъектом своих поступков и мыслей, осознание прозрачности общественных отношений, которые поддаются расчету и прогнозу, – хотя и связаны с обществом XVIII–XIX вв., не могут считаться устаревшими или преодоленными. Обобществление экономических форм человеческой деятельности, повсеместное укоренение механизмов социального обеспечения, бюрократизация общественной жизни, инструментализация массовой информации, пропаганды, рекламы привели в XX в. к расцвету индустрии сознания, обслуживаемой целой армией работников интеллектуального и творческого характера. Основным продуктом этой индустрии творцов-интеллектуалов стала массовая культура и массовый человек.

Свойственное современной философии трагическое мировоззрение, безусловно, питается и герценовской мыслью. Герцену, как мало кому еще в середине XIX в., открылись проблемы кризиса индустриального общества и человеческого существования в этом обществе. В любом конкретном взятом обществе сегодня совсем не трудно определить господствующую идеологию, благодаря которой людям прививаются одни и те же мысли, мнения, упрощенные схемы объяснения мира и истории, примитивные нравственные и эстетические ценности. Но ведь ими и сохраняется общество. Современный человек – раб привычек, стандартов, стереотипов мышления и поведения, стадной морали, страха, душевной и духовной лени, но как и полтора века назад при Герцене он стремится выйти из столь унижительного для себя состояния, видимо полагая, что можно перестать быть человеком.

⁹⁸ Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. С. 206, 210–211.

⁹⁹ Горький М. История русской литературы // А.И. Герцен в русской критике : сб. статей. М., 1953. С. 253.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕДАГОГОВ

Н.Л. Коршунова

Коршунова Наталья Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики Уссурийского государственного педагогического института.

В данной статье поднимается весьма острая для современного состояния общества и культуры проблема социальной ответственности педагогов – ученых и практиков. Понятие социальной ответственности применительно к этой категории работников рассматривается как характеристика педагогического профессионализма. Социальная роль педагогов в современной России видится по-особому. Профессиональное выполнение педагогами – практическими и научными работниками – вменяемых им в обязанности социальных функций, с точки зрения автора, способствует формированию гражданского общества и гарантирует ответственное отношение к результатам собственной педагогической деятельности перед обществом нового типа.

A rather urgent problem is considered in this article – that of social responsibility of educationalists engaged both in educational theory and practice which is quite important for modern society and culture. The idea of social responsibility, which can be applied to this category of workers, is viewed as a criterion of pedagogical professionalism. The social role of educationalists in Russia today can be seen very specially. Professional performance of different social functions executed by educationalists, in author's opinion, promotes civil society development. It also warrants their responsible attitude towards the results of their own educational work in the changing society.

Социальная роль российских педагогов в современную эпоху особая. Она определяется следующими обстоятельствами.

Российское общество в течение последних 15–20 лет с переменным успехом осуществляет длительный и сложный процесс изменений своего жизнеустройства, по замыслу изначально ориентированный на демократические преобразования. Понятно, между желаемым и действительным – дистанция немалого размера, которая может увеличиваться и сокращаться. Однако одно необратимо – кардинальные изменения в педагогическом сознании. Гуманистические ориентиры остаются. Представление о целях современного образования предполагает по возможности полное развитие тех способностей личности, которые нужны и ей, и обществу, приобщение ее к активному участию в жизни, соединение бытия каждого отдельного человека с культурой.

В тоталитарном обществе, возможность возвращения в которое для нынешней России представляет отнюдь не виртуальную опасность, нет потребности в культурном, широко образованном человеке. Здесь необходим специалист, который смог бы выполнить конкретную предложенную ему задачу. В таком обществе человек – это деталь огромного механизма с соответствующей функцией. Культурно необразованный человек становится объектом социальных манипуляций: он легко управляем. Образованный же человек способен понять не только слова, производимые властью имущими, но и реальные по-

следствия их действий. Таким людям трудно навязать любое решение, угодное его принимающим. Демократические свободы, как показала жизнь, только тогда могут приносить ощутимые плоды и для личности, и для общества в целом, когда они опираются на высокую компетентность людей. Вот почему в демократическом обществе от каждого требуется универсальное образование, которое позволяло бы человеку вести достойную жизнь, а не выступать в качестве объекта различного рода манипуляций.¹

В связи с этим важнейшая задача системы образования заключается в том, чтобы предоставить любому учащемуся широкие возможности для выбора собственной образовательной траектории, научить его свободно двигаться в пространстве идей, развить его мышление и эмоциональное восприятие действительности, помочь ему выработать целостный взгляд на мир, сформироваться в полноценного гражданина страны.

Подобное понимание новых целевых ориентиров образования нашло отражение в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г., где сказано, что школа – в широком смысле этого слова – должна стать важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений, формирования но-

¹ Девятова С.В., Купцов В.И. Образование в XX столетии // Вестник Московского университета. 2003. № 1. С. 3–19 (Серия 20. Педагогическое образование); Девятова С.В., Купцов В.И. Культура, образование и демократия // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 1. С. 74–89.

вых жизненных установок личности. Результат гуманистической направленности педагогического процесса – «современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладают развитым чувством ответственности за судьбу страны».²

Ответственность не случайно мыслится в числе желаемых, проектируемых качеств личности: здесь просматриваются определенные стратегии. Дело в том, что ответственность – существенная характеристика личности в культуре европейского типа, связанная с такими ее важнейшими чертами, как свобода и деятельность. Это проявляется прежде всего в отношении к человеку как свободной творческой личности, реализующей себя на протяжении всей жизни.

Появился даже термин «европейское измерение в образовании». «Европейское измерение в образовании» – это прежде всего новый опыт, стимулирующий новые ориентации в образовании, призванные формировать человека, исповедующего терпимость, плюрализм, ценящего культурное наследие сообщества, готовым и способным к активному улучшению условий жизни. Ответственность – неотъемлемое свойство личности в ряду названных качеств.

Конечно, всякая духовная практика требует волевых усилий, и опыт ответственного поведения приобретает нелегким путем. Но иначе отвечать на вызовы современности не представляется возможным. В нынешнее время главным источником их возникновения в педагогической сфере является образовательная политика, реформы, проводимые «сверху», без участия широкой педагогической общественности. Инновации в образовании зачастую носят поверхностный, фрагментарный, недостаточно продуманный характер, в малой степени ориентированы на человека и его потребности, чреватые затяжными негативными следствиями. Подчеркнем, что речь идет не столько о самих новшествах, сколько о способах их воплощения. Сюда правомерно отнести и образовательные стандарты, и профильное обучение, и ЕГЭ, и предстоящий переход национальной системы высшего образования на двухуровневые программы и квалификации (болонский процесс) и др. нововведения.

Ныне действующие стандарты школьного образования во многом сохраняют дореформенную сциентистскую ориентацию. Перечень профилей для старшей ступени средней школы чрезмерно узок и не отвечает современным социокультурным реалиям. Введение ЕГЭ противоречит идее личностно-ориентированного образования. Болонская модель подготовки специалистов угрожает утратой такой национальной особенности российского образования, как его фундаментальность.

Перечисленные модернизационные проекты вызывают общую неудовлетворенность и даже обеспокоенность, и этот список можно продолжить. Главная причина слабости процесса реформирования образования в России, с нашей точки зрения, кроется в реальной направленности образовательной реформы, вступившей с противоречием с ранее провозглашенным курсом, получившим документальное закрепление. В настоящее время в среде широкой, в том числе научной и управленческой общественности, получил распространение взгляд на образование как средство экономического расцвета страны. Бесспорно, от экономики зависит многое. Вместе с тем нельзя не согласиться с В. М. Межуевым в том, что жесткая прагматизация задач образования, превращение образования в средство только экономического развития весьма опасны.³ Реформы (и социальные, и образовательные как их неотъемлемая часть), построенные на чисто экономических принципах, обречены на неудачу.⁴ Технократическая концепция российских реформ не учитывает того значения, которое имеет развитие общества и человека, их деятельности для социального обновления. Ведь реформы не самоцель, а средство для раскрепощения и развития человека, поэтому личностное измерение должно стать доминирующим в них. Основания для этого – в цивилизационном опыте человечества. В противном случае правильные слова о генеральной линии реформирования отечественного образования так и останутся на бумаге (подобное уже не раз случалось в нашей истории), а в реальной педагогической практике подлинного поворота к ее гуманизации не произойдет, что будет равнозначно отказу от процессов модернизации российского образования.

Помочь противостоять наметившимся регрессивным и разрушительным тенденциям могла

² Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. М., 2002. С. 2–3.

³ Межуев В. Культура и образование // Вестник высшей школы. 2004. № 5. С. 5–9.

⁴ Днепров Э.Д. Проблемы образования в контексте общего процесса модернизации России // Педагогика. 1996. № 5. С. 39–46.

бы профессиональная педагогическая общественность, тем более, что в главном образовательном ведомстве – Министерстве образования и науки нет единого мнения по поводу дальнейшего продвижения модернизации. Гражданских институтов в образовании почти нет. Поэтому крайне ценно мнение профессионально-педагогического сообщества, каждого педагога о направленности и ходе реформирования образования в нашей стране. Разумеется, при этом педагоги должны быть критически мыслящими общественниками, что предполагает широкую общегуманитарную подготовку и добротную педагогическую как ее составную часть для всех студентов, обучающихся по педагогическим специальностям. Без этого трудно рассчитывать на взвешенный, компетентный подход в анализе происходящих событий, аргументированность суждений, конструктивную критику. Между тем в этом обнаруживает себя ответственное отношение к заявленным и распространяемым взглядам. Отсюда – мы рассматриваем *социальную ответственность педагогов как характеристику их профессионализма*. Сегодня педагогический профессионализм приобретает инновационный модус – способность оказывать гражданское, общественное влияние (не смешивать с административным давлением!) на образовательную политику. Обратим внимание: именно на образовательную политику, на систему норм, на нравы, на уклад, на принципы. Поле для проявления гражданских позиций практикующих педагогов задается выполнением ими новых социальных функций, инициированных спецификой времени, способствующих укреплению выбора демократического пути развития, модернизации общества и образования, к которым мы причисляем следующие.

1. Распространение гуманистических идей и формирование соответствующих ценностей у нового поколения средствами образования

Эта функция неотделима от образовательной. Ее легитимность поддержана Законом РФ «Об образовании», в котором в качестве одного из принципов образовательной политики провозглашаются свобода и плюрализм. С другой стороны, предписывающий характер выделенной функции вроде бы противоречит духу этого законоположения. Однако ведущий принцип современной школы – приведение ценностной основы образования в соответствии с общечеловеческими ценностями. Это – вызов времени, и для того чтобы рассчитывать на успешный результат, ответ на

него должен быть социально признанным, и притом – обязательно свободным и ответственным. Свобода только тогда получает позитивное воплощение, когда она ответственна. Ответственность педагога будет определяться сделанным им ценностным выбором независимо от направления самого выбора. Ведь ответственность «интенционально соотносится с двумя вещами: со смыслом, за осуществление которого мы ответственны, и тем, перед кем мы несем эту ответственность».⁵ Но невозможно представить себе педагога-учителя, воспитателя, способного подготовить молодежь к жизни в цивилизованном обществе, исповедующего иную, кроме гуманистической, систему ценностей. При этом педагог, безусловно, не имеет права – и это прямо вытекает из того же принципа свободы и плюрализма в образовании, установленного законом, и культуры профессионального поведения – навязывать свою точку зрения ученику или студенту, а тем более преследовать его за политическую позицию, отличную от собственной. Эта практика, к сожалению, не изжитая и в эпоху постсоветскую.

2. Выявление возможностей для позитивных инноваций в образовательной микро-среде и участие в педагогических проектах

Крушение авторитарно-бюрократической социальной системы в нашей стране открыло дорогу массовой инновационной деятельности, ориентированной на прогресс, включая и сферу образования. Педагогическое проектирование за годы реформ стало одним из значимых видов педагогической деятельности. Для понимания сущности рассматриваемой социальной функции педагога и ее связи с личной ответственностью профессионала в условиях проектировочной деятельности инновационного характера принципиально важно иметь в виду, что любой инновационный проект в образовании имеет ценностную составляющую.⁶ Он формируется в определенном ценностном контексте, основывается на определенной системе ценностей и норм, выражает их явно или неявно. И одновременно он формирует новые ценностные ориентации, отлагающиеся в новых ценностях, регулятивах и нормах, подготавливает социальное признание новых ценностей и норм, неявно присутствующих в инновационных проектах. Здесь специально следует зафиксировать одну (среди других) важную

⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла : сб. ; пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. С. 68.

⁶ Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб. : РХГИ, 2004. С. 497.

концептуальную позицию, свойственную современности и отмечаемую В. И. Загвязинским. Образование теперь рассматривается не как отрасль, а как широкая и многофункциональная социальная сфера, призванная выполнять функции не только обучения, воспитания и развития, но и здоровьесбережения, социальной защиты, культуросбережения и культуротворчества, социальной стабилизации.⁷ Можно привести немало примеров того, как педагогические инновационные проекты влияют на социальную среду. Так, известный опыт Людмилы Павловны Квашко в повышении квалификации учителей Черниговского района Приморского края, основанный на вовлечении учителей в проектировочную деятельность в условиях, способствующих личностно-профессиональному саморазвитию специалистов в самом процессе профессиональной деятельности, в последующем нашел применение в работе Черниговского филиала регионального общественно-политического движения «Всероссийский женский союз», в двух проектах: «Центр семейного консультирования» и «Мир в семье».⁸ В ходе их реализации жители Черниговского района получают дополнительные услуги социальной сферы. В результате этой помощи в семьях восстанавливаются нормальные отношения, дети возвращаются к родителям, родители находят взаимопонимание с детьми. Из приведенного примера хорошо видно, что зоны, нуждающиеся в инновационном преобразовании, находятся не где-то «за горизонтом», а совсем рядом, открываясь чуть более внимательному обычного взгляду.

3. Публичная оценка инновационных идей и мероприятий

Казалось бы, суть этой функции очевидна и не нуждается в особых комментариях. Понятно, что речь идет об определении значимости инновационных предложений для модернизации отечественного образования, продуктивности и эффективности их воплощения и об артикуляции взглядов представителей педагогической практики в общественно-педагогической среде. Конечной целью оценок инновационных действий должно быть их соответствие исторической тенденции преодоления безнадежно устаревших форм, методов, содержательных и ценностно-

смысловых основ образования. Резонно полагать, что суждения педагогов-практиков о проводимой в стране образовательной политике: учителей, преподавателей, директоров школ или ректоров вузов, не из вторичных источников знающих о проблемах в своей области профессиональной деятельности, полезно услышать чиновникам всех уровней и ветвей власти, принимающих решения, предопределяющие формы и содержание модернизации образования в новой России. Но не все так просто. Оценка бывает как непосредственно-эмоциональной, так и рациональной. Если ценность рационального мышления для модернизирующегося общества и образования как его подсистемы не вызывает сомнений, то ценностные отношения людей к миру во всех их проявлениях не бесспорны. Ведь для нас не всякая эмоция есть ценность. Отрицательные эмоции отнюдь не ценны. Не любой вкус – ценность, вкусы (в том числе и профессионально-педагогические) могут быть и дурными. Поэтому человеческие чувства, эмоции не могут служить надежным критерием для оценки образовательной деятельности, способов и механизмов ее усовершенствования. Такими критериями, с нашей точки зрения, должны выступать педагогическая наука и общественные идеалы. Обращение к науке предопределяет непредвзятую, корректную, аргументированную оценку модернизационных предложений и проводимых на их основе преобразовательных акций и, следовательно, ответственную профессиональную позицию. В связи с этим остро встает вопрос о профессиональной компетентности педагогов-практиков, дефицит которой очевиден. К сожалению, нельзя признать, что обоснование инновационных идей и действий в образовательной практике исключительно на ценностно-рациональной основе вошло в традицию российского педагогического сообщества. Так, легко обнаружить, что вся общественно-педагогическая риторика последних лет по поводу проводимых в образовании реформ сводится к вопросам ЕГЭ, приема абитуриентов вузы, техники сдачи вступительных экзаменов, определения достоинств и недостатков тестирования, характеристик болонской модели подготовки специалистов, в частности, кредитно-зачетной системы и пр., и т. п., в то время как смыслы и ценностно-целевые ориентиры изменений в сфере национального образования почти не обсуждаются. Так же нельзя утверждать, что публичные оценки управленческих решений, направленных на модернизацию отечественного образования,

⁷ Загвязинский В.И. Моделирование в структуре социально-педагогического проектирования // Вестник высшей школы. 2004. № 9. С. 21–25.

⁸ Квашко Л.П. Личностно-профессиональное саморазвитие: миф или реальность? Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. 260 с.

со стороны представителей педагогической практики носят массовый характер и оказывают заметное влияние на образовательную политику. По-настоящему профессиональных и ярких выступлений педагогов-практиков в печати, на радио, телевидении, крупных конференциях, семинарах слишком мало, чтобы можно было говорить о педагогическом сообществе как серьезной формации, в равной степени способной оказывать сопротивление волонтаристским, необдуманым и разрушительным проектам и поддержку нарождающимся прогрессивным тенденциям. (К немногочисленной когорте «публичных» педагогов можно отнести Е. Бунимовича, А. Адамского, Ю. Афанасьева). Но именно это обстоятельство в большей степени актуализирует выполнение педагогами-практиками рассматриваемой социальной функции. А залогом успешности ее реализации выступает основательная гуманитарная и обязательно – теоретическая педагогическая подготовка практических работников сферы образования. (К слову сказать, все названные выше педагоги-общественники – первоклассные профессионалы). Только при этом условии можно профессионально отвечать на вызовы современности, давая компетентные, социально значимые оценки проводимым в образовании реформам.

4. Сохранение автономии и независимости инновационных инициатив

Выполнение этой функции требует от педагогов проявления не только социальной активности и гражданской позиции, но личного мужества и терпения. Нужны твердый характер, способность каждодневно вести напряженную деловую и эмоциональную жизнь, неустанно «воспроизводить» себя даже в самых неблагоприятных обстоятельствах, отстаивать свои идеи, идти «до конца» в выбранном направлении. Такие качества были необходимы и в иное время. Об этом красноречиво свидетельствуют истории создания хорошо известных педагогических систем и биографии их авторов: С. Т. Шацкого, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, В.А. Караковского, Д. Б. Кабалевского, и др. Однако не менее трудно продвигать свои идеи и проекты современным инноваторам. Новое, если оно прогрессивно, всегда пробивает себе дорогу с трудом, встречая естественное сопротивление консервативно мыслящего профессионального сообщества, то и дело натываясь на препятствия, преодолевая инерцию устаревших взглядов, установок и традиций. Очень значим опыт некоторых вузов и педагогических кафедр по преодолению педагогического нигилизма, приводящего к исключе-

нию из содержания итоговой государственной аттестации профессионального, психолого-педагогического блока, ограничению ее проверкой предметной подготовки выпускников. В ряде случаев удалось вернуть педагогике и психологии законное право служить областями для проверки профессиональной готовности будущих педагогов на «выходе» из стен педагогических институтов и университетов. Это оказалось возможным в тех образовательных учреждениях, руководителями которых являются либо профессиональные педагоги, либо педагогически ориентированные администраторы. К числу таких вузов, чей опыт по включению педагогической составляющей в содержание итоговой государственной аттестации можно поставить в пример, относятся Биробиджанская педагогическая академия, Волгоградский педагогический университет, Казанский педагогический университет, Красноярский педагогический университет, до некоторой степени – Хабаровский гуманитарный университет (бывший педуниверситет). Условием успешности выполнения и этой функции выступает педагогический профессионализм. Он обеспечивает квалифицированное и ответственное отношение к делу одновременно.

Не ставя в данной статье цели – специально рассмотреть проблему профессиональной подготовки будущих педагогов, отметим лишь, что профессиональное педагогическое образование строит тот фундамент, который поддерживает и укрепляет устойчивость и развитие как педагогической практики, так и науки педагогики. Последней очерчивается второй пласт заявленной нами темы. Роль образования в жизни отдельно взятого человека и общества в целом велика и многогранна. Это обстоятельство налагает на педагогику повышенные обязательства в части решения такой универсальной научной задачи, как производить достоверное научное знание о мире, в нашем случае – о педагогической действительности, охватывая своими исследованиями все образовательное пространство страны и проводя их на высоком по качеству уровне. Однако качество педагогических исследований в массе своей оставляет желать лучшего, и об этом уже достаточно много написано. При этом в многочисленных и справедливых претензиях к уровню научной работы в области педагогики критиками выпущен из виду такой немаловажный момент: слабая степень теоретичности педагогического знания негативным образом сказывается не только на выполнении педагогической наукой своих когнитивных функций, но и социальных. Соци-

альные функции педагогики специально исследовались нами ранее.⁹ Представляется интересным в познавательном отношении отразить в единой схеме социальные функции педагогики, и социальные функции педагогов.

В таблице обозначена и общая для педагогов-теоретиков и педагогов-практиков функция, которую можно считать ключевой для понимания всех предписываемых им социальных функций – функция трансмиссии социальных норм.

Таблица

Функции педагогики и педагогов в современном социокультурном контексте

Основные функции педагогики		Социальные функции педагогов		
Когнитивные функции	Социальные функции		Социальные функции педагогов-практиков	Социальные функции научных работников в области педагогики
	Первичные	Вторичные		
1. Объяснительно-описательная 2. Предписывающая 3. Прогностическая	1. Источник обеспечения практических действий в сфере образования 2. Платформа для образования поля организационной, учебно- и научно-педагогической) деятельности педагогов-теоретиков 3. Источник формирования содержания педагогических учебных дисциплин 4. Экспертная 5. Мировоззренческая, просветительская функция (<i>мониторинг общественного мнения о целях и ценностях современного образования; выявление возможностей позитивных инноваций в системе образования; актуализация системы ценностей, ориентированных на прогресс образования и общества; транспортация социальных норм</i>)	1. Создание педагогической элиты и научное обеспечение других сфер деятельности 2. Участие в создании интеллектуальной атмосферы в социуме (интеллектуализация общества)	Трансмиссия социальных норм	
			1. Распространение либеральных идей и формирование новых, гуманистических ценностей у нового поколения средствами образования 2. Выявление возможностей для позитивных инноваций в образовательной микросреде и участие в педагогических проектах 3. Публичная оценка инновационных идей и мероприятий 4. Сохранение автономии и независимости инновационных инициатив	1. Распространение среди населения системы ценностей, ориентированных на прогресс образования и общества 2. Зондирование общественного мнения 3. Демонстрация достижений педагогической науки 4. Защита педагогического сознания от демифологизации. 5. Экспертная
Педагогическое образование				

⁹ Коршунова Н.Л. Социальные функции педагогики и проблема педагогического профессионализма // Сибирь. Философия. Образование: научно-публицистический альманах / СО РАО; Институт повышения квалификации (г. Новокузнецк) / гл. ред А.А. Цукер. Новокузнецк : Изд-во Института повышения квалификации, 2005. С. 6–25 (Вып. 8).

Трансмиссия социальных норм

Трансмиссия (термин В.Д. Плахова) – это процесс, совершающийся посредством индивидуально-психических механизмов познания и деятельности субъекта, она может быть представлена в рамках жизнедеятельности отдельного индивида как последовательный переход нормы из экстрасубъективного в интрасубъективное состояние, а затем снова – в экстрасубъективное.¹⁰

В научном сознании в настоящее время происходят сдвиги от классической модели рациональности к ее современным постклассическим формам (неклассическая и постнеклассическая рациональность в терминологии В.С. Степина). Не станем вдаваться в их подробное описание. Для нас принципиально важно отметить, что развитие позиции современной постклассической рациональности (в терминологии М.С. Кагана) связано с расширением и углублением представлений о характере исходных установок и предпосылок научно-познавательной деятельности, с выходом их анализа за рамки так называемого чистого разума, т. е. обусловленности познавательных установок всем многообразием внешних и внутренних факторов человеческой субъективности. Сдвиги в понимании рациональности в современной ситуации приводят к тому, что в предмет рефлексии над основаниями научного поиска, по удачному наблюдению В.С. Швырева¹¹, входит *социальное действие*. В этой ситуации познание становится частной формой социального действия, и указанное выше противоречие между познанием, образованием и жизнью преодолевается. Утверждение же опасности отрыва познавательной (равно самообразовательной) деятельности от жизни личности лишается оснований, поскольку социальное действие – это не что иное, как организация работы в ориентации на Другого, а личность человека существует только в отношениях и взаимоотношениях с другими людьми.

Отсюда становится очевидным, что в складывающейся постклассической рациональности и сами социальные нормы, и механизм их движения в обществе получают новые смысловые акценты. Ценностные представления о должном, закрепленные в статусе общественных норм, несут с собой новую меру всех вещей – человеческое измерение познания и деятельности. Их

распространение и «приживление» в обществе закономерно и не в последнюю очередь зависит оттого, в какой мере они будут восприняты и «присвоены» педагогами. В этом деле роль работников науки и практики образования трудно переоценить. В свою очередь, результаты этих процессов неотделимы от процесса развития педагогического профессионализма на уровне личности (следует обратить внимание: именно процесса, а не достигнутого уровня, так как профессионализм характеризует динамическое, а не статическое состояние человека!). Подчеркнем также, что траектория развития профессионализма во многом зависит от самого человека, от его отношений к себе и к миру, к другим людям, к избранному делу. Вместе с тем нельзя игнорировать особенности исторического времени и его требования. Новыми социокультурными условиями инициированы новые свойства профессионального самосознания педагогов-субъектов практической педагогической деятельности: рефлексивность, критичность, ответственность, диалогичность.

Специфика постклассической рациональности заставляет кардинально пересмотреть и роль субъекта научного познания по сравнению с «классикой». Путеводным понятием здесь также может послужить категория ответственности. В классической концепции рациональности субъект поставлен в познавательную ситуацию, защищающую его от принципиальных ошибок авторитетом научного знания. Но именно в этом стремлении отказаться от свободы, застраховать себя от риска и ответственности, переложив последнюю на авторитет заданных норм и критериев, находится источник для непрекращающейся критики классического рационального когнитивизма, имеющей уже давнюю историю.

Все сказанное выше позволяет представить с рассматриваемых позиций функцию трансмиссии социальных норм как работу гражданского сознания педагогов (практиков и теоретиков), их воли и деятельности по освоению рефлексии над ценностными основаниями социального опыта (не исключая и опыт личный), ибо только так можно придать этому процессу осознанность, целевую направленность и педагогическую содержательность, их усвоению и закреплению в структуре собственной личности. Проще говоря, это означает, что обязанностью педагога становится непрерывное самосовершенствование всех его профессиональных и человеческих качеств с последующим «присвоением» их новыми поколениями.

¹⁰ Плахов В.Д. Социальные нормы : философские основания общей теории. М. : Мысль, 1985. С. 34.

¹¹ Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 3–39.

С позиций нового мышления включение ответственности в перечень профессиональных качеств личности педагога существенно изменяет ее тип. Если классическим стилем мышления была предопределена **ответственность ретроспективного типа (наступающая позже совершенного действия)**, то нарождающийся неклассический стиль инициирует **ответственность перспективного типа (проектирующую определенные моральные обязательства)**.

После подробного комментария общей для всех категорий педагогов и основополагающей функции трансмиссии социальных норм не составит большого труда вычленивать социальные функции ученых-педагогов. К ним мы относим следующие.

1. Распространение среди населения системы ценностей, ориентированных на прогресс образования и общества

Актуализация этой функций обусловлена следующими обстоятельствами. Современное российское образование находится в состоянии широкомасштабного инновационного поиска. Педагогические инновации существовали и в прежние времена, но образовательная реформа резко повысила их количество и масштаб. Отделять проблемы реформирования образования от проблем реформирования общества в целом, в других его подсистемах – занятие малопродуктивное и неперспективное. Б.С.Гершунский справедливо заметил: «Школа и общество неотделимы. Это – одна **система**, и истинные масштабы этой системы нами пока еще не осознаются сполна. Отсюда и наивные даже по своему замыслу попытки реформировать, трансформировать, стандартизировать, дифференцировать, деполитизировать, патриотизировать и т. д., и т. п. систему образования в одной отдельно взятой стране, регионе, штате или школе в надежде на решение каких-то локальных, собственно образовательных или воспитательных задач вне решения задач более общих, глобальных, общественных, цивилизационных...».¹² Другой вывод, логично вытекающий из предыдущего контекста, заключается в том, что реформирование образования требует *массового распространения системы ценностей, ориентированных на прогресс образования и общества*.

Вызов современности ставит научных работников в области педагогики перед необходи-

мостью публичных выступлений в СМИ, в научных, публицистических и научно-публицистических изданиях, на конференциях, в дискуссиях о ходе реформы образования в стране, о ценностных обоснованиях разрабатываемых образовательных проектов в контексте новой социокультурной реальности и новых ценностей в обществе. Содержание рассматриваемой функции не ограничивается предъявлением сообществу новых ценностей, но предполагает разъяснение людям того, что происходит в первую очередь в сфере образования, а через нее – в нашем обществе, разъяснение того, что мешает, и того, что способствует прогрессу. К немногочисленным примерам такого рода можно с полным правом отнести деятельность Э.Д. Днепров, В.В. Краевского. Взгляд на реформу образования в контексте ценностей постиндустриального общества продемонстрировал А.М. Новиков в книге «Российское образование в новой эпохе» (М., 2000). Социальный подход к анализу реформ отечественного образования публично отстаивает В.И. Загвязинский.

2. Зондирование общественного мнения

Попытки предлагать инновационные мероприятия без знания общественного мнения, выявления на этой основе потенциальных заказчиков и адресатов и без учета их ценностно-целевых ориентаций в этой сфере, равно как и в других, бесперспективны. Именно поэтому реформа в образовании то и дело пробуксовывает. Поэтому если рассчитывать на успех в деле реформирования образования, придется принимать в расчет ценности всех вовлеченных в инновационные мероприятия групп и научиться извлекать из них позитивное содержание.

Функция зондирования общественного мнения тесно связана с предыдущей – функцией распространения среди населения системы ценностей, ориентированных на прогресс образования и общества.

3. Демонстрация достижений педагогической науки

Однако только изучать общественное мнение недостаточно. Не меньшее значение имеет его формирование. Большими возможностями влияния на общественное мнение обладают радио, телевидение, пресса, в слабой степени используемые учеными-педагогами. Очевидно, исследователям в области образования нужно смелее лоббировать интересы общества, образования и педагогической науки, тем более, что у педагогики есть для этого необходимые культурные ресурсы. Сегодня для нас мог бы быть по-

¹² Гершунский Б.С. Менталитет и образование: учебное пособие для студентов. М.: Институт практической психологии, 1996. С. 5.

учительным опыт прошлых лет, когда активно функционировало издательство «Знание», под эгидой которого регулярно и длительное время выходили в свет популярные брошюры рубрик «Педагогика и психология» и «Педагогический факультет».

4. Защита педагогического сознания от мифологизации

Для начала определим исходное понятие – понятие мифологизации. Вслед за Е.Л. Чертовой, под мифологизацией будем иметь в виду конструирование или фабрикации нужного результата и представление его в наукообразной форме.¹³ Между тем своим происхождением миф может быть обязан как научному, так и обыденному сознанию.¹⁴ Педагогическое сознание довольно богато мифологическими представлениями. В житейской практике россиян до сих пор распространены такие мифы о воспитании и образовании, как «хороший ребенок – это послушный ребенок», «непослушный ребенок – плохой, упрямый», «ребенок должен слушаться взрослых!», «родители (учителя, начальники) знают лучше», «хорошее образование – основа и гарантия обеспеченной и счастливой жизни», «родители должны жить только ради своих детей, думать о себе – эгоистично и непозволительно» и пр.¹⁵ В основе мифотворчества – острый конфликт между желаемым и действительным, который не находит позитивного разрешения. Не обнаруживая реалистических стратегий собственной деятельности, человек замещает их ориентирами, лежащими в иррациональной плоскости. По этой причине подобные приведенным выше сентенции проникают и в педагогическую науку сквозь «щели» в ее рациональном фундаменте.

В педагогике можно найти немало заменивших подлинно научное знание мифов. Так, долгое время в педагогике доминировала идея *tabula rasa*, т. е. идея о том, что маленький ребенок представляет собой «чистый лист» – что на нем напишешь, то и будет. След этой идеи запечатлен в тезисе «нет плохих учеников, есть плохие учителя». Потом оказалось, что это не совсем так

– многие инстинктивные программы человека, как и животного существа, закладываются на генетическом уровне. Тогда все инстинктивное, «животное» было объявлено вредным и подлежащим искоренению, чем и поныне занимаются в семьях и в образовательных учреждениях. С другой стороны, на наших глазах получает «второе дыхание» идея природосообразности воспитания, отгесняющая на обочину его социокультурные корни. Фраза «все дети талантливы от рождения» – не редкость в педагогических изданиях различных жанров. Такие мифические представления выросли на зыбкой почве педагогической теории, не сумевшей органично соединить естественно-научное и социально-гуманитарное направления научного поиска.

Особенно пристального внимания заслуживают мифы, вызванные сциентистскими умонастроениями в научно-образовательной среде. Корни их уходят в прошлое, но побег продолжают идти в рост и молодо зеленеть. По сей день в педагогической литературе можно столкнуться с убеждениями авторов в том, что в школах изучаются науки (а не учебные предметы!), что советская система образования – лучшая в мире, и что главная цель образования состоит в получении знаний, исключительно – научных. Примечательно, что подобные наукоцентристские установки ничуть не препятствуют совершающемуся повороту к религиозным и национальным традициям, что находит определенную поддержку и среди высоких должностных лиц Российской академии образования, которые по своей должности обязаны были бы защищать автономию образования и его светскость в многоконфессиональной культуре России. Причем это не проходит незамеченным для части научного сообщества, разделяющей модернистские ценности, и почти не встречает сопротивления в научно-педагогической среде.

Непрекращающийся процесс создания новых педагогических мифологем можно объяснить и так. Околonaучное и внутринаучное мифотворчество зачастую выполняет функцию отсутствующей идеологии; это, так сказать, идеология под личиной мифа, ибо за такими искусственно созданными мифами стоят вполне реальные субъекты со своими конкретными частными интересами. Например, обществу навязываются устойчивые представления о лучшей в мире советской системе образования. Тем самым, по существу, открывается дорога узкопрагматическим целям образования, сводящимся к формированию знаний, умений и навыков, что на языке

¹³ Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 3–39.

¹⁴ Мазниченко М.А. Научное, мифологическое и обыденное в педагогической теории и практике // Вестник высшей школы. 2005. № 6. С. 19–25.

¹⁵ Аксенов Д.В., Борисова В.А. Российские мифы, или почему ежик ходит в тумане? М. : Академический Проект, 2005. 128 с. (Психологические технологии).

экономики означает не что иное, как сокращение его финансирования, а на языке политики – способ производства людей, наиболее удобных для управления «сверху». И то, и другое вполне отвечает интересам определенных политических и финансовых групп, не исключая государственные структуры.

С высоты широких, философских обобщений,¹⁶ становится очевидно, что в настоящее время почва для мифотворчества особенно благоприятна вследствие крутого поворота в нашей истории и неясности той исторической перспективы, которая могла бы быть приемлемой для общества в целом. Ни «вперед к капитализму», ни «назад к социализму» или еще дальше – к «православию, самодержавию и народности» (знаменитая триада графа Уварова) – последнее иной раз предлагается в качестве ориентира в некоторых педагогических публикациях – не могут рассматриваться как реалистические цели.

Этим обстоятельством объясняется трудность момента, но не снимается ответственность с ученых-педагогов за реанимацию старых мифов и производство новых, искусственных. Статуса последних, полагаем, достигли развивающее обучения, компьютеризация образования и др. Искоренить мифологию нельзя, но можно осуществлять ее критический анализ. Более того, это совершенно необходимо потому, что в настоящее время, по наблюдениям М.А. Мазниченко,¹⁷ мифологическая часть педагогического знания не рефлексивируется теорией образования. Анализ и разоблачение педагогических мифов, как и различных проявлений утопизма, сейчас не менее необходимы, чем разработка позитивных концепций развития образования – оба эти процесса предполагают и взаимно поддерживают друг друга. Критиковать миф непросто, так как он, как уже было отмечено, строится на иррациональном фундаменте. Единственная антитеза мифу – культивирование самосознания, критический подход к себе самому и окружающему миру, постижения смысла педагогической реальности с позиций педагогической теории.

5. Экспертная функция

Экспертная функция, выполняемая научными работниками в сфере образования, в первую очередь предполагает зрелость гражданских ка-

честв личности ученого. Ведь экспертиза может быть эффективной только в случае полной ее независимости. Следовательно, от ученого требуются умения отстаивать свое мнение, сохранять свое лицо и достоинство, преодолевая возможное давление извне.

Социальное право на выполнение педагогами-теоретиками рассматриваемой функции может найти выражение и в форме требований ученых на проведение самой акции экспертизы в тех случаях, когда проведение сомнительных экспериментов, распространение заведомо слабых в концептуальном отношении инновационных проектов и т. п. несет с собой угрозу интеллектуальному здоровью подрастающего поколения, опасность моральных издержек всех субъектов образовательного процесса. Особенно это касается разрабатываемых стандартов образования, создаваемых учебников и учебных пособий как на федеральном, так на региональном и местном уровнях. Например, многие церковнослужители предлагают ввести в школы и вузы Закон Божий или богословие. Патриарх Алексий II предлагает ввести в государственные учебные учреждения курс теологии или основ православной культуры. Такие тенденции должны были бы получить определенную оценку в научно-педагогических кругах. Но вместо этого Министерство образования в последние годы своего существования в указанном статусе привлекло патриархию для экспертизы программ, проектов, учебной литературы. Между тем голос ученых-педагогов по поводу инновационных мероприятий подобного рода почти не слышен. Об их опасности предупреждают наши коллеги – философы образования: противоречивые позиции, внедряемые в современную российскую школу, когда сталкиваются идеи креационизма и учение об эволюции, ведут к неизбежным фрустрациям в головах школьников; из таких ситуаций не только ученик, но и родители не смогут найти выход.¹⁸ Но безынициативность научно-педагогического общества характеризует его не с лучшей стороны, снижает престиж педагогической науки. Отказавшись взять на себя ответственность за проектируемое будущее (ответственность перспективного типа), ученым-педагогам вряд ли удастся избежать ответственности за последствия описанной ситуации (ответственность ретроспективного типа). Невыгодность такой позиции для самих ученых очевидна.

¹⁶ Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 3–39.

¹⁷ Мазниченко М.А. Научное, мифологическое и обыденное в педагогической теории и практике // Вестник высшей школы. 2005. № 6. С. 19–25.

¹⁸ Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004. С. 32.

Необходимо добавить еще, что экспертная функция так же, как и прочие выделенные функции, не отделена жесткой гранью от остальных, но прежде всего – от функций защиты педагогического сознания от мифологизации и зондирования общественного мнения.

В заключение приведем некоторые выводы из изложенного. Во-первых, правомерно считать социальную ответственность педагогов одной из ценностей в российском общественном сознании и рассматривать ее как новое научное понятие в контексте науки об образовании – педагогики.

Во-вторых, специфика педагогического угла зрения на понятие ответственности состоит в том, что оно рассматривается с позиций социально-педагогической практики как характеристика профессионализма педагогов-практиков и педагогов-работников науки.

В-третьих, в качественном выполнении педагогами своих социальных функций незамени-

мую роль играют педагогическое образование и педагогическая наука как главный источник его содержания, профессиональный уровень педагогов-практиков и педагогов – научных работников.

В-четвертых, социальные функции педагогов связаны между собой и взаимосвязаны, но не тождественны. Выполнением одной функции поддерживаются и усиливаются другие.

В-пятых, социальные функции педагогов вариативны и зависят от социокультурных особенностей общества. Отсюда ясно, что в будущем возможно отмирание отдельных функций и появление взамен отживших новых.

Профессиональное выполнение педагогами – практическими и научными работниками – вменяемых им в обязанности социальных функций способствует формированию гражданского общества и гарантирует ответственное отношение к результатам собственной педагогической деятельности перед обществом нового типа.

МОДЕЛЬ И МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ ПРОФЕССИЙ

Т.А. Новикова

Новикова Татьяна Аркадьевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского и иностранных языков Омского государственного университета путей сообщения.

В статье актуализируется использование метода моделирования в гуманитарных науках. Отмечается способность методологии моделирования воздействовать на педагогическую практику. Автор отмечает значительный потенциал данного метода в развитии познавательной активности студента.

The method of modeling in the humanities and its ability to influence the pedagogical activity are revealed in the article. The author draws attention to the creativeness of the method in the process of developing cognitive abilities of the student.

Важнейшей методологической проблемой познания является проблема моделирования. В философии она представлена широким кругом отечественных и зарубежных ученых: Н.М. Амосовым, Б.А. Глинским, Б.С. Грязновым, Ю.И. Дегтярёвым, В.З. Демьянковым, Дж. Джонсом, Б.С. Дыниным, Л.Н. Карповым, А.Н. Кочергиным, К.Е. Морозовым, Я.Г. Неуйминым, Е.П. Никитиным, И.Б. Новиком, Р. Подольным, Б. Расселом, Л.И. Седовым, А.И. Уёмовым, И.Т. Фроловым, Н. Хагером, В.С. Швырёвым, В.А. Штоффом и др.

В 70-е годы появились работы Р. Акоффа, М.К. Буслова, Н.М. Мамедова, Дж. Кемени, Дж. Снелла, Р. Шэннона, Ф. Эмери,

Процесс познания рассматривается как особая разновидность одной из фундаментальных взаимосвязей в мире – процесса отражения.

«Познание есть двуединая теоретическая и практическая деятельность, включающая активное воздействие на внешний мир, оперирование не только мысленными образцами, но и материальными средствами, орудиями и формами отражения действительности».¹

Важнейшим шагом к пониманию «зависимости познания не только от его объекта, но и от мыслительных форм было положение о том, что познание не может толковаться как простое отражение действительности без учёта конструктивной работы самого мышления, создающего формы познавательного процесса. Этот тезис и по сей день составляет основу любой серьёзной методологии научного познания».²

Моделирование как метод научного анализа и обобщения в точных науках известен с 40-х гг. прошлого века. В последние годы решение многих проблем образования связывается с формированием новой объёмной организацией знаний. К числу «новых форм» относится и такой метод обучения, как моделирование содержания образования и способов его представления, и оперирование с ними.

Под моделированием в широком смысле слова понимается, во-первых, *мыслимая* или практически созданная *структура, воспроизводящая действительность* в упрощённой, схематизированной и наглядной форме; во-вторых, моделирование – это процесс описания научной педагогической деятельности, ограниченной фактами, наблюдениями, измерениями (Н.А. Уёмов).

В XX в. моделирование получило широкое распространение не только в области технических наук, но и в гуманитарных. Способность методологии моделирования воздействовать на педагогическую практику отмечали в своих работах Б.С. Гершунский, В.И. Загвязинский, В.В. Краевский и др. Значимыми для научного исследования являются такие типы функций модельной деятельности, как *выявления смысла* изучаемого предмета и его *взаимоотношений* с другими видами деятельности, а также вопросы рационализации учебной деятельности. Понятие «моделирование» в педагогической науке наполняется специфическим содержанием.

Для методического исследования важно положение, подчёркнутое В.И. Загвязинским в его работе «Опосредованное влияние методологии на практику»: «Моделирование характеризуется системным формированием двух пространств: *материального* (слова, словосочетания, текста),

¹ Штофф В. А. Моделирование и познание. Минск, 1974. С. 118.

² Блауберг И.В., Э.Г. Юдин. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 16.

т. е. реальных процессов создания, соотношения знаний, и *идеального* (схема), являющегося результатом отображения реального объекта, процесса, явления.³

Методическая наука, как и другие науки, использует моделирование как метод исследования педагогических явлений и как способ организации учебного процесса.⁴

Моделирование в любой области науки представляет собой мысленный эксперимент – некоторые мыслительные операции над изучаемым объектом. Исследуя мысленный эксперимент, В.А. Штофф характеризует его как проявление активной стороны познания в отличие от пассивности простого созерцания или представления.⁵

Моделируя многообразие связей и соотношений между объектами, явлениями действительности, студент проявляет активную сторону познания. При этом активность в этом случае выражается через призму потребностей обучаемого в его освоении изучаемого предмета. Эта мысль подчеркивается В.И. Загвязинским: «Сила методологии как раз в том и заключается, что она синтезирует диалектику, мировоззренческие и гносеологические подходы к конкретно-научным знаниям. Такая интеграция высвечивает ведущие проблемы, ключевые идеи, она позволяет осознать тенденции, уточнить и выбрать инструментарий поиска».⁶ В контексте нашего исследования ориентация моделирования на принципиальное внимание к становлению мировоззрения специалиста, является фактором человеческой деятельности, т. е. «*субъективной методологии*».

Моделирование в познании – это создание нового знания. Объекты познания и закономерности их развития существуют независимо от человека. В процессе познания объектов гносеологические образы возникают в сознании человека в качестве представлений, схем, фреймов. При этом образ не является простой копией объекта – это всегда обобщенная характеристика множества отдельных объектов, явлений. В результате получают отражение не только те известные его характеристики, но и то, что существует лишь как тенденция или

возможность его развития. Это позволяет говорить о моделировании как о существующем, так и о создании нового.

Сущность метода моделирования, являющегося мощным орудием познания сложных явлений реальной действительности, заключается в том, что строится некоторая последовательность абстрактных схем, которые должны явиться более или менее близкой аппроксимацией данных конкретной действительности.⁷

Раскрывая сущность моделирования, академик Л.И. Седов пишет: «Моделирование – это есть замена изучения интересующего нас понятия в природе изучением аналогичного явления на модели».⁸

Проецируя данное определение моделирования на педагогическую деятельность, мы имеем в виду ту *объективную действительность*, которая «обслуживает» учебно-образовательный процесс, то есть то, что студент изучает, преобразует в целях профессионального становления. Моделирование, в таком случае, является фактором «*объективной методологии*».

Основаниями процесса моделирования являются следующие логические этапы учебно-образовательного процесса:

– осознание субъектом потребности изменения существующего либо ожидаемого в будущем положения вещей в образовательном процессе и определение цели как желательного результата будущих действий;

– выбор объекта моделирования, оперируя которым можно достигнуть намеченной цели (как правило, при этом субъекту приходится рассматривать ряд альтернатив); уточнение и детализация цели с учётом известных свойств объекта и собственных возможностей субъекта, т. е. формирование задачи моделирования, подлежащей решению;

– выбор из множества известных (уже познанных) свойств и характеристик, присущих выбранному объекту, предположительно существенных для решаемой задачи и абстрагирование от прочих, предположительно несущественных;

– проверка соответствия объёма совокупности существенных свойств и характеристик объекта операциональным возможностям субъекта и в случае необходимости – дальнейшее ограничение

³ Загвязинский В.И. Опосредованное влияние методологии на практику // Сов. педагогика. 1990. № 3. С. 66.

⁴ Философский словарь. М., 1987. С. 28–31.

⁵ Штофф В.А. Гносеологические проблемы моделирования: дис. ... д-ра философ. Наук. Л., 1964. С. 319.

⁶ Загвязинский В.И. Опосредованное влияние методологии на практику // Сов. педагогика. 1990. № 3. С. 66.

⁷ Основные проблемы прикладной лингвистики. 1959. № 4. С. 18.

⁸ Седов Л.И. Методы подобия и размерности в механике. М., 1957. С. 53–54.

ние этой совокупности, обеспечивающее таким образом практическую возможность решения поставленной задачи;

– формирование конкретного идеального образа модели, предназначенного для решения данной задачи, и разработка плана практических действий, связанных с этим идеальным образом;

– практическая реализация плана (построение модели), обеспечивающая решение задачи и достижение поставленных целей; корректировка в соответствии с получаемыми при этом новыми данными решений, принятых на предыдущих этапах, с целью достижения посредством последовательных приближений (итераций) наилучших в том или ином смысле конечных результатов.

Таким образом, процесс моделирования (совокупность технологических действий и операций) структурирован, организован и состоит из последовательных этапов. Этапы отличаются конкретными целями, средствами и качеством содержания деятельности – от эмпирической системности человеческой практики к системному мышлению (осознанию системности мира и модельности мышления), к системной методологии как «материальной силы» повышения уровня человеческой практики. В итоге моделирование как обобщение и развитие научных знаний носит всеобщий характер. Их применение к рассмотрению конкретных ситуаций означает переход к суженому множеству систем, учёт его особенностей в проявлении общих закономерностей. В целом моделирование является неразделимым сочетанием, сплавом науки и человеческой деятельности.

Моделирование как метод познания напрямую связан со стилем мышления, с умением видеть предмет изучения в связях и отношениях как на горизонтальном, так и на вертикальном уровнях. При комплексном рассмотрении *объекта* изучения эта проблема адекватного взаимодействия подходов различных наук к исследованию соответствующего объекта, координации и синтеза знаний. Интеграция знаний при этом, с точки зрения Н.М. Мамедова и И.Б. Новика, реализуется в форме «двухмерного синтеза», одна составляющая которого – горизонтальный синтез, вторая составляющая – вертикальный синтез.

Осознание объективной системности любой деятельности, направленное на достижение определенной цели, осуществляется в процессе построения, использования и совершенствования моделей такой деятельности. В современном понимании с термином «модель» связан практиче-

ски необозримый круг материальных и идеальных объектов – от образцов одежды и обуви до дифференциальных уравнений и вычислительных алгоритмов.

Общепринятым определением модели является некий *объект-заместитель*, который в определенных условиях может заменять объект-оригинал, воспроизводя интересующие нас свойства и характеристики оригинала, причем имеющий существенные преимущества удобства: наглядность, обозримость в пространстве и времени, доступность эксперимента, легкость оперирования с ним и пр.

В многочисленных исследованиях и публикациях различные авторы предлагают разные, нередко противоречивые друг другу определения модели, по-разному оценивают гносеологический статус моделей в процессах познания объективной реальности, их роль в формировании научного знания вообще и научных теорий в частности.

Ряд ученых определяют модель как *способ существования знаний* (Я.Г. Неуймин, Дж. Джонс; Ф.И. Перегудов и др.) Такое определение содержит широкое толкование модели. Понятие становится применимым ко всему, и следовательно, оказывается размытым.

Модели – это *специальные системы* (Л.А. Растрингин «Кибернетика и познание»; А. Розенблют и А. Винер «Роль моделей в науке»; Р. Шэннон «Имитационное моделирование систем – искусство и наука»). Такие модели характеризуются разной степенью формализации. Разная языковая среда также обуславливает определение модели. Отсюда следуют философские, математические, лингвистические, педагогические определения модели: «воспроизведение свойств исследуемого объекта на специально построенном по определённым правилам аналоге его. Этот аналог называется моделью» (Философский словарь); «схема или образец какой-либо языковой единицы, показывающие последовательное расположение составляющих её частей» (Словарь-справочник лингвистических терминов); «модель – форма усвоения знаний: учащиеся, усваивая общие признаки явления, формируют в своём сознании его модель, с которой впоследствии сравнивают новые явления» (Словарь-справочник по методике русского языка). Модель успешно выполняет свою роль тогда, когда степень её соответствия объекту определена достаточно строго. Между моделью и объектом должно существовать некое подобие. Такое подобие заключается:

а) в сходстве физических характеристик модели и объекта; б) в сходстве их функций.

В идеале всякая модель должна быть формальной (т. е. в ней должны быть в явном виде и однозначно заданы исходные объекты, связывающие их отношения и правила обращения с ними) и обладать объяснительной силой (т. е. не только объяснять факты или данные экспериментов, необъяснимые с точки зрения уже существующей теории, но и предсказывать неизвестное раньше, хотя и принципиально возможное поведение оригинала, которое позднее должно подтверждаться данными наблюдения или новых экспериментов».⁹

В связи с языковым аспектом изучения объекта-оригинала в настоящем исследовании принято определение модели, данное в Лингвистическом словаре.

«Модель – искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощённом виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала) в лингвистических целях».¹⁰

Лингвистическое моделирование предполагает использование абстракции и идеализации. Отобразив «релевантные», существенные (с точки зрения исследователя) свойства оригинала отвлекаясь от несущественных, модель выступает как некоторый абстрактный идеализированный объект.

Всякая модель строится на основе гипотезы о возможном устройстве оригинала и представляет собой его функциональный анализ, что позволяет переносить знания с модели на оригинал.

Модель строится следующим образом. Из всего многообразия понятий, накопленных данной наукой, отбираются некоторые, которые удобно считать первичными. Фиксируются некоторые отношения между этими первичными понятиями, которые принимаются за постулаты. Все остальные утверждения выводятся строго дедуктивно в терминах. Модель в этом смысле не есть часть языка как системы, а представляет собой некоторое гипотетическое научное построение, некоторый конструкт.¹¹ Критерием

адекватности модели служит практический эксперимент.

Основными признаками модели являются цель, структурированность, системность, когерентность.

Важнейшим организующим элементом модели является цель – образ желаемого, т. е. модель состояния, на реализацию которого и направлена деятельность. Модель соответственно не просто заменить оригинала, не вообще какое-либо отображение, а целевое отображение. Из того, что модель является целевым отображением, следует свойство множественности моделей одного и того же объекта.

Существенным исходным признаком модели является разделение целостности множества элементов на подмножества (дискретные единицы). Любая лингвистическая модель носит дискретный характер. В качестве исходного рассматривается понятие некоторого элемента. В нашем случае – это словоформа термина как синтаксическая единица, в терминологии Г.А. Золотовой – синтаксема. Важнейшим признаком синтаксемы является её вхождение в более сложную речевую единицу – фразу. Большинство моделей строится так, чтобы, основываясь на исходном разделении, получить некоторое разделение на непересекающиеся классы.

Одним из ведущих признаков модели является системность. Характеристика системности модели связана с общенаучным понятием «системы», обозначающим совокупность некоторого числа взаимосвязанных элементов, которые объединены друг с другом как формально, так и функционально.

«Система есть конечное множество функциональных элементов и отношений между ними, выделяемое из среды в соответствии с определённой целью».¹²

Признак системности определяется степенью познания: чем большее число признаков и связей изучаемого объекта знает познающий, тем большая степень системности его знаний.

Важнейшим признаком модели является свойство согласованности с культурной средой (когерентность). Это означает внутреннюю связанность объекта с самой предметной областью. Для формирования терминосистемы такой признак является ведущим, так как термин отображает существенный признак понятия о модели-

⁹ Языкознание. Большой лингвистический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцев. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 304.

¹⁰ Там же. С. 305.

¹¹ Шаумян С.К. Операционные определения и их применение в фонологии // Применение логики в науке и технике. М., 1960. С. 150–151.

¹² Основы системного подхода и их приложение к разработке территориальных автоматизированных систем управления. Томск, 1976. С. 13–14.

руемом объекте. Особый аспект согласованности модели со средой представляется в её операционности, т. е. реализации самого процесса моделирования.

Таким образом, модель – многомерное отношение. Это означает, что понятие модели относится не просто к объекту, оно включает субъекта, организующего моделирование, задачу, ради которой проводится моделирование, средства, из которых создается модель, и среду, в которой модель функционирует.

В зависимости от средств, какими производится моделирование, от способа построения моделей, они делятся на материальные (реальные, вещественные) и идеальные (абстрактные).

К первому классу относятся всевозможные модели, которые хотя и созданы, построены человеком, но существуют объективно, будучи воплощены в металле, дереве, стекле, электрических элементах и других материальных предметах.

Наряду с материальными в XIX в. интенсивно развивались абстрактные, идеальные модели.

Общая теория познания объясняет абстракцию как мысленное отвлечение каких-то сторон, свойств, отношений, присущих объекту действительности. Абстракция подразделяется на следующие виды: отождествления, аналитики, упрощения, идеализации и потенциальной осуществимости. В моделировании абстрагирование связано с соотношением модельного отражения и творчества в познании как соотношение идеального отражения с его реализацией в практических действиях человека. Идеальное – это особое свойство сознания, проявляющееся в отношении психического к внешнему миру. Материальное – объективная основа и источник знаний. Данность познания выступает как доступное наблюдению, а идеальное – как опосредованное познание.

Идеальные модели воспроизводят те же самые явления, что и материальные, существуя лишь в голове познающего субъекта, и, несмотря на то, что они могут быть выражены и, как правило, выражаются в рисунках, чертежах или знаках, т. е. явлениях материальных, тем не менее, они работают только благодаря мысленным операциям, которые над ними совершает этот субъект в процессе их конструирования, преобразования или моделирования.

«Хотя операции, которые совершаются в голове при построении мысленных моделей, и подчиняются определённым правилам и требованиям, основанным на знании объективных за-

конов природы, тем не менее эти операции протекают только в сознании и являются выражением работы человеческой мысли, воображения, памяти и т. п.»¹³

Таким образом, оперирование мысленными моделями представляет собой элемент теоретической (умственной) деятельности, складывающейся как из логического мышления, так и из процессов творческого воображения.

Следовательно, модель как абстракция особого рода представляет собой определённый познавательный процесс и как результат этого процесса.

Абстрактная модель – идеальная конструкция, построенная средствами мышления, сознания. Верхний уровень занимает концептуальная модель, репрезентирующая систему представлений об объекте–оригинале, сложившуюся в сознании человека. Исходным материалом при формировании такой модели являются не только непосредственные результаты отражения в сознании свойств и характеристик объекта–оригинала, но и теоретический багаж субъекта, опыт, аналогии, логические выводы, интуиция. Однако «синтез всех компонентов в единый идеальный образ неформален, осуществляется только в мыслительных процессах и, как правило, рефлексивно не осознаётся. Обязательным компонентом концептуальной модели является язык или точнее, языки – естественный и специальные, которые представляют собой единственное средство выражения понятий и представлений субъекта».¹⁴ Следовательно, ментальная организация знаний имеет модельный характер, т. е. различные системы и подсистемы знаний взаимодействуют определённым образом. При этом система языка и понятий являются такими ментальными системами, когда репрезентация модели осуществляется средствами естественного языка, а представление понятийной системы – концептуальными ситуациями.

Очевидно, что языковые конструкции относятся к абстрактным моделям, очевиден и тот факт, что модель, построенная средствами естественного языка, является своего рода конечной моделью мышления. Слово, предложение, текст позволяют моделировать понятия, отношения, определения с многовариантностью их возможных соединений и иерархического построения.

¹³ Штофф В.А. Гносеологические проблемы моделирования: дис. ... д-ра философ. наук, Л., 1964. С. 80–81.

¹⁴ Неуймин Я. Г. Модели в науке и технике. История, теория, практика / под редакцией Н.С. Соломенко. Л., 1984. С. 64.

Тем самым неотъемлемым свойством языковых моделей оказывается их приблизительность. Расплывчатость моделей преодолевается с помощью понимания, интерпретации.

Интерпретация – приписывание значения какой-либо анализируемой последовательности; операции интерпретации – правила и процедуры установления этого значения, т. е. установка на некий искомый смысл. В практике обучения нами используется перифраза термина – «интерпретация поясняет то, что требуется понять». Интерпретация терминов сводится к пониманию, а понимание – к узнаванию путём соотнесения термина с другими терминами или словами, с которыми этот термин ассоциируется. Например, термин «резистор» возможно истолковать как «регулятор электрического тока и напряжения» или «номинальное сопротивление электрическому току».

Для нашего исследования важно различать понятия модель как некоторый абстрактный объект, не зависящий от природы элементов, и её лингвистическую интерпретацию. Взаимоотношения между моделью и её интерпретациями (одну и ту же модель можно объяснить по-разному) сложны и многообразны. Модель – абстрактная конструкция, интерпретация – подстановка определённого. Применительно к нашему исследованию это означает подстановку терминов в конкретных ситуациях формирования связного высказывания. Лингвистическая интерпретация модели объекта чрезвычайно важна для выяснения условий более точного и полного описания оригинала, т. е. повышения познавательной ценности модели.

В *материальных* моделях между оригиналом и моделью должно быть установлено отношение *похожести, подобия*. Существуют разные способы установления такого подобия. Известными моделями сходства являются модели самолётов, кораблей, гидротехнических сооружений. В отличие от моделей *прямого подобия* существуют модели *косвенного подобия*. К такому типу моделей относятся объективно существующие в природе, которые обнаруживаются и используются в практике реального моделирования. Наиболее известным примером такой модели является электромеханическая аналогия. Закономерность электрических и механических процессов описывается одинаковыми уравнениями. Различие состоит лишь в разной физической интерпретации переменных, входящих в эти уравнения. Или часы – аналог времени, автопилот – аналог летчика и т. д.

Наряду с моделями прямого и косвенного подобия, выделяются модели, подобие которых оригиналу является *условным* и устанавливается в результате соглашения. Примерами условного подобия служат деньги (модель стоимости), рабочие чертежи (модели будущей продукции), географические карты (модели местности) и т. д.

Модели имеют знаковую природу отражения. Модели терминов и терминосистем в целом являются в силу их знаковости моделями *условного подобия*.

Знак (в самом общем смысле) – это объект, который представляет и замещает другой объект, не соответствуя ему в точности. По своему содержанию познание – это создание и сохранение знаковых систем. Изображения, слова, формулы и т. п. фиксируют наши знания об окружающей действительности, выделяя и схватывая её стороны и аспекты, но не являясь её точными копиями.

В зависимости от степени формального подобия объекту выделяют три типа знаков: образ, содержащий основные черты объекта; индекс, сохраняющий лишь самые общие черты; и символ, выражающий значимое содержание объекта принципиально иными внешними средствами. На первый взгляд, может показаться, что наибольшей познавательной ценностью обладают наиболее близкие к отражаемому объекту знаки, воспроизводящие его во всех подробностях. Но в познании действует иная закономерность: адекватнее оказывается не прямое, а опосредованное отражение. Непосредственно данные нам, наблюдающиеся в текущем опыте явления – внешние стороны объектов. Более важно понять сущность – внутренний закон, определяющий функционирование и связи этого объекта. «Дать как можно более точное внешнее описание объекта – ещё не значит, действительно, его понять. Чтобы проникнуть в сущность, надо отойти от непосредственной данности, использовать имеющиеся у нас познавательные средства, умения, навыки (они и будут «посредниками» между нами и объектом, потому говорят об опосредованном отражении)».¹⁵

Таким образом, выходит, что с повышением уровня отражения уменьшается формальное сходство объекта и его образа.

Терминология как семиотическая система определяется тремя группами отношений: *синтаксис* – (греч. «построение, порядок»), т. е. от-

¹⁵ Мартишина Н.И. Введение в гносеологию. Омск: Изд-во ОмГТУ, 1997. С. 11.

ношения между различными знаками, позволяющие отличать их и строить из них знаковые конструкции всё более высокой сложности; *семантика* (греч. «обозначение»), т. е. отношения между знаками и тем, что они обозначают, или вложенный, изначальный смысл знаков; *прагматика* (греч. «дело, действие»), т. е. отношения между знаками и теми, кто их использует в своей деятельности, или *понятый, воспринятый смысл знаков*.

Следовательно, знаковая модель – это реальная модель, имеющая абстрактное содержание, представленное в словесных (вербальных), графических и лексико-графических наглядных образах.

Наглядный образ выполняет семантическую функцию обозначения предмета и отношения его с другими предметами. Наглядность предопределена принципом рационального осмысления объекта изучения. Понимание научного знания в форме модели представляет собой языковую интерпретацию содержания изучаемого объекта, соответственно наглядность как гносеологическое свойство модели является опосредованной. В связи с этим различают два вида представлений моделируемого объекта: а) на основе памяти (семантическая функция) – это результат сложной переработки прошлых впечатлений, обобщений и отвлечений; б) на основе воображения (способ отображения) как результат генерализации образов схем, символов.

Аргументами в пользу необходимости наглядной формы в научном познании, на что в свое время обратил внимание В.А. Штофф, являются следующие положения: а) чувственная (наглядная) сторона в моделях тесно связана с *теоретической стороной мышления*; б) наглядность моделей закреплена *принципами, правилами и условиями их построения*.

Так, «вербальная модель – описание свойств и характеристик оригинала на некотором естественном языке – допускает известный произвол в выборе словаря, структуры, логики изложения, меры избыточности и т.п., но вместе с тем подчинена семантическим и синтаксическим нормам используемого языка».¹⁶

Естественный язык является универсальным средством построения абстрактных моделей. Однако многозначность слова, многовариантность возможных сочетаний слов позволяет любую ситуацию отобразить достаточно точно и в

то же время приблизительно. Приблизительность – неотъемлемое свойство языковых моделей. В практике обучения моделированию общетехнической терминосистемы объективная неоднозначность, расплывчатость в силу многозначности или неопределённости слов» преодолевается с помощью «понимания», «интерпретации». Постоянной основой «понимания» оказывается, например, выработка «профессионального» языка людьми, связанными общей деятельностью. В профессиональных моделях определённость и точность языковой модели обеспечивается специальной терминологической системой языка.

Графические модели представляют черты, свойства и характеристики оригинала средствами схем, формул, графиков, диаграмм и т. п., представляющие, объединяющие и обобщающие данные наблюдений и экспериментальных исследований (измеренные инструментальными методами функциональные зависимости между величинами, графики изменения состояний и т. п.) Компонентами условных графических моделей являются как объекты и величины реальные, но, недоступные непосредственному восприятию (например, *магнитная индукция, предел прочности, заземление и т.п.*), так и искусственные, смоделированные теоретическим путём, но определяемые на основе косвенных измерений величины типа характеристик термодинамического состояния: *энтропии и энтальпии*.

Графические модели остаются мысленными, идеальными даже в том случае, если они воплощены в какой-нибудь материальной форме, в виде рисунка, чертежа, схемы или просто системы знаков. При этом они сохраняют определенную семантику и подчиняются логическим, математическим, физическим и другим специфическим правилам и законам. Без этого «такие рисунки, чертежи, системы знаков и другие конструкции лишаются смысла и вообще значения моделей как образов действительности».¹⁷

Лексико-графические модели обеспечивают поиск необходимой информации от смыслов к лексемам, дают возможность студентам освоить специальные понятийные системы технических дисциплин, служат профессиональному решению многих вопросов организации знаний.

Различные типы языкового знания (семантическая, синтаксическая, лексическая и прагматическая) образуют модели, которые передают формальную различительность моделируемых объек-

¹⁶ Неуймин Я.Г. Модели в науке и технике. История, теория, практика / под редакцией Н.С. Соломенко. Л.: 1984. С. 65.

¹⁷ Штофф В.А. Гносеологические проблемы моделирования: дис. ... д-ра философ. наук, Л., 1964. С. 26.

тов, чёткое разграничение типов моделей, возможность подсистем, простоту модели, внешнюю автономность модели.

Различаются модели *репрезентационные* на самых различных стадиях модельной деятельности, как образцы и возможные варианты решения проблем взаимодействия терминов и *процессуальные* модели – модели этапов обработки информации о терминах. Такие модели иначе называются *операциональными*, основной задачей которых является упорядочивание потока информации. Конструирование операциональных моделей связано с процессом отделения сходных терминов от несходных. Особенно часто в операциональных моделях используют традицию изображения отношений между концептами, терминами в виде графа. Представление о концептуальных графах издавна развивается как семантическая репрезентация средствами естественного языка.

Самая ранняя разновидность графа, названная «экзистенциальным графом», была изобретена Ч.С. Пирсом. Взамен линейного построения схемы в такой модели используется система зависимостей. Графы в виде «концептуальной зависимости», «древовидной формы», «матричной» и «сетевой» стали одним из самых распространенных способов представления знаний. При этом названия графических моделей в естественном языке имеют синонимы: фрейм, скрипт, сценарий.

Фрейм – организация представлений, хранящихся в памяти человека, а также процессов обработки информации и логических выводов. Фрейм используется в основном для представления стереотипных ситуаций при большом объёме элементов моделей, связей и отношений.

В данном исследовании понятие «фрейм» рассматривается как родовое обозначение понятий типа «схема», «когнитивная модель», как система категорий, структурированных в соответствии с контекстом (с научным текстом). В определённых условиях – в условиях продвинутого этапа обучения – фрейм используется в нашей работе как единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия (термина). Формально фрейм представляется в виде структуры узлов и отношений. Вершинным уровнем фиксируются исходные термины (понятия), ниже – терминальные узлы, или *слоты*. Каждый терминальный узел может указывать на условия, в которых они употребляются.

Схемы понятий, или терминов, соединены в систему, придающую связность учебному материалу того или иного аспекта, тем самым познавательная деятельность студента ориентирована на формирование навыков терминологической

культуры. В свою очередь такая деятельность является социально-культурным условием образовательного процесса.

Скрипт – один из типов фрейма, описывающего стереотипные ситуации употребления терминов. Они характеризуются автоматичностью, отвлечением от второстепенных мысленных операций. Это могут быть умозаключения, аксиомы. Назначение скриптов связано с активизацией памяти обучаемых.

Сценарий – разновидность структуры сознания, вырабатываемой в результате интерпретации текста. Обычно это тематические фреймы. Такой фрейм содержит разные направления описания объекта изучения, соответственно фокус внимания в таких фреймах, как правило, меняется и связан с выделением ключевых слов текста, или языковых единиц определенной лексико-тематической группы.

Условиями успешного функционирования названных выше моделей являются: а) механизм индукции и дедукции; б) механизм понятийного связывания терминов; в) механизм контроля за совершаемыми процессами.

При конструировании процесса обучения определённой терминосистеме по инновационной методике его модель развивается от построения абстрактной модели к созданию имитационной реальной модели, от неё – к её исследованию и обработке и, наконец, – к интерпретации результатов.

Таким образом, модель когнитивной деятельности позволяет в определённой мере наблюдать за когнитивными процессами, за их ролью и местом в учебной деятельности студентов, связанной с овладением терминологий своей будущей профессии.

Модель и её отдельные компоненты в виде модулей позволяют сделать процесс обучения терминологии обзримым. Модель позволяет в определённой мере влиять на процесс переработки семантической информации, влиять на процесс усвоения объёма материала. Кроме того, с помощью данных моделей можно осуществлять управление всей познавательной деятельностью студентов в целом, а также процессом целого овладения русским языком.

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У РУССКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Е.Л. Лукьянова

Лукьянова Елена Леонидовна – старший преподаватель кафедры специальной и дошкольной педагогики и психологии Благовещенского государственного педагогического университета.

В статье изложены основные результаты исследования этнической составляющей механизмов психологической защиты, полученные на сопоставительном анализе специфических особенностей двух разных этносов (русского и китайского). Апелляция автора к защитным механизмам, функционирующим на стыке сознательного и бессознательного психического, позволяет увидеть не только внешние поведенческие феномены, а глубинные императивы формирования личностных качеств.

The article is about the results of research the ethnical composite of the mechanism of psychological protection. This results got on the compare of analyses of particular's specific the two difficult ethnos (Russian and Chinese). The author's appeal to mechanism of protection, that function on the joint of mental's conscious and unconscious. Can show not only outward of phenomenon's behavior, and depths imperative of the form the personals qualities.

Феномен психологической защиты по-прежнему остается теоретически мало интерпретированным и достаточно «неразведанным» эмпирическим полем. Накопление фактов в этой области, осуществляемое на основе различных методологических подходов, рассмотрение их в рамках определенного и достаточно строго очерченного поля бесспорно продуктивно. Появление термина «психологическая защита» связано с именем З. Фрейда. Первое развернутое определение механизмов защиты было дано А. Фрейд, которая рассматривала защитные механизмы как деятельность Я, начинающуюся тогда, когда Я подвержено чрезмерной активности побуждений или соответствующих им аффектов, представляющих для него опасность¹. В дальнейшем идея психологической защиты выходит за рамки исключительно психоаналитической теории и находит свое отражение в различных направлениях психологии.

В основном изучение действия механизмов защиты шло без учета национальных проявлений. Работы А.А. Налчаджяна, С.В. Лурье и др. показывают необходимость рассмотрения вопросов, связанных с психологической защитой этноса. Интерес к особенностям китайского народа обусловлен рядом причин: во-первых, географическим положением, во-вторых, китайский этнос является доминирующим этносом в мире и по численности населения, и по уверенным позициям, которые он занимает в мировой экономике, в-третьих, психологический аспект исследования особенностей китайского этноса в современной науке изучен недостаточно.

Основным предположением нашего исследования было то, что у каждого исследуемого этноса существует свой набор защитных механизмов, отражающий особенности народа. Для проверки предположения использованы тест-опросник LIFE STYLE INDEX, разработанный Р. Плутчиком в соавторстве с Г. Келлерманом и Х.Р. Контом, адаптированный Е.С. Романовой, методика С. Розенцвейга, адаптированная Н.В. Тарабриной, тест локуса контроля Дж. Роттера (модификация Н.Н. Обозова), проективные методики «Автопортрет», «Моя семья», сочинение «Мои проблемы», метод «естественных категорий» Б.А. Еремеева. Выборку составили выпускники университетов г. Хэйхе, г. Благовещенска, всего 139 респондентов.

По результатам теста-опросника выявлено, что наиболее часто используемым, доминирующим у всех обследуемых является механизм проекция, самые низкие показатели по использованию механизма замещения. В остальном у представителей каждой этнической группы свой набор защитных механизмов. У русских выпускников последовательность защитных механизмов следующая: проекция (8,89 при $p < 0,001$); интеллектуализация (8,62 при $p < 0,001$); отрицание (7,93 при $p < 0,001$); компенсация (5,15); реактивные образования (4,44 при $p < 0,001$); регрессия (4,23 при $p < 0,001$); вытеснение (4,2 при $p < 0,01$); замещение (1,93 при $p < 0,001$); у китайских – проекция (6,21 при $p < 0,01$); реактивные образования (5,92 при $p < 0,001$); вытеснение (5,88 при $p < 0,05$); отрицание (4,05 при $p < 0,001$); компенсация (4,01 при $p < 0,001$); интеллектуализация (3,34 при $p < 0,001$); регрессия (2,81 при $p < 0,001$); замещение (2,11 при $p < 0,001$).

Интересным, на наш взгляд, представляется

¹ Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы: пер. с англ. М.: Педагогика, 1993. 144 с.

факт, что у представителей разных этнических групп, наиболее часто используемым защитным механизмом является проекция, а наименее – замещение. Возможно, это объясняется сходной для представителей обеих этнических групп ситуацией на момент обследования: все они являются выпускниками вузов. Но существенным отличием является то, что у русских выпускников показатели использования проекции сверхнормативные, а у китайских – ниже нормативных. Учитывая, что с помощью проекции происходит неосознаваемое отвержение собственных эмоционально неприемлемых мыслей, установок, желаний и приписывание их другим людям, можно предположить, что, находясь в ситуации окончания учебы в вузе, студенты понимают, что их дальнейшая жизнь будет отличаться от той, в которой они были студентами, и они неосознанно начинают приписывать окружающим людям, экономической обстановке в обществе, те негативные моменты, которые будут являться рациональной основой для принятия себя в будущей ситуации. Дело в том, что выпускникам гуманитарных факультетов обеих стран не так-то просто найти работу по специальности, которая смогла бы им обеспечить достойную в материальном отношении жизнь.

Скорее всего, русскими выпускниками окружающая жизнь на неосознаваемом уровне воспринимается как угрожающая среда, а это оправдывает их собственную критичность и чрезмерное неприятие окружения, что и формирует рассуждения по типу: «виновата жизнь, что так получается»; у китайцев же смысл проецирования сводится к рассуждениям типа «сразу много всего не бывает», привычной китайской формуле «все начинают с малого». Так как проекция является следствием работы вытеснения, то те надежды, которые были при поступлении в вуз и сохранялись в течение первых лет обучения, были в процессе дальнейшей учебы подавлены, но не переставали оказывать своего действия. Согласно психоаналитическому объяснению этого факта цензуре Сверх-Я приходится расходовать большой объем энергии на подавление этих надежд, на удержание их в структуре Оно и Сверх-Я необходимо экономить силы, направляя их от желаний своего носителя на желания и действия окружающих людей. Проекция упрощает поведение, исключает необходимость в повседневной жизни оценивать свои поступки, следовательно, бессознательный перенос выпускниками неприемлемых собственных чувств, желаний и стремлений на других, способствует перекладыванию

ответственности за то, что происходит внутри Я, на окружающий мир. Перекладывание ответственности, особенно типично для русского народа, этим действием снимается внутреннее напряжение, т. е. происходит «освобождение» себя собственного от травмирующей ситуации за счет переноса ответственности на других людей, либо на обстоятельства. Действуя на уровне неосознаваемой установки, этот защитный механизм освобождает выпускников от тревоги, чувства вины, ответственности и соответственно приносит облегчение, т. е. цель психологической защиты на какой-то промежуток времени достигнута.

У русских студентов доминирование этого защитного механизма и превышение его нормативного показателя может характеризовать наличие такой национальной особенности, как безответственность, так как перекладывание или проецирование ответственности на другое лицо способствует формированию сниженного уровня собственной критичности, желания уходить от конструктивного разрешения собственных проблем, чаще «плыть по течению», обвиняя то людей, то обстоятельства в сложившейся ситуации.

У китайских выпускников проекция характеризует такую национальную особенность, как национальное тщеславие, т. е. они проецируют все свои «хорошие» качества, так как живут в «хорошем государстве», а в этом были еще убеждены, по мнению А. Столповской², жители «Срединного государства».

Вторым по частоте использования у русских выпускников является механизм интеллектуализация, у китайских выпускников он стоит на шестом месте (из восьми), т. е. не является популярным. Следовательно, у русских выпускников неосознаваемый контроль над эмоциями и импульсами обнаруживает выраженную зависимость любой ситуации от ее рациональной интерпретации и еще раз подчеркивает особую значимость сложившейся ситуации – окончание вуза. Скорее всего, достаточно частое использование этого механизма русскими выпускниками обусловлена боязнью ошибок, разочарования и даже «сглаза». Многие выпускники в действительности становятся достаточно суеверными, у них появляется дополнительная атрибутика, такая как амулеты, иконки, тотемы, ладанки, они «боятся» рассказывать о своих истинных планах, часто используют элементы ритуального общения и т. п. Действие этого механизма позволяет

² Столповская А. Очерк истории культуры китайского народа. М.: Типография К.Т. Щепкина, 1871. 475 с.

доказать себе и окружающим свою информированность, компетентность, способность контролировать ситуацию, совершать необходимые действия, соответствующие возрасту и адекватные ситуации, поэтому они часто своим действиям, поступкам, желаниям дают разумные с их точки зрения объяснения.

Редкое проявление этого механизма у китайцев обусловлено, скорее всего, тем, что, живя по определенным законам, китайцы не проникают в глубь событий или вещей, путем ее как бы отстраненного обсуждения в абстрактных, интеллектуализированных терминах, а стараются действовать по предписанным правилам. В основном китайский народ не суеверен, мало (особенно молодежь) религиозен, основная задача их жизни – подчиняться тем законам и правилам, которые уже существуют в обществе. Скорее всего, это и объясняет тот факт, что ни в одной стране мира не было такого почитания «законов старины» или поклонения предкам. Кроме того, непопулярность этого способа защиты у данных представителей может объясняться тем, что с помощью интеллектуализации осуществляется своеобразная попытка уйти из эмоционально угрожающей ситуации, китайцы же по своей природе больше живут разумом, чем чувствами. Чувства конфуцианской теоретической мыслью рассматривались как вторичные по отношению к изначальной природе человеческого существа. Поэтому эмоциональное оценивание, даже сугубо положительное, воспринимается в Китае еще со времен конфуцианских идеологов в качестве идущих от низших, животных инстинктов человеческого существа и подлежит полному подавлению. В проявлении этого механизма защиты у русских выпускников можно наблюдать такие национальные особенности, как эмоциональность, общительность. У китайцев – эмоциональную сдержанность, практицизм.

На третьем месте у русских и четвертом месте у китайцев, т. е. практически равнозначно, стоит механизм отрицание. Но у русских показатель по данному механизму выше стандартного значения, а у китайских – ниже. Популярность такого способа как отрицание, выражающегося в недостаточном осознании определенных трудностей, переживаний, обстоятельств и т.п., возможно, отражается в проявлении таких национальных особенностей русских, как максимализм, храбрость, бесстрашие, а для китайцев именно эти качества, а также ловкость, сила,

смелость имеют мало цены.³

На четвертом месте у русских и пятом – у китайцев стоит механизм компенсации. Этот механизм противоположно предыдущему определяется как самый поздний и когнитивно сложный защитный механизм. Компенсация чаще появляется тогда, когда есть некая фиксация на очень узком и почти не меняемом классе объектов. В нашем случае это может быть окончание вуза. Возможно, некоторые студенты оказались психологически не подготовленными к данному этапу жизни, поэтому использовали механизм по типу компенсации, чтобы тем самым дать выход накопившейся положительной энергии, связанной с переживанием по поводу их дальнейшей жизни. Это также частично объясняет факт повышения успеваемости на последнем курсе обучения, так как благодаря действию этого механизма возникает желание добиваться высоких результатов, стремиться к оригинальности, совершенствовать себя. Причем эти явления свойственны как русским, так и китайским выпускникам. У русских выпускников часто расхожей фразой, подтверждающей действие этого механизма, является: «Лучше иметь красное лицо и синий диплом, чем красный диплом и синее лицо».

На пятом месте у русских обследуемых и на втором месте у китайских – стоит такой механизм как реактивные образования. Несмотря на то, что реактивные образования маскируют части личности, именно этот механизм большинством авторов признается как пример успешной защиты, так как устанавливает психические преграды – отвращение, стыд, мораль. Поэтому не случайно именно реактивные образования занимают у китайских выпускников одно из доминирующих положений в наборе защитных механизмов и превышают нормативный показатель, так как развитие этого защитного механизма связывается с окончательным усвоением индивидом «высших социальных ценностей»⁴. Для китайцев свойственна жизнь по предписанным социумом правилам, поэтому даже на бессознательном уровне это выражено достаточно четко. Результатом работы данного защитного механизма у китайцев являются и такие поведенческие реакции, как негативное отношение к «неприличным» разговорам, шуткам, фильмам эротического содержания, подчеркнутое стремление соот-

³ Столповская А. Очерк истории культуры китайского народа. М.: Типография К.Т. Щепкина, 1871. 475 с.

⁴ Романова Е.С. Графические методы в практической психологии. СПб.: Речь, 2001. С. 116.

ветствовать общепринятым стандартам поведения, вежливость, любезность. У русских же выпускников данный механизм не является столь популярным и находится ниже нормативного показателя, так как не всегда они стремятся жить по правилам, а наоборот, «запретный плод» становится объектом пристального интереса, большинство часто надеется на «авось», чудо, «счастливым билет» и т. д.

Высокий процент использования китайскими обследуемыми реактивных образований, вероятно, имеет функцию фиксации положительного самоотношения путем выгодного сравнения себя с другими, что также типично для китайского народа. Китайцы любят подчеркивать, что они не обладают теми недостатками, которые имеют другие, даже их знакомые. Причем, как показали наши наблюдения, совершенно не обязательным будет факт открытого указания на недостатки другому, китаец доволен уже и тем, что сумел сам для себя это отметить.

На шестом месте по мере использования у русских выпускников и седьмом у китайский студентов выявлен механизм регрессия. Этот способ смягчения тревоги путем возврата к более раннему периоду жизни, более безопасному и более приятному не является часто используемым у представителей двух этнических групп. Возможно, возвращение к более онтогенетически ранним типам поведения в данной экзотической ситуации, не приносит эффективного результата, и этот механизм используется лишь единицами обследуемых. Действие этого механизма проявляется у тех выпускников, которые имеют инфантильную установку на зависимое поведение, получение помощи и поддержки извне, сформированную родителями.

На седьмом месте у русских выпускников и на третьем у китайских выпускников выявлен механизм вытеснение. В данной ситуации у обследуемых при вытеснении защита проявляется в блокировании неприятной, нежелательной информации, которая осуществляется при переводе из воспринимающей системы в память, либо при выводе ее из памяти в сознание. В этом случае вытеснение выступает как форма переживания несоответствия своих ожиданий и действительности. Вытеснение вступает в действие всегда, когда тенденция нежелательного действия достигает определенной силы. Посредством действия этого механизма выпускникам удается подавить именно ту информацию, которая наиболее травматична для сложившейся ситуации. Так как условием вытеснения обычно выступает резуль-

тат сравнения новой информации с идеалом Я, происходит конфликт, в результате которого снимают напряжение и разрешают возникший конфликт. Причем русские выпускники к такому способу защиты прибегают гораздо реже. Китайскими выпускниками этот механизм защиты используется немногим меньше, чем проекция и реактивные образования. Китайцы, в отличие от русских, уверены в том, что будущее окажется благополучным, поэтому у них и чаще срабатывает защитный механизм вытеснение. Скорее всего, описываемый механизм представляет собой в ситуации окончания вуза форму вытеснения реальности, индивид становится «нечувствительным» к аверсивной информации. Согласно психоаналитической концепции, ситуацией при работе этого механизма управляет Сверх-Я, и именно Сверх-Я делает индивида «нечувствительным» к травмирующей его информации, так как при восприятии этой информации возможно нарушение сложившегося равновесия, внутренней согласованности психической жизни.

Механизм, который у двух этнических групп обследуемых выявлен как наименее популярный – это механизм замещение. Так как для наших обследуемых показатели использования этого механизма очень низкие, то, скорее всего, речь должна идти о том, что, возможно, образовательный и общекультурный уровни не позволяют им даже бессознательно прибегать к такому способу защитного реагирования.

У китайских обследуемых ненормативно низкий балл по замещению в сочетании с высоким по реактивному образованию, безусловно, отражает факт проявления национальной установки на «примерное» поведение, предполагающее отсутствие агрессивности, стремление следовать общепринятым правилам поведения, скромность, справедливость и т.п.

Результаты обследования по методике С. Розенцвейга показали, что у русских выпускников по направлениям реакций преобладают экстрапунитивные – 50 %, у китайских выпускников – интропунитивные – 43,7 %. В ответах русских чаще содержатся упреки, угрозы, обвинения, направленные на окружающих людей, что также подчеркивает доминирование такого защитного механизма как проекция. У китайцев ответы начинаются со слов «извините», «простите». Что свидетельствует о работе такого механизма как реактивные образования. Для китайца очень важно «не потерять лицо», поэтому на неприятности китаец не может реагировать неподобающим для китайца образом. Анализ сфор-

мированности психологических защит выявил, что у русских она определяется как защита через агрессию и перекалывание собственной вины на других людей; у китайцев – как философское отношение к жизни, их рассуждения сводятся к тому, что жизнь сама вносит во все коррективы, не нужно многого ждать, требовать, кого-то обвинять. В жизни нет ни врагов, ни друзей – все они учителя.

Русские причины своих неудач чаще связывают с внешним миром, китайцы эти моменты преобразуют во внутренние представления и структуры.

Анализ результатов проективных методик подтвердил факт доминирования у русских таких механизмов защиты, как проекция, интеллектуализация, отрицание, у китайцев – проекция, вытеснение, реактивные образования. Так, в рисунках русских чаще встречаются изображения стен, ворот, заборов, дверей, румянца на щеках, прислоненность к предметам, подпирание щеки, руки на бедрах – свидетельство действия такого защитного механизма как интеллектуализация; открытая треугольная позиция, указывающая на принятие в компанию третьего человека; комплексный жест – развернутые ладони, поднятые плечи и поднятые брови – свидетельство работы отрицания.

Данные элементы практически не встречаются в рисунках китайцев. В их рисунках обращает на себя внимание сохранение зонального пространства, вытянутые прямые руки, избегание взгляда в упор, стереотипная улыбка, закусывание нижней губы, сдержанные движения – это доказательство действия защитного механизма как реактивные образования. Также у этой категории обследуемых встречается изображение закрытых ладоней или отсутствие ладоней вообще, прикрытые веки, преувеличенно спокойное выражение лица. Это соотносится с действием защитного механизма вытеснения. В изображении закрытых ладоней или их отсутствии проявляются национальные особенности как хитрость, неискренность.

В рисунках и у русских, и у китайских выпускников встречаются изображения человеческих фигур со скрещенными на груди руками, сидящих или стоящих людей, рисуются перекрещенные ноги, сцепление пальцев рук, когда изображаются фигуры, взятые за руки. Эти жесты свидетельствуют о проявлении такого защитного механизма, как проекция.

Помимо этих перечисленных жестов и движений, отраженных в рисунках наших исследуемых, встречаются в единичных рисунках жесты и движения, свойственные другим механизмам психологической защиты. Среди рисунков «Автопортрет», выполненных русскими девушками-обследуемыми, есть пять рисунков (5,6 %), когда вместо женских автопортретов изображены мужские. Скорее всего, здесь уместно говорить о действии такого защитного механизма как замещение. У тех обследуемых, которые изобразили себя маленькими девочками, вероятно, сработал защитный механизм регрессии.

Анализ корреляционных плеяд (методика Б.А. Еремеева) у русских и китайских выпускников позволяет подход к собственным проблемам охарактеризовать как устоявшийся, это подтверждается большим количеством в плеядах значимых связей и меньшим количеством отталкиваемых связей, значения которых также приближаются к достоверным. Кристаллизация «естественных категорий» у русских выпускников происходит вокруг слов: «проблемы», «любовь», «деньги», «здоровье». У китайских выпускников формирование «естественных категорий» происходит вокруг трех категорий «деньги», «терпение», «совершенствоваться». Из анализа содержательной стороны составленных плеяд следует, что у обеих этнических групп обследуемых прослеживаются проявления действий защитных механизмов. Китайцами используются чаще проекция, реактивные образования и вытеснение, русскими – проекция, отрицание и интеллектуализация.

Таким образом, проявление психологической защиты наблюдается вне зависимости от национальности, но для русского и китайского этносов характерны свои наборы защитных механизмов. Для русских доминирующими механизмами являются проекция, интеллектуализация, отрицание, для китайцев – проекция, реактивные образования, вытеснение. Полученные результаты позволяют утверждать, что типичные варианты защитных механизмов не являются генетически заданными и общими для всей человеческой популяции, а имеют этническую обусловленность. В проявлениях механизмов защиты отражаются национальные личностные особенности.

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИИ РЕГИОНА (РЕГИОНАЛИЗМА)

А.Ю. Завалишин

Завалишин Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права.

В статье изложены некоторые базовые положения современных методологических перспектив социологии регионализма: неореализма, либерального институционализма, синтеза теорий неоклассической и неолиберальной региональной экономической интеграции, подхода мирового порядка, нового регионализма, синтеза нового регионализма и нового реализма. В основе анализа – методологические разделы двух работ известного голландского социолога F. Söderbaum: «К теории нового регионализма: Социальная конструкция международной политической экономики регионализации» (2001) и «Политическая экономия регионализма в Южной Африке» (2002).

In the article there are stated some base positions of modern methodological prospects of sociology regionalism: neorealism, liberal institutionalism, synthesis of neoclassical/neoliberal regional economic integration theories, the world order approach, the new regionalism, synthesis of the new regionalism/ new realism theories. In a basis of the analysis – methodological sections of two works of known Dutch sociologist F. Söderbaum: «Towards a New Regionalism Theory: The Social Construction of the International Political Economy of Regionalization» (2001) and «The Political Economy of Regionalism in Southern Africa» (2002).

В социологии региона основной (но не единственной) методологической перспективой является холизм, предполагающий в качестве исходной посылки рассмотрение социально-территориальной общности (общины) в качестве специфического коллективного субъекта, «единичного» социального актора, на который с определенными оговорками можно распространить и подходы методологического индивидуализма, сложившиеся в рамках субъективной (экономической) социологии (теории сетей, рационального выбора, индивидуального всадника и др.).

Вместе с тем в современной западной социологии, рассматривающей регион как сегмент социальной сферы жизни общества и регионализм как процесс, сложился ряд методологических перспектив, основанных преимущественно на идеях немецкой исторической политической экономики (К. Маркс, В. Рошер, Б. Гильдебрандт, Г. Шмоллер, В. Зомбарт и др.). В настоящее время эти перспективы широко используются как зарубежными, так и российскими исследователями, причем не только для анализа глобальных, но и внутригосударственных региональных процессов (в том числе российских, которые, по сути, являются своеобразной «калькой» мировых).

Один из видных западных социологов, в ряде работ обращающийся к рассмотрению данных перспектив и являющийся создателем

одной из них, F. Söderbaum¹, отталкивается в своих рассуждениях от концептуализации категорий *регион*, *регионализация* и *регионализм*. По его мнению, продуктивное использование данных перспектив в (экономической) социологии регионализма возможно лишь в том случае, если исследователь разделяет позицию автора, трактующего *регион* не как нечто данное, «естественное», существующее объективно, подобно материальному объекту, но как динамично становящееся (*settings*) в процессе социальной интеракции. Если исходить из утверждения, что нет «естественных» регионов, то необходимо признать, что они (по крайней мере, потенциально) являются гетерогенными с нечеткими пространственными границами. Более того, также как нация-государство, регион – это высоко субъективный феномен, являющийся специфическим продуктом дискурса, идентичности и когнитивных ресурсов, а в незначительной степени и теорий регионализма.

Социально сконструированная природа регионов закономерно предполагает, что они политически спорны (оспариваемы). Почти всегда есть множество стратегий и идей по поводу конкретного региона, которые не совпадают, а

¹ См.: Söderbaum F. Towards a New Regionalism Theory: The Social Construction of the International Political Economy of Regionalization. Padrigu: Göteborg Univ., 2001; Söderbaum F. The Political Economy of Regionalism in Southern Africa. Göteborg: Göteborg Univ., 2002.

нередко и противоречат друг другу. Соответственно внимание исследователя-регионалиста должно быть направлено на то, как социальные, экономические и политические акторы понимают и интерпретируют идею региона и понятие «регионности» (regionness). С того момента, как регионы стали политическими и социальными проектами, изобретенными человеческими акторами (государственными и негосударственными), они могут, как и другие социальные проекты, потерпеть неудачу. Регионы могут быть уничтожены изнутри или извне теми же самыми силами, которые их создали. Это означает, что как конструирование, так и деконструирование регионов должно рассматриваться в одних аналитических рамках.

Что касается *регионализма*, то, по мнению F. Söderbaum, в операциональном смысле, он представляет собой тело (body) идей, ценностей и конкретных целей, которые направлены на создание, рост или модифицирование запаса безопасности, богатства и других целей в конкретном регионе, или как тип мирового порядка. Регионализм в этом смысле обычно ассоциируется с формальной программой (и часто ведет к институционализации), он связывает различных агентов в один специфический проект, который ограничивается пространственно или социально, но не во времени².

В наиболее широком смысле регионализм означает движение от относительной гетерогенности (неоднородности) и недостатка кооперации по направлению к возросшей кооперации, интеграции, когерентности (согласованности) и идентичности в различных областях прежде всего, таких как культура, безопасность, экономическое развитие и политика в конкретном кросс-национальном географическом пространстве. Это также предполагает элемент активности, стратегию регионализации, которая может проводиться как государственными, так и негосударственными акторами.

Регионализация (как система действий региональных акторов) может быть непосредственной причиной регионализма, но вместе с тем она же может объективировать уважение (либо неуважение) к региональному проекту и/или идеологии регионализма. Следует признать, отмечает F. Söderbaum, что регионализация может возникнуть и непреднамеренно, без акторов, осознанно конструирующих регион, также как

риторика и идеология регионализма не всегда могут иметь большое практическое значение для конкретного процесса регионализации.

Во второй половине XX–начале XXI вв. в западной социологии регионализма сложился целый ряд методологических перспектив по-разному оценивающих регионы, регионализацию и регионализм. F. Söderbaum разделяет их на два основных направления: рационалистическое и рефлексивистское. Первое представлено главным образом методологиями неореализма, либерального институционализма, синтезом теорий неоклассической и неолиберальной региональной экономической интеграции, второе – подходом мирового порядка, новым регионализмом, синтезом нового регионализма и нового реализма³.

Неореализм – все еще самый влиятельный подход к анализу международных отношений в целом. Его представители⁴ анализируют регионализм и генезис регионов как бы «извне-вовнутрь» (outside-in). Регионы характеризуются как специфические анархические системы, которые (на глобальном и/или региональном уровне) порождают государства, являющиеся унитаристскими и рациональными эгоистами, предрасположенными к конкуренции и конфликту. Регионы и регионализм, по мнению неореалистов, возникают в определенных обстоятельствах, например, когда глобальное перераспределение власти открывает путь для кооперации или образования союзов по геополитическим соображениям (прежде всего для того чтобы противопоставить силу одного государства или группы государств другому (другим) извне или внутри региона).

Центральным является утверждение неореалистов, что гегемон или «стабилизатор» (чаще всего это могущественное государство) может стимулировать появление региональной кооперации и региональных институтов различными путями. Неореалисты стремятся сконструировать генеральную теорию международной политики, основанной на идее могущества. Как утверждает в связи с этим К. Waltz, «было бы... нелепо конструировать теорию международной политики на (примере) Малайзии и Коста-Рики»⁵.

³ См.: Söderbaum F. The Political Economy of Regionalism in Southern Africa... P. 15.

⁴ Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Harvester: Wheatsheaf, 1991; Gilpin R. The Political Economy of International Relations. Princeton: Princeton Univ. Press, 1987; Waltz K. Theory of International Politics. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979 etc.

⁵ Waltz K. Op. cit. P. 72.

² См.: Söderbaum F. The Political Economy of Regionalism in Southern Africa... P. 5.

Утверждения неореалистов о доминировании государственного могущества и государственно-центрическом утилитаризме подвергаются критике со многих сторон. Так, одно из возражений состоит в том, что теория неореализма основывается на избирательном прочтении опыта послевоенных США и/или обращении к Великобритании XIX в. Другой аспект критики акцентирует внимание на тезисе, что сила политики, с точки зрения неореализма, имеет тенденцию к воспроизводству самой себя и укреплению существующей структуры, так же как доминированию могущества. Поэтому данная теория и ее партикулярная проблематика, по мнению А. Wendt и R. Cox это не просто социальная конструкция, она разработана для кого-то и для чьих-то (политических) целей⁶.

Один из неореалистов (В. Vuzan) бросает вызов его конвенциональному крылу и убедительно доказывает, что представители последнего слишком низко оценивают важность регионального уровня для международных отношений. Сформулированное им понятие «комплекса региональной безопасности (regional security complex)», определяемого как «совокупность государств, чьи интересы безопасности настолько переплетены, что не могут быть рационально проанализированы или решены отдельно друг от друга»⁷, имеет глубокое, преимущественно позитивное попадание в поле исследования неореалистов. Однако этот тип анализа игнорирует фундаментальные такие вопросы, как кому, для кого и для чьих целей возникает регионализм? Эта методологическая перспектива также основывается на преувеличении роли и значения государства в процессе регионализации. Например, комплексы безопасности описываются, по сути, как «миниатюрные анархии», а государства в довольно ортодоксальной манере представлены как раз и навсегда данные в интернациональной системе. Также В. Vuzan разделяет конвенциональное неореалистское утверждение, что сильные государства порождают сильные и «зрелые» регионы (сообщество «анархий»), в то время как слабые государства, находящиеся в поиске силы и безопасности, имеют тенденцию к порождению

(региональных) конфликтов и «незрелых» регионов, либо считаются такими слабыми, что вообще не могут сформировать регион. Не удивительно, что Западную Европу они рассматривают как пример первых, а, например, Африку – как вторых.

Таким образом, неореализм и с некоторой натяжкой теория комплексной безопасности основываются на утверждениях, которые делают их по сути партикулярными (частичными) перспективами, релевантными для одних регионов мира и нерелевантными для других.

Группа теорий, которые можно условно объединить под общим названием *либеральный институционализм*⁸, ссылается на разнообразие соотносящихся между собой функционалистских и институционалистских концепций как «старых», так и «новых», которые анализируют регионы по направлению как бы «изнутри – вовне» (inside-out) и с упором на институциональный аспект.

Несмотря на ряд важных различий, эти теории имеют некоторые общие черты прежде всего такие, как рационализм актора, плюралистические предположения, подобный либералам взгляд на государство (и общество) и регулирующее влияние институтов и др. Функционализм в данном контексте является в основном стратегией (или нормативным методом), направленным на строительство мира, сконструированного в соответствии с предположением, что удовлетворение общих потребностей и функций может объединить народ через (across) государственные границы. «Функция предшествует форме», – утверждает D. Mitrany⁹, и кооперации следует сконцентрироваться на технических и базовых функциональных программах и проектах с ясно определенными секторами, без противодействия национальному суверенитету или существованию властных структур в каждой стране.

Неофункционализм, основываясь на функционалистском методе, противостоит базовому функционалистскому утверждению о раздельно-

⁶ См.: Cox R. Approaches to World Order. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996; Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. V. 46. № 2. P. 391–452.

⁷ Vuzan B. The Logic of Regional Security in the Post-Cold War World // The New Regionalism and the Future of Security and Development / Ed by B. Hettne et al. Basingstoke: Macmillan, 2000. P. 2.

⁸ Haas E. Beyond the Nation-State. Stanford: Stanford Univ. Press, 1964; Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton; N.J.: Princeton Univ. Press, 1984; The Political Economy of Regionalism / Ed. by E. Mansfield, H. Milner. N.-Y.: Colombia Univ. Press, 1997; Mattli W. The Logic of Regional Integration: Europe and Beyond. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999; Mitrany D. A Working Peace System. Chicago: Quadrangle Books, 1966 (first ed. 1946) и др.

⁹ См.: Mitrany D. A Working Peace System. Chicago: Quadrangle Books, 1966.

сти политики и экономики. Его представители вводят утилитарную концепцию политического интереса, согласно которой, как отмечает, например, W. Mattli, «функция следует за интересом» и «безжалостный эгоизм сам по себе достигает цели»¹⁰. Неофункционалисты делают упор на намеренном замысле (*deliberate design*) институтов, которые являются самыми эффективными средствами для решения общих проблем. Они выступают инструментами для создания функционального, так же как политического избытка (*spill-over*) и, в конечном счете, ведут к изменению идентичности группы вокруг региональной единицы. В 1960-е гг. неофункционализм приобрел широкую популярность, его даже называли парадигмой Европейских сообществ. В нем видели модель региональной интеграции, которая должна была использоваться в других частях мира, например, в Африке и Латинской Америке.

Однако неофункционалисты ожидали слишком многого и слишком быстро. Они недооценили антиплюралистические, централистские и националистические ориентации своего времени, а также то, что их теория не имела сторонников у экзогенных и экстрарегиональных сил. Предположения неофункционалистов, как впоследствии оказалось, были ошибочными для Европы и еще более нерелевантными и вводящими в заблуждение в других регионах мира. Все это существенно ограничило глобальное применение современных функционалистских и институционалистских теорий.

Неолиберальный институционализм стал доминирующим в более либеральной парадигме, связанной с исследованием регионализма. Этот специфический подход иллюстрирует движение научной мысли по направлению к неореалистической парадигме, в конечном счете, сливаясь с ней в неосинтез. Также как их неореалистические товарищи, неолиберальные институционалисты разделяют идею анархической системы, в которой государства являются самыми важными акторами¹¹. Государство, по их мнению, действует как посредник на межправительственном уровне, ограниченное лишь национальными политическими соображениями, фирмами и группами давления. Регионализм изначально мотивируется обеспечением товарами массового потребления, упразднением негативных проявлений взаимозависимости и неограниченными

прибылями. Он изображается как неуклонно возрастающий процесс, позволяющий решать проблемы, главным образом, посредством деятельности его формальных и неформальных институтов. Таким образом, эффективный регионализм неизбежно должен быть более или менее институционализированным.

Слабостью этих утверждений является то, что регионализм редуцируется к процессу, имеющему в основном место в формальных государственных или субгосударственных региональных организациях, а не к формальным и неформальным институтам и нормам в широком смысле. Этот недостаток подчеркивается тем фактом, что региональные организации, особенно возникшие в Европе, преподносятся в качестве образцов (или рекомендаций) для других регионов мира. Т. Christiansen так иллюстрирует этот фаворитизм: «В целом, эти формы регионализма [в части мира] отличаются от Европейской интеграции только в фокусировании [внимания] на экономических вопросах и опоре на очень низкую степень институционализации»¹².

Отсюда следует, что регионализм в (Западной) Европе, по мнению сторонников данной перспективы, является многомерным и высоко институционализированным причем не только дескриптивным (достигнутым в результате некоторой осознанной деятельности), но в значительной степени также прескриптивным (вытекающим из самой природы европейского сообщества), тогда как регионализм в остальном мире представляется им слабо институционализированным и редуцированным к экономическому феномену. Такая генерализация проблематична, часто вводит в заблуждение, склонна игнорировать властные асимметрии в глобальной социально-политической и экономической системе, также как важную проблему – кем, для кого и для чьей цели возникает регионализм.

Сторонники синтетического подхода *неоклассической и неолиберальной региональной экономической интеграции*¹³ анализируют ре-

¹² Christiansen T. *European and Regional Integration // The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations* / Ed. by J. Baylis, S. Smith. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. P. 517.

¹³ Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. L.: Allen & Unwin, 1962; *Economic Integration Worldwide* / Ed. by A. El-Agraa. Basingstoke: Macmillan, 1997; *New Dimensions in Regional Integration* / Ed. by J. de Melo, A. Panagariya. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993; Robson P. *The Economics of International Integration*. 4th ed. L.: Routledge, 1998; *Trade Blocs? The Future of Regional Integration* / Ed. by V. Cable, D. Henderson. L.: Royal Institute of International Affairs, 1994 etc.

¹⁰ См.: Mattli W. *The Logic of Regional Integration: Europe and Beyond*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.

¹¹ См.: Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton Univ. Press, 1984 etc.

гиональные процессы с позиций теории объединения и зон оптимального денежного обращения. Решающую роль в данном случае, по их мнению, играют рыночные силы, которые «провоцируют» линейную динамику региональной экономической интеграции по направлению от предпочтительной торговой зоны к свободной торговой зоне, далее к таможенному союзу, общему рынку, экономическому и денежному союзу и, наконец, комплексной экономической интеграции. При этом рыночные силы, которые включаются в игру на одной стадии (как предполагается), приобретают эффект «избытка» (spill-over) по отношению к следующей стадии таким образом, что возникновение последней становится экономической необходимостью. Далее, высказывается предположение, что, поскольку экономическая интеграция имеет свою цену, ресурсы, скорее всего, будут незаконно размещены (или сконцентрированы), если более «продвинутой» стадия активизируется до того, как завершится более низкая.

Самую низкую стадию экономической интеграции характеризует возникновение зоны предпочтительной торговли, посредством которой страны-члены определяют друг другу тарифы более низкие, чем те, которые применяются к не-членам. Внутри такой зоны еще нет свободного движения товаров. Вторая стадия – свободная торговая зона, в которой тарифы и квоты отсутствуют между членами, но каждая страна составляет свои собственные тарифы против импорта из стран-не-членов. Таможенный союз продвигается дальше и в добавление к свободной торговой зоне устанавливает общий внешний тариф. Общий рынок – это еще более развитая стадия экономической интеграции. Она комбинирует черты таможенного союза с ликвидацией препятствий для свободного движения труда, капитала, услуг и предпринимательства. Следующий шаг к восхождению – экономический и денежный союз, который включает общее денежное обращение и гармонизацию монетаризма, фискальной и социальной политики. Комплексная экономическая интеграция конституирует завершающую стадию экономической интеграции. Она предполагает унификацию экономики и политики таким образом, что центральная наднациональная власть не только контролирует экономическую политику, но также является ответственной перед общим парламентом.

Необходимо отметить, что теория объединения и зон оптимального денежного обращения не связана с институциональной динамикой, политическими измерениями и социальным конструированием регионов, она фокусируется исключительно на эффектах благосостояния, как результата экономической интеграции и политики перемен.

Еще одна теория, сложившаяся в рамках подхода неоклассической и неолиберальной региональной экономической интеграции, основана на модели «интеграции развития (development integration)», опирающейся на некоторые принципы структурализма. Основная идея этой теории состоит в том, что политическая кооперация высокого уровня и интеграция (= регионализм) требуются уже на ранней стадии регионализации для достижения двух главных целей: 1) «спланированной» стимуляции производительных сил и инвестиций; 2) сбалансированного распределения выгоды от экономической интеграции и кооперации (т. е. прибыль не должна размещаться на основе рыночного обмена и/или сравнительного преимущества). В рамках этой модели используются, по крайней мере, два широко распространенных распределительных инструмента: компенсаторный (трансфер налоговой системы, бюджетные трансферы, предпочтительные тарифы) и коррекционный механизм (планируемая индустриальная стратегия, банки или фонды регионального развития, общий инвестиционный кодекс).

Хотя определенные аспекты модели интеграции развития все еще могут считаться спорными, она мало влияет на практическую политику современного экономического регионализма. В последнем десятилетии XX в. в мировую экономику вторглась новая идея, основанная на двух базовых категориях: 1) столкновения экономики регионализма с мировой торговой системой; 2) самой экономики регионализма, описанной в терминах экономических блоков.

Первая категория концептуализируется в рамках парадигмы «открытого регионализма», которая гласит, что политика должна быть направлена на устранение помех для торговли (и на определенную степень инвестирования) в регионе, в то же время, не препятствуя воздвигению внешних барьеров по отношению к остальному миру. Центральная проблема этого подхода заключена в дилемме – является ли формирование региональных торговых блоков «камнем преткновения» или «ступенями» по направлению к

открытой мировой экономике? Представители открытого регионализма утверждают, что решение проблемы заключается в синхронизации глобального и регионального уровней, а нормативный интерес состоит в сглаженной многосторонней торговой системе и двусмысленным понимании мирового благосостояния (world welfare). Согласно их идеям, нет необходимости копировать Европейский Союз (который часто выглядит как протекционистский), и могут быть различные пути к открытому регионализму в Африке, Америке и Азии.

В то время как идеология открытого регионализма развивалась в основном по направлению интеграции Центральной и Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки в глобальную экономику, вторая категория экономического регионализма предназначена прежде всего для индустриальных стран, в особенности европейских. Новизна идеи состоит в более широком спектре выгод и менее ограничительных предположениях. Выгоды, по мнению представителей данного подхода, включают внутрорегиональное и внешнее инвестирование, производство и занятость, политико-экономическую и социальную стабильность и доверие, масштабную экономику, развитие инфраструктуры, структурную трансформацию и т. д. В то же время этот подход учитывает фактор недоразвитости и асимметричности товарных рынков и производственных структур, рыночные и правительственные промахи, стоимость транспортирования, несовершенство и искажение информации и компетентности, внешние воздействия и т. д. Как результат, подход экономического регионализма оказался более релевантным в глобальной перспективе и для исследования регионализма в доиндустриальных странах.

Подход мирового порядка, сложившийся в рамках рефлексивистской парадигмы региональных исследований¹⁴, основан на методе исторических структур Р. Сох, определяемых им как конфигурации сил (состоящих из материальных возможностей, идей и институтов)¹⁵. Исторические структуры означают здесь постоянные социальные практики, порождаемые и изменяемые

коллективной человеческой деятельностью. «Нет абсолютных различий между акторами и структурами, – утверждает Р. Сох. – Нет вопроса о принесении в жертву тех или других. Структуры в течение какого-то времени формируются коллективной человеческой деятельностью. В свою очередь, они являются почвой для мыслей и действий индивидов. Историческое изменение может быть осмыслено как реципрокные отношения между структурами и акторами. Есть, однако, отличие между представлением об отношении актор-структура, как процессе, определяющем структурные изменения, и представлением о действиях, установленных в пределах, заданных данными структурами»¹⁶.

Вслед за Р. Сох исследователи утверждают о том, что материальные возможности, идеи и институты взаимодействуют на трех взаимосвязанных уровнях: 1) социальных сил, порожденных в процессах производства; 2) различных форм государственных/общественных комплексов (но не государств); 3) типов мирового порядка.

В центре внимания представителей данной перспективы находятся отношения между глобализацией, регионализацией и развитием мировых порядков. Основная идея состоит в том, что глобализация и идеологическая власть или даже «триумф» капитализма устанавливают новый контекст, в котором регионализм должен быть заново переосмыслен (rethought). Центральный вопрос в рамках этого нового контекста, по их мнению, состоит в том, до какой степени государства (и специфические комплексы государства/общества) отвечают (respond) за глобализацию, участвуя в построении проводимых государствами регионалистских схем.

Возражая вполне реальным опасениям, что регионализм может привести к новой эре торговых войн и даже военных конфликтов между ведущими политическими силами планеты, представители подхода мирового порядка заявляют, что текущий регионализм (являющийся открытым регионализмом) фактически связывает воедино (ties to) и усиливает экономическую глобализацию. Регионализм, таким образом, становится важнейшим инструментом для управления мировым порядком.

При этом исследователи скептически относятся ко многим проявлениям реально существующего регионализма. Они заявляют, что он рождается в дискуссиях и переговорах между политическими элитами в ядерных странах и яв-

¹⁴ Microregionalism and World Order / Ed. by S. Breslin, G. Hook. Basingstoke: Palgrave, 2002; Regionalism and World Order / Ed. by A. Gamble, A. Payne. Basingstoke: Macmillan, 1996; Subregionalism and World Order / Ed. by G. Hook, I. Kearns. Basingstoke: Macmillan, 1999 etc.

¹⁵ См.: Cox R. Critical Political Economy // International Political Economy: Understanding Global Disorder / Ed. by B. Hettner, L.: Zed Books, 1995. P. 33.

¹⁶ Ibid.

ляется частью гегемонистской власти свободного рыночного капитализма и либеральной демократии. Региональная кооперация, по мнению I. Kearns'a и G. Hook, «это повсеместно в мире фундаментально управляемый элитой процесс... [который] часто используется по ее праву для внешнего маневрирования (*out-manoeuvre*) и удушения народной оппозиции в интересах политиков и неолиберальной экономики, которую она сама и представляет»¹⁷. Отсюда закономерно следует, что регионализм является фактором укрепления гегемонистского порядка, основанного на неолиберальном проекте, и «...найдется мало фактов, свидетельствующих, что новые идентичности бросают вызов старым, или что культурные барьеры и стереотипы действительно разрушены»¹⁸.

Теоретики подхода мирового порядка доказывают, что если возникает вопрос неравенства и неравного развития, регионалистские проекты, скорее всего, будут вести к возрастанию проблем и поляризации между регионами. При этом в рамках государственных региональных проектов существует возможность смягчения негативных последствий глобализации и весомого вклада в новую эру социального регулирования, особенно, если идти по пути просвещения и быть открытыми для влияния и реализации интересов труда и гражданского общества. Однако элиты создают свои регионалистские проекты с минимальным учетом интересов населения и в условиях минимального общественного давления на них. Если регионализм, утверждают I. Kearns и G. Hook, «продолжает использовать общественное лицо международной кооперации, чтобы замаскировать потребности некоторых частных интересов, прежде всего элиты, тогда он может запросто стать одной из целей для какого-либо будущего радикального вызова капиталистической цивилизации. Этот путь, открывающийся перед сегодняшним регионализмом, может искренне приветствоваться»¹⁹.

Основной идеей перспективы *нового регионализма*²⁰ является утверждение, что на рубеже

XX–XXI вв. мы столкнулись с качественно новым феноменом, который имеет место в новом контексте и с новым содержанием. В соответствии с этой идеей, новый регионализм связан с текущей трансформацией мира, мультиполярным или триполярным (но не биполярным) мировым порядком, в значительной степени опосредованным глобализацией. Регионы не возникают в вакууме. Глобализация и регионализация тесно связаны между собой и должны поэтому быть исследованы и осмыслены в одном и том же методологическом контексте. Как заметил в связи с этим В. Hettne, «новый регионализм и мультиполярность – это (в перспективе мирового порядка) две стороны одной медали»²¹.

В то время как старый регионализм часто навязывался извне, в соответствии с биполярной структурой периода «холодной войны», новый регионализм часто возникает изнутри самого региона и в соответствии с его особенностями и проблемами. Новый регионализм – это поистине всемирный феномен, охватывающий макрорегионы мира, чего никогда не было раньше. Если старый регионализм был вызван главным образом необходимостью (или потребностью) в организации свободной торговли и оборонительных союзов, то новый регионализм появляется в результате более всестороннего, многомерного социального процесса.

Важным компонентом парадигмы нового регионализма стала идея уровня регионности (*regionness*) региона, сформулированная В. Hettne. По его мнению, степень регионности той или иной территории и дислоцированной на ней социально-территориальной общности (=региона) связана с субъективными факторами и проявляется на пяти уровнях: регионального пространства, комплекса, общества, общности (*community*) и институционализированной политики. Исследователь делает вывод: нет «естественных» или «данных» регионов, но есть сконструированные, деконструированные и переконструированные – намеренно или ненамеренно – в процессе глобальной трансформации посредством коллективной человеческой деятельности и формирования региональной (территориальной) идентичности²².

¹⁷ Kearns I., Hook G. Conclusion: Subregionalism – an Assessment // *Subregionalism and World Order* / Basingstoke: Macmillan, 1999. P. 249–250.

¹⁸ Ibid. P. 250.

¹⁹ Ibid. P. 257.

²⁰ Hettne B. The New Regionalism: Implication for Development and Peace // *The New Regionalism: Implications for Global Development and International Security*. Helsinki: UNU/WIDER, 1994; Hettne B., Söderbaum F. The New Regionalism Approach // *Politeia*. 1998. № 17. P. 6–21; MacLean S. Peacebuilding and the New Regionalism in Southern Africa // *Third World Quarterly*. 1999. №

20. P. 943–956; Mittelman J. *The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2000 etc.

²¹ Hettne B. *The New Regionalism Revisited* // *Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader*. Basingstoke: Palgrave, 2002. P. 2.

²² См.: Hettne B. *Globalization and the New Regionalism: The Second Great Transformation* // *Globalism and the New Regionalism*. Basingstoke: Macmillan, 1999.

Новый регионализм (как явление или процесс) – это неоднородный, разносторонний, многомерный феномен, возникающий в некоторых районах мира (или секторах общества) и часто «выдвигаемый (pushed)» различными государствами, рынками, обществами и внешними акторами как внутри, так и вне формальных региональных организаций. В разных регионах мира регионализм развивается с разной скоростью, также как регионализация и дерегионализация могут развиваться в одно и то же время (хотя, возможно, в различных секторах и зонах планеты).

В некоторых чертах перспектива нового регионализма совпадает с подходом мирового порядка, особенно в плане положений критической исторической политической экономии и постпозитивистской методологии. Подобно сторонникам подхода мирового порядка новые регионалисты рассматривают (экономическую) глобализацию как могущественную и в некоторых проявлениях необратимую силу, имеющую большое значение для регионального процесса. Обе перспективы оценивают экономическую глобализацию как высоко неравный процесс, и обе стремятся показать силовые отношения, скрывающиеся за этим процессом. Однако в то время как сторонники подхода мирового порядка видят в сегодняшнем регионализме, в первую очередь, манифестацию экономической глобализации и преобладающие формы гегемонии, представители нового регионализма являются сторонниками регионального феномена. В. Hettne, например, в инновационной манере обращаясь к мысли К. Polanyi²³, рассматривает появление нового регионализма в контексте экономической глобализации: «Текущий феномен регионализма может рассматриваться как манифестация второго движения, защиты общества на уровне макрорегиона, как политическая реакция против глобальной рыночной экспансии, возникшая в 1980-е гг. Таким образом, мы можем говорить о "второй великой трансформации"»²⁴.

Основываясь на идеях К. Polanyi, В. Hettne утверждает, что диалектика рыночной экспансии и попытки политического вмешательства в защиту гражданского общества составляют основные силы социетальных перемен. В этой перспективе новый регионализм представляет собой возвращение «политического», т. е. вмешатель-

ство в пользу критических ценностей, среди которых важнейшими являются развитие, безопасность и мир, состояние окружающей среды (экология). Новый регионализм – это еще и путь преодоления противоречия между вестфальской и поствестфальской рациональностью, между абсолютным национально-государственным подходом и незрелой или хищной глобализацией. На уровне мирового порядка он формирует основание для улучшенной и лучше функционирующей многосторонней системы, так называемый «региональный мультилатерализм»²⁵ (от англ. multilateral – *многосторонний*).

Основное отличие перспективы нового регионализма от подхода мирового порядка состоит в том, что первая несколько иначе интерпретирует государство вообще и его роль в процессе регионализации в особенности. В то время как представители второго акцентируют внимание на проводимом государством регионалистическом проекте, сторонники нового регионализма отмечают ослабление способности государства и последовательное несходство конвенционального перераспределительного решения на национальном уровне и в пределах специфических комплексов государство/общество. Перспектива нового регионализма развивает идеи К. Polanyi о (потенциальной) политической роли гражданского общества как средства самозащиты слабых и бедных, т. е. самого общества. В его рамках не только экономические, но и социальные и культурные региональные сети (networks) и проекты могут развиваться более быстро, чем формальные региональные проекты, проводимые государством. Отсюда следует, что особенно важно выделять и поощрять противников и агентов трансформации в контексте глобализации. J. Mittelman, обращаясь к альтернативным и «перевернутым» (bottom-up) формам культурной идентичности и региональной самоорганизации и самозащиты, таким как продемократические силы, женское и экологическое движения т. д., называет это «трансформативным регионализмом»²⁶. «В последнее время, – отмечает он, – возможности и ограничения трансформативного регионализма опираются на силу его связей с гражданским обществом»²⁷.

²⁵ См.: Hettne B. Globalization and the New Regionalism...; Hettne B. The New Regionalism Revisited...

²⁶ Mittelman J. The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance. Princeton: Princeton Univ. Press, 2000. P. 225.

²⁷ Mittelman J. Rethinking the New Regionalism in the Context of Globalization // Globalism and the New Regionalism. Basingstoke: Macmillan, 1999. P. 48.

²³ См.: Polanyi K. The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 1957 (1st ed. 1944).

²⁴ Hettne B. Development, Security and World Order: A Regionalist Approach // European Journal of Development Research. 1997. № 3. P. 86.

В рамках концепции *нового регионализма/нового реализма*²⁸ произошла своеобразная интеграция разнообразных постструктуралистских, политико-антропологических, реалистических и постмодернистских течений. Ее представители обосновывают необходимость исторического, контекстуального, деятельностно-ориентированного подходов, которые, по их мнению, обеспечат более всестороннее понимание сложности, комплексности, противоречивости и разнообразия регионов и процессов регионализации.

Основатели данного направления большое внимание уделяют так называемому «неформальному регионализму снизу» («informal regionalism from below»). Это общественное движение, по их мнению, включает широкий спектр негосударственных акторов и неформальной деятельности, таких как транснациональные корпорации (ТНК), экологические и этнические группы, гражданские общества, частные армии (private armies) и партизанские отряды (maquildoras), коридоры развития, диаспоры южан на Севере, двойную дипломатию и неформальную внешнюю политику мелкой торговли, контрабанды, мафии и криминала. «Только когда мы делаем преднамеренные попытки связать два широких процесса формального и неформального регионализма, – отмечают в связи с этим M. Marchand et al, – мы можем получить более ясную картину связей между ними... Суть в том, что результат от этих процессов высоко непредсказуем, и очень часто возникает больше проблем, чем можно было бы предположить»²⁹.

Особое внимание в рамках данного подхода уделяется тесной связи между глобализацией и регионализацией, особенно различиям и нюансам, посредством которых глобализация/регионализация связывает (nexuses) широкий спектр паттернов взаимодействий и откликов на различных уровнях. Глобализация имеет не только различия и неодинаковое воздействие на уровне стран и регионов, но, возможно, и даже более – в их пределах. Это проявляется во множестве различий на локальном, национальном и региональном уровнях и подразумевает

отклонение понятия «взаимозависимость» между различными акторами и единицами и системой в целом. Теоретики нового регионализма/нового реализма заявляют, что их «сопоставляют с противоречащими процессами, одновременной кооперацией и конфликтом, перемешанными в потоках идей, идентичностей и более материальных ресурсов. Все это – *переплетенные в мировом масштабе (weave-world) регионализация и глобализация на рассвете следующего тысячелетия* (выделено автором. – А.З.)»³⁰.

Подводя итог, следует сказать, что в современной западно-европейской и североамериканской социологии, ориентированных на холистские исследования и концентрирующих внимание прежде всего на исследовании регионов и регионализма, сложились два конкурирующих взгляда на суть региона, регионализма и роли социальных акторов в них. Сторонники рационалистических взглядов анализируют в основном деятельность государств как политических субъектов и адептов силы, они элиминируют в значительной степени роль коллективных общностей и общественных организаций в этом процессе. Представители рефлексивистского направления не склонны к столь однозначному превознесению роли и значения властных структур, они утверждают о наличии вектора сил, определяющего общую направленность современных процессов регионализации и глобализации, складывающегося из действий как политических, так и неполитических (в том числе коллективных) акторов. Именно рефлексивистский подход наиболее адекватен современному состоянию мирового сообщества, и его положения можно взять в качестве отправной точки для выстраивания методологии нового холизма в рамках социологии региона.

²⁸ New and Critical Security and Regionalism: Beyond the Nation State. Aldershot: Ashgate, 2002; Shaw T. New Regionalism in Africa in the New Millennium: Comparative Perspectives on Renaissance, Realisms, and/or Regressions // New Political Economy. 2000. № 5. P. 399–414 etc.

²⁹ Marchand M.H., Morten B., Timothy M.S. The Political Economy of New Regionalism // New Regionalism in the New Millennium, Special Issue of Third World Quarterly. 1999. № 20. P. 905–906.

³⁰ Bøås M., Marianne H.M., Timothy M.S. The Weave-world: Regionalism in the South in the New Millennium // New Regionalism in the New Millennium, Special Issue of Third World Quarterly / Ed. by B. Morten et al. 1999. № 20. P. 1062–1063.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЭЛИТА: УСПЕХИ И ПРОСЧЕТЫ САМООРГАНИЗАЦИИ

В.Ф. Печерица, Г.В. Довгаль

Печерица Владимир Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения Владивостокского института международных отношений Дальневосточного государственного университета.

Довгаль Галина Викторовна – аспирантка кафедры политологии, культурологии и истории Уссурийского государственного педагогического института.

Трансформация политического режима в Российской Федерации, процессы децентрализации управления, регионализации привели к обострению потребности в сильной политической элите. Исключительное геополитическое положение одного из крупнейших российских регионов – Дальневосточного региона – делает научное исследование региональной элиты политически значимым фактом. Граница со знаковыми азиатскими государствами Китаем и Кореей, непосредственная близость Японии предъявляют особые требования к качественным характеристикам дальневосточных властвующих групп.

Transformation of the political regime in the Russian Federation, the processes of decentralization of power have resulted in aggravation of need in strong political elite. The exclusive geopolitical situation of one of the largest Russian regions – the Far East region – makes scientific research of regional elite urgent. The border with the most powerful Asian states China and Korea, the closeness of Japan make special requirements to the qualitative characteristics of the Far East authoritative groups.

В начале нового тысячелетия наблюдаются кардинальные изменения в составе политической элиты региона. Изменился социальный состав краевых, областных, окружных администраций и представительных органов власти. Большинство депутатских мест в думах заняли представители местных экономических структур, нашедшие поддержку своих избирателей. Новые губернаторы-промышленники привнесли в политику дух взаимоотношений, присущий бизнесу.

Уже первые политические шаги приморского губернатора С. Дарькина по отношению к главам районных и городских администраций выявили его стремление воспроизвести в крае модель централизованного управления с четким руководством, наподобие структуры управления в крупной компании. По-прежнему для этого использовались преимущественно внеинституциональные методы и неформальные влияния, но в то же время усилилось давление на местные власти в правовом поле.¹ В 2000 г. на выборах в губернаторы Чукотского автономного округа победил крупный предприниматель, один из российских олигархов, Р. Абрамович. Три его крупные компании, зарегистрированные на Анадыре, на фоне перманентного экономического кризиса и сокращения объемов местного производства давали здесь 80 % налогов. Ту модель, которая успешно работала в его компаниях, губернатор Чукотки реализовал и в административном управлении.

Показательно, что подобные перемены в управлении на местах осуществлялись с согласия высших властей. Поддержавший тогда на выборах кандидатуру Р. Абрамовича полномочный представитель президента на Дальнем Востоке К. Пуликовский положительно отозвался о его опыте управления регионом: «У него работают замечательные менеджеры – как в бизнесе. А для того чтобы управлять бизнесом, необязательно находиться на рабочем месте... Мы будем предлагать подобных кандидатов и в других регионах. Например, Виктора Вексельберга на Камчатке в 2007 г.»²

По статистическим данным наиболее радикальные изменения законодательной ветви власти наблюдались в Приморье.³ Президенты акционерных компаний, генеральные директора или председатели советов директоров крупных предприятий заняли около 60 % депутатских мест краевого парламента. Выборы 2001 г. обновили состав краевого представительного органа власти на 78 %. Но это не были совершенно новые лица в политике. Многие депутаты (45 %) давно участвовали в местной политической жизни.

Детальный анализ политической ситуации первых лет нового тысячелетия на Дальнем Востоке показал, что изменение в сторону увеличения однородности состава политической элиты

¹ Конякина А.П., Шинковская Н.В. Параметры эволюции политического режима в Приморье // Полис. М., 2003. № 2. С. 143.

² Аргументы и факты. 2005. № 32. С. 3.

³ Довгаль Г.В. Социально-демографические характеристики приморской политической элиты последнего десятилетия // Молодой международник : альманах. Вып. 7 / под научн. ред. В.Ф. Печерицы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. С. 234–247.

не придало ей цельности и согласия. Дальневосточная политическая элита рубежа XX–XXI вв. неконсолидирована не только на уровне региона в целом, но и уровне краев и областей. Сложности самоорганизации элит находят отражение в противоречиях осуществляемой ими политики. В 1990-е гг. особенно жесткое политическое противостояние наблюдалось в Приморском крае, Амурской, Камчатской, Сахалинской областях, Корякском автономном округе, чему свидетельством – острая политическая борьба в ходе выборов, конфликт ветвей власти, и как следствие – перманентный экономический кризис на местах, социальная нестабильность, высокая преступность.

Так, массовый «поход» бизнес-элиты Приморского края в Законодательное собрание в значительной степени объясняется ее недовольством действиями краевой администрации: передачей важнейших для края предприятий (порт Восточный) под контроль центральных финансово-промышленных групп (ФПГ), банкротством крупных компаний, инициированным региональными властями, политикой распределения квот для рыбодобывающих предприятий в пользу близких губернатору фирм. По словам депутата Законодательного Собрания третьего созыва А.М. Имадаева, рыбодобывающая отрасль не принадлежит России, налоги мелких компаний идут через оффшорные зоны за границу, транспортные и наливные суда ходят под чужими флагами и выведены из реестра российских судов, порты захвачены и управляются олигархами из Москвы, при этом ими ни рубля не вложено в строительство портов, в их реконструкцию.⁴ По заявлению старшего следователя по особо важным делам Главного следственного управления при ГУВД Москвы П. Жестерова, «умышленные банкротства предприятий приобрели характер эпидемии».⁵ Причем наиболее острые проявления болезни, по мнению следователя, зафиксированы именно на Дальнем Востоке.

Характерный случай – одна из градообразующих компаний Владивостока – «Дальморепродукт» (ДМП). Ситуация на ДМП, по мнению специалистов, является типичнейшим случаем умышленного банкротства. По словам Жестерова, преступления делаются настолько открыто, что нет оснований полагать, что у руководства края, города, правоохранительных структур, представителей федерального округа нет на этот

счет информации.

Краевая администрация однозначно опровергает личную финансовую заинтересованность в судьбе крупных предприятий и проектов. Тем не менее по ряду вопросов, решение которых принципиально для стратегического развития региона, позиция администрации С. Дарькина вызывает определенные сомнения общественности. Так, например, отрицательную реакцию и даже агрессию среди населения вызвал факт ограниченно одностороннего освещения вопроса о строительстве нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». Обоснованный геополитическими интересами России тихоокеанский нефтепровод общей стоимостью 11–17 млрд. дол. должен стать крупнейшим российским проектом. Спорный вопрос касался его конечной точки на карте. Назывались Находка и бухта Перевозная, как возможные варианты местоположения терминала. По информации «Moscow Times» от 31 мая 2005 г.⁶ в Приморье столкнулись интересы московских ФПГ и местного бизнеса. Краевые власти до недавнего времени активно поддерживали проект с конечной точкой в бухте Перевозная. На личную заинтересованность в данном проекте указывали не только настойчивое его лоббирование (весной и летом 2005), отстранение общественности от обсуждения вариантов строительства, цензурные ограничения в печати по данному вопросу, но и, возможно, распоряжение губернатора Приморского края от 22.12.2004 № 688-р «О ликвидации краевого государственного природоохранного учреждения «Природный парк "Хасанский"».

ДВО РАН и общественные экологические организации – ДВО WWF России, фонд «Феникс», экологический пресс-клуб «Последняя среда» на пресс-конференции 1 июня 2005 г. высказались резко отрицательно по поводу выбранного места строительства терминала. В зоне потенциально возможного влияния морского терминала расположены два заповедника федерального значения, включенные во Всемирную сеть биосферных резерватов «Юнеско», а также заказник «Барсовый» и ряд территорий регионального значения, относящихся к рекреационным землям. Приморские ученые Б. Преображенский, Д. Вышкварцев, С. Монинец показали, что возможность морских катастроф при использовании бухты Перевозной значительно выше, чем в альтернативных бухтах Приморья.⁷

⁴ Законодательное Собрание Приморского края. Владивосток: Изд-во «PR-сервис», 2003. С. 11.

⁵ Егоров А. «Рыбный душок» дошел до Москвы // АиФ-Приморье. 2004. № 6.

⁶ Moscow Times. 13.05.2005. № 3177. С. 10.

⁷ Народное вече. 2005. № 7 (325). С. 21–22.

На наш взгляд, позиция краевой администрации в этом вопросе имеет и внешнеполитический аспект, влечет за собой международную ответственность России как участника нескольких международных соглашений. В случае согласия властей на строительство терминала в бухте Перевозная, Россия коренным образом меняет курс развития этой части своей территории и развязывает соседним странам руки в отношении строительства морского порта в приустьевой части реки Туманная (Туманган) и развития «грязных» производств. Это, в свою очередь, совместно с терминалом, приведет к непоправимым экологическим последствиям, подрвет экономический, затем и политический статусы Приморского края, России в странах АТР, непременно отразится в социальной сфере региона.

Весьма показательны в этой связи отношения приморской политико-административной элиты и местного среднего и мелкого бизнеса, о чем свидетельствует пример Хасанского района Приморского края. Предприятий малого и среднего бизнеса, специализирующихся на добыче и разведении объектов марикультуры, предприятий туристического бизнеса в этом районе большинство. Однако предприниматели, которые имеют здесь производства по добыче и выращиванию морских деликатесов, владельцы туристических баз предпочли не вступать в конфликт с краевой властью. Объясняется все просто: строительство может затянуться на 3–5 лет, а лицензию недовольные потеряют уже сегодня. Значит, в крае реализуется та же модель отношений, которая сложилась между властной элитой и бизнесом на общероссийском уровне: крепкие связи с крупными компаниями (в том числе и «государственными») и игнорирование интересов среднего и мелкого бизнеса.

Есть основания утверждать, что самоорганизация элит на региональном уровне идет весьма активно. Причем с усилением вертикали государственной власти дальневосточной элите все сложнее осуществлять самостоятельные политические решения. Легче такие решения находят представители элит крупнейших регионов Дальнего Востока менее зависимых от Москвы. Нельзя не согласиться с мнением профессора ДВГА-ЭУ В. Фершта, который утверждает, что приморская элита активно рефлексировала, отлично осознавая свои возможности в весьма благоприятных для себя условиях стагнации, вернее деградации российского Дальнего Востока. Примером этому является представленная обществу в конце 2003 г. «Стратегия развития Приморского

края». В ней есть раздел, свидетельствующий о том, что к 2010 г. Приморье станет процветающим регионом. Пути достижения этого процветания акционирование и приватизация всех ресурсов края и превращение его в единую мощную частную корпорацию. Владельцами их станут руководители края и привлеченный для акционирования капитал. «Идея неплохая, активно работающая в интересах российской государственности, – делает вывод Фершт, – Кремль предпочитает, вероятно, превратить Дальний Восток в частную корпорацию, принадлежащую российскому капиталу, чем бездейственно наблюдать его преобразование в китайскую, американскую и японскую вотчины».⁸

Особое внимание Кремля к приморской элите подтверждает и тот факт, что президент В. Путин поручил именно приморскому губернатору С.М. Дарькину принять активное участие в реформах рыбной отрасли России. Еще 22 декабря 2003 г. В. Путин утвердил новый состав Президиума Государственного Совета РФ. Согласно президентскому Указу в него был введен губернатор Приморского края С. Дарькин. 27 января 2004 г. в Санкт-Петербурге Президент РФ провел заседание Президиума Госсовета РФ, на котором было принято решение о создании рабочей группы «О развитии и повышении конкурентоспособности рыбной промышленности России». Ее руководителем назначен губернатор Дарькин.⁹ Кроме того, весной 2004 г. вице-губернатор Приморского края Ф. Новиков вошел в рабочую группу президиума Госсовета России, призванную решить проблемы прибрежного перерабатывающего рыбного комплекса Дальнего Востока России.¹⁰

Самоорганизация и самоидентификация местных элит проявляется еще и в том, как активно осуществляются на местах социально-экономические программы. Тактические вопросы управления во многих случаях решаются современной дальневосточной элитой в целом положительно. Однако отсутствие стратегического мышления у современных политиков-бизнесменов не позволяет региональной элите выступить консолидированной силой. Поиск экономических выгод, политических дивидендов носит прагматичный эгоистический, а порой и конфликтный характер. Столкновение корпора-

⁸ Фершт В.М. и др. Загадки владивостокской элиты. Владивосток, 2004. С. 7.

⁹ Рогов Ю. Под контролем президента // *АиФ-Приморье*. 2004. № 27. С. 4.

¹⁰ *АиФ-Приморье*. 2004. № 10.

тивных интересов непременно находит отражение в политике. Здесь уточним, что побеждают те бизнес-структуры, которые имеют доступ прежде всего в политико-административные коридоры власти. Депутатский мандат имеет меньший вес, чем административная должность краевого масштаба.

Прагматичность элиты находит отражение и в противоречиях социальной политики. Тот же Р. Абрамович, будучи губернатором, не рассматривал безработицу и низкие доходы подавляющего числа граждан как первоочередную проблему региона и, к примеру, чтобы переоборудовать в Анадыре аэропорт, привез 500 югославов, поскольку это была «лучшая в мире фирма». Экономическое благополучие ощущается лишь той долей дальневосточников, которые заняты в компаниях добывающих отраслей («лес», «нефть», «рыба»), ориентированных на зарубежных потребителей. Подобная ситуация наблюдается на Сахалине: треть населения, которая работает в британских и американских компаниях, добывающих нефть, и в рыбодобывающей отрасли, живет более-менее благополучно, а две трети прозябают в нищете. Говоря о строительстве нефтепровода «Тайшет – Находка» приморская элита не просчитала объема вакансий рабочих мест, готовых принять приморцев далеких от специфики нефтяной отрасли и таких приморцев не мало.

В целом характеристики дальневосточной политической элиты укладываются в общероссийские тенденции: эгоцентризм, авторитаризм, корпоративизм. Поддержка широких масс населения сегодня не является сильным фактором продвижения в элиту (особенно приморскую), и это важно учитывать в свете проводящихся административных реформ. В регионе самый высокий уровень голосующих «против всех кандидатов», низок процент людей, приходящих на выборы. Низкий порог явки избирателей на выборы позволяет использовать грязные технологии для продвижения во власть «нужных людей». По нашему мнению, решение федеральных властей отменить в бюллетенях строку «против всех» является сомнительным. Если данное решение направлено на повышение ответственности и осознанности граждан в своем выборе, то вряд ли эта мера достигнет своей цели. Неуверенные в своей позиции люди могут просто не ходить на выборы. Скорее, голоса «против всех» – это протестные голоса. Отсутствие этой строки подвигает самых «обиженных» на другие способы выражения своего отношения к власти, причем за пределами выборного процесса. Порча

бюллетеней и отказ от голосования являются самыми мягкими формами протеста.

Заметим также и другие отрицательные стороны самоорганизации элит на региональном уровне. Патрон-клиентальные отношения, пронизывающие политическую жизнь региона, апатичность и апатия электората, доминирование административного ресурса формирования власти сокращают каналы рекрутирования политической элиты, приводят к ее заметной консервации, способствуют закреплению режимов личной власти первых лиц в политике (губернаторов, мэров). Как отрицательный факт признаем отсутствие организованной оппозиции не только на общероссийском, но и на местном уровне. К тому же отмена прямых губернаторских выборов обостряет вопросы кадровых решений. Моновластизм власти в центре и на местах повышает политические ставки и делает борьбу за власть еще более ожесточенной. Таким образом, власть не освобождается от экономического и кланового ресурса, а напротив получает еще большую зависимость от него.

Вышеизложенное позволяет заключить, что сегодня главной проблемой самоорганизации элит является отсутствие внутри нее единства в осознании общерегиональных проблем. Зачастую предприниматели идут во власть, чтобы, прежде всего, быстро реализовать собственные корпоративные экономические и политические интересы. А между тем, квалифицированная, рефлексивная элита с большим чувством ответственности за судьбу своей страны – одно из важнейших условий выхода России из кризиса, условие ее экономического, политического и духовного подъема. Очевидна необходимость консолидации элиты в стратегических вопросах определения приоритетных отраслей региональной экономики, превращения богатых ресурсов краев, областей Дальнего Востока из потенциальных возможностей в реальные факторы производства. Очевидна также необходимость поддержки элитой среднего и малого бизнеса, ее целенаправленная политика формирования среднего класса в регионе как оплота стабильности и процветания нации. От того, насколько этот факт будет осознан современной дальневосточной элитой, зависят перспективы общественного развития в дальневосточном регионе и позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Очевидны высокие потенциальные возможности дальневосточной элиты не только в общероссийском политическом процессе, но и в восстановлении мирового державного статуса России.

ПРИМЕНЕНИЕ РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

И.К. Воронин

Воронин Иван Константинович – аспирант Хабаровской государственной академии экономики и права.

В статье раскрывается роль ранговой (рейтинговой) оценки при подведении итогов работы подразделений территориальных органов: Федеральной регистрационной службы Минюста России, Федеральной службы исполнения наказаний Минюста России, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков за отчетный период для упорядочения общественных отношений в реализации механизма административно-правового регулирования.

The author dwells upon the role of rating estimation when summing up the work of the Regional Departments of Federal Registration Service of Russian Ministry of Justice, Federal Service of Judgment Execution of Russian Ministry of Justice, Federal Service of Narcotic Turnover Control for the period under review to regulate social relations when implementing the mechanism of administrative-law regulation.

В настоящее время эффективность работы подразделений Федеральной службы исполнения наказаний, оперативно-служебной деятельности территориальных органов Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной регистрационной службы Минюста России оценивается по методу рейтинговой оценки. Метод рейтинговой оценки опирается на статистическую отчетность подразделений за квартал, полугодие, год.

Статистическая отчетность территориальных органов Минюста России составлялась в соответствии с приказом Минюста России от 14.06.2001 № 181 «О введении в действие системы статистической отчетности Министерства юстиции Российской Федерации» по инструкции организационно-контрольного управления (ОКУ) Минюста России.

По методу, изложенному в инструкции, эффективность работы территориальных органов Минюста Российской Федерации осуществляется путем оценки результатов выполнения стоящих перед ними задач по ряду частных критериев, характеризующих результативность работы территориальных органов по отдельным направлениям их деятельности за отчетный период (полугодие, год), предусмотренных приказами Минюста России от 14.06.2001 № 181 и 24.12.2001 № 341.

В настоящее время на основе сравнительной оценки результатов работы подразделений Росрегистрации по направлениям их деятельности оцениваются общие места и устанавливаются ранги для каждого показателя деятельности. Ранги, полученные по отдельным показателям суммируются. Полученная сумма рангов ранжируется и выставляется общий ранг по направлениям деятельности.

В соответствии с Приказами Минюста России № 16 от 21.01.2003 «О введении системы статистической отчетности Министерства юсти-

ции Российской Федерации» и № 47 от 27.04.2005 «О совершенствовании статистической отчетности Министерства юстиции Российской Федерации и подведомственных ему федеральных служб» был установлен порядок предоставления статистической отчетности в структурных подразделениях Министерства юстиции Российской Федерации и подведомственных ему федеральных служб.

Функционирование системы статистической отчетности осуществлялось в соответствии с общегосударственной методикой статистической работы, определяемой государственным комитетом по статистике, а также положением, приказами, распоряжением Минюста России.

Статистическая отчетность представляет собой совокупность показателей о состоянии и результатах деятельности органов и служб Минюста России, формируемых структурными подразделениями центрального аппарата Минюста России, его территориальными органами и учреждениями на основе ведения первичных учетов.

Статистическая отчетность подразделяется на государственную и ведомственную.

Государственная статистическая отчетность предоставляется в сроки, определенные Минюстом России, по основным направлениям деятельности. Ведомственная статистическая отчетность может быть постоянной – вводится на длительный срок с определенной периодичностью представления, и временной – вводится на ограниченный период времени, который указывается на бланке форм.

Содержательная часть отчетности включает показатели, характеризующие те или иные направления работы, и состоит из одного или более разделов, имеющих название. Показатели формы представляются в виде таблицы, в графоклетки

которой заносятся основные значения показателей деятельности подразделений Минюста России. Основной формой статистической отчетности является первичный статистический учет, который ведется на бумажных носителях и в электронном виде¹.

Организационно-методическое руководство системой статистической отчетности осуществляет Департамент организации, координации и контроля Минюста России во взаимодействии с Организационно-контрольным управлением Федеральной регистрационной службы Минюста России и её территориальными органами.

Приказом Федеральной регистрационной службы № 133 от 09.09.2005 «Об организации ведения статистической отчетности Федеральной регистрационной службы» утверждена Инструкция по ведению ведомственной статистической отчетности Федеральной регистрационной службы, в соответствии с которой осуществляется подготовка в электронном виде и передача в Организационно-контрольное управление Федеральной регистрационной службы статистической информации по формам, утвержденным Приказом Минюста России от 30.08.2005 № 149 «Об утверждении форм ведомственной статистической отчетности Федеральной регистрационной службы».

Структурные подразделения Центрального аппарата Минюста России участвуют в контроле за сроками, полнотой и достоверностью предоставления статистической отчетности территориальными органами и службами Минюста России по своим направлениям деятельности.

Главные управления Минюста России по Федеральным округам осуществляют контроль за сроками, полнотой и достоверностью предоставления статистической отчетности территориальными органами Минюста России в субъектах Российской Федерации, входящими в состав соответствующего Федерального округа.

Ответственность за соблюдение логического и форматного контроля данных, полноту, достоверность и своевременность предоставления статистических отчетов несут руководители структурных подразделений территориальных органов и федеральных служб Минюста России².

Статистические показатели, характеризующие результаты работы территориальных органов Минюста России по основным направлениям их деятельности, определяются и утверждаются приказом министра юстиции (например, от 14.06.2001 № 181, от 24.12.2001 № 341 и др.).

На основе показателей, вошедших в перечень статистической отчетности (за полгода, год), формируется массив исходных данных, используемый для анализа деятельности территориальных органов Минюста России.

По направлению деятельности Федеральной регистрационной службы – государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним – входят такие показатели:

1) количество филиалов (представительств) учреждений юстиции по государственной регистрации прав;

2) количество сотрудников в филиалах (представительствах) и центральном аппарате Федеральной регистрационной службе (всего, из них регистраторов прав);

3) поступило заявлений на государственную регистрацию;

4) количество регистрационных действий, совершенных подразделением юстиции за отчетный период;

5) отказано в государственной регистрации;

6) выдано выписок (справок) из ЕГРП.

По объектам недвижимого имущества ежегодно в статистических сборниках приводится информация по государственной регистрации прав собственности: на земельные участки; участки недр; обособленные водные объекты; здания, сооружения, нежилые помещения; индивидуальные жилые дома, а также иные жилые помещения; предприятия как имущественные комплексы; участки лесного фонда – леса; иные объекты недвижимого имущества.

Фиксируются сведения об информации, выдаваемой подразделением юстиции по государственной регистрации прав, следующие:

– количество поступивших запросов, заявлений;

– выдано выписок, справок из ЕГРП: в течение срока, установленного законом; в течение срока, установленного иными законами; с нарушением срока, установленного Федеральным законом о регистрации и иными нормативными правовыми актами.

Приводятся сведения об обжаловании в судебном порядке действий подразделения юстиции: отказы в государственной регистрации; уклонение от государственной регистрации; отказ в предоставлении информации; иные действия Федеральной регистрационной службы.

¹ Ефимова М. Р., Петрова Е. В., Румянцев, В. Н. Общая теория статистики. М. : ИНФРА, 1997. 416 с.

² Кравцов С. П. Ответственность учреждений юстиции по регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Государственная регистрация прав на недвижимость: проблемы регистрационного права / отв. ред. А.Р. Кирсанов М. : Осъ-89. 2003. С. 516–525.

Кроме того, систематизируются сведения о подразделениях юстиции: количестве действующих на территории регистрационного округа отделов (секторов) подразделений юстиции; количестве сотрудников (из их числа регистраторов прав); количестве лиц, имеющих высшее юридическое образование; суммарный размер государственной пошлины, полученной за регистрацию прав и предоставление информации о зарегистрированных правах; общей сумме прочих поступлений (бюджетные средства, иные не запрещенные законом источники).

Материалы статистической отчетности могут быть использованы для оценки результатов деятельности подразделений правоохранительных органов Российской Федерации.

В Министерстве юстиции РФ создано организационно-контрольное управление (ОКУ) для координации деятельности и оценки результатов работы территориальных органов министерства по основным направлениям их работы.

В качестве примера приведем содержание методов оценок деятельности: уголовно-исполнительных инспекций и отделов (отделений, групп) ГУИН Минюста России и оперативно-служебной деятельности территориальных органов ФСКН России.

Оценка деятельности уголовно-исполнительных инспекций и отделов (отделений, групп) проводилась в соответствии с «Положением о рейтинговой оценке деятельности уголовно-исполнительных инспекций и отделов (отделений, групп) по их руководству территориальных органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» (далее – Положение), утвержденным Приказом Главного управления исполнения наказаний Минюста России №337 от 07.10.2003 с 01.01.2004 года.

В соответствии с Положением рейтинговую оценку рекомендуется проводить по таблице, в которой каждая строка соответствует определенному территориальному органу, а каждый столбец – оценочному показателю или его преобразованному значению (балл, место). Последние столбцы таблицы отводятся для итоговых расчетов рейтинговой оценки. Для каждого оценочного показателя определяется максимальное и минимальное значение. Лучшая величина показателя приравнивается к 1, а худшая – 0. Показатели регионов, имеющие оценочные показатели промежуточной величины, принимают значение от 0 до 1.

По каждому из показателей выставляется балл, который рассчитывается по формуле $B = Pn \times Kz$, где Pn – приведенный показатель; Kz – коэффици-

ент значимости, учитывающий неодинаковую важность каждого показателя, выраженный в долях единицы.

Сумма этих коэффициентов по всем оценочным показателям должна быть равна единице.

Итоговая рейтинговая оценка выводится в результате суммирования баллов, набранных территориальными органами по всем оценочным показателям и введение поправочного коэффициента с соответствующим знаком. Абсолютная величина поправочного коэффициента составляет 0–0,05. Лучшим признается территориальный орган УИС, имеющий максимальную итоговую сумму баллов.

Результаты оперативно-служебной деятельности территориальных органов ФСКН России оценивались с учетом показателей статистической отчетности оперативно-служебной деятельности территориальных органов ФСКН России и методики оценки эффективности оперативно-служебной деятельности ФСКН России, утвержденных приказом № 371 от 10.12.2004 г. Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков «О введении в действие ведомственной системы оценки эффективности оперативно-служебной деятельности территориальных органов ФСКН России».

В соответствии с этим приказом вводились в действие с 01.01.2005 основные показатели эффективности оперативно-служебной деятельности территориальных органов ФСКН России, которые основываются на ведомственных формах статистической отчетности ФСКН России (форма 9-ОР) и МВД России (форма 1-А):

1) удельный вес результатов деятельности территориального органа ФСКН России среди других правоохранительных органов субъекта Российской Федерации в общем количестве зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;

2) удельный вес результатов деятельности территориального органа ФСКН России среди других правоохранительных органов субъекта Российской Федерации в общем количестве тяжких и особо тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;

3) удельный вес результатов деятельности территориального органа ФСКН России среди других правоохранительных органов субъекта Российской Федерации в общем количестве зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических веществ, психотропных веществ или их аналогов.

4) удельный вес результатов деятельности территориального органа ФСКН России среди других правоохранительных органов субъекта Российской Федерации в общем количестве преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, организованной группой преступным сообществом, по оконченным предварительным расследованием уголовным делам, а также материалы, в результате рассмотрения которых принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям.

5) удельный вес результатов деятельности территориального органа ФСКН России среди других правоохранительных органов субъекта Российской Федерации в общем количестве изъятых наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ (по оконченным предварительным расследованием уголовным делам и материалам, в результате рассмотрения которых принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям).

Основные показатели оценки эффективности оперативно-служебной деятельности территориальных органов ФСКН России состоят из двух групп:

– первая группа показателей характеризует координирующую роль и степень влияния территориальных органов ФСКН России на наркоситуацию в регионе, исходя из удельного веса результатов деятельности территориального органа ФСКН России среди других правоохранительных органов. Для определения суммы показателей оценки эффективности оперативно-служебной деятельности по данной группе конкретного территориального органа ФСКН России каждое значение показателей (в процентах) суммируется. Сумма показателей сравнивается с аналогичной суммой показателей иных территориальных органов ФСКН России, после чего выводится соот-

ветствующий итоговый бал;

– вторая группа показателей характеризует работу собственно территориальных органов ФСКН России в сфере их компетенции по борьбе с организованной преступностью и подрыву экономических основ наркопреступности. Для определения суммарного балла по второй группе показатели эффективности оперативно-служебной деятельности конкретного территориального органа ФСКН России складывается ранговый показатель по зарегистрированным данным преступлениям.

Ранг территориального органа ФСКН России по результатам оперативно-служебной деятельности выводится исходя из суммы баллов первого и второго разделов и определяется с коэффициентом от 1 до 10.

Порядок ранговой оценки всех изложенных показателей сводится к определенной методологии расчета: сбора и аналитической обработки исходной информации; выбору системы критериев для оценки ранга; обоснование предельных значений выбранных характеристик и определение общего итогового ранга.

Установление ранга (рейтинга) между подразделениями позволяет выявить уровень каждого подразделения в служебной деятельности. Непосредственному руководству следует обратить внимание на подразделения с низким уровнем служебной деятельности с точки зрения повышения их квалификационной компетентности, улучшения материального обеспечения подразделений и глубокой проверки деятельности и возможности их реструктуризации. Вместе с тем рейтинговая оценка деятельности служб по направлению их работы позволяет решить вопрос о поощрении сотрудников подразделений, уровень которых по оцениваемым критериям оказался выше среднего и высоким.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫМ ДОСТУПОМ К СЕТИ СОТОВОЙ РАДИОТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

И.В. Лазарева

Лазарева Инна Владимировна – ведущий юрисконсульт Филиала ОАО «МТС» в Хабаровском крае.

В статье рассматриваются предпосылки формирования общей методики расследования преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сетям сотовой связи, а также предлагаются основные понятия, необходимые для ее разработки.

In article preconditions of formation of the common technique of investigation of the crimes connected with not authorized access to networks of cellular communication are considered, and also the basic concepts necessary for its development are offered.

Понятие «телекоммуникационные преступления», или преступления, совершаемые на сетях связи, является новым для теории и практики борьбы с криминальными явлениями в нашем государстве. В странах с развитыми информационными технологиями преступная деятельность, специализирующаяся на несанкционированном доступе к системам связи, возникла раньше, что способствовало выработке адекватных мер противодействия данному феномену и созданию соответствующей нормативной базы, предусматривающей уголовную и иную ответственность за правонарушения в телекоммуникационной сфере.

Интенсивное развитие проводных и беспроводных систем связи в России привело к появлению аналогичной проблемы «телефонного пиратства». Как отмечает Д.В. Костров, «объем мошенничества в телекоммуникационной сфере постоянно растет, из хаотичного «бизнеса» оно превращается в мощную управляющую индустрию; в России потери от фрода¹ не меньше, чем в мире»².

Помимо колоссального ущерба операторам связи от несанкционированного подключения к их системам, проблема преступности в этой сфере значительна ввиду нарастающих информационных угроз лицам, пользующимся услугами данных сетей. Особенно это актуально в связи с переходом к системам мобильной связи третьего поколения. По мнению Д. Русеева, «если до сих пор основанная цель мошенников состояла в уклонении от оплаты услуг связи, то с появлением 3G-систем можно ожидать смещение интересов мошенников в сторону хищения передаваемой по сети коммерческой информации, совершения покупок за чужой счет и т. п.»³.

Наши исследования показали, что на сегодняшний день информационные угрозы абонентам сотовых сетей успешно реализуются криминальными структурами: во-первых, прослушиванием мобильных телефонов, осуществляемого в целях сбора информации о жертве при подготовке к заказным убийствам, а также к иным преступлениям против личности человека; во-вторых, хищением информации, передаваемой по каналам связи, с целью влияния на бизнес, компрометации политических и государственных деятелей, работников государственных органов; в-третьих, завладением базами данных операторов связи, содержащих персональные сведения об абонентах (за последние годы отмечается увеличение числа случаев их похищения, что свидетельствует о повышенном интересе со стороны криминального общества).

Помимо этого, использование нелегальных средств связи и несанкционированное подключение к телекоммуникационным сетям осуществляется при подготовке к совершению преступлений против собственности граждан и организаций, а также для непосредственной реализации преступления в целях сокрытия следов такого деяния (исключения идентификации преступника).

О широком распространении «телефонной» преступности свидетельствует тот факт, что нелегальный оборот специальных технических средств (ручных сканеров, портативных систем глобального прослушивания, современных систем регистрации и хранения перехваченной информации и т.д.) входит в число самых доходных криминальных промыслов, занимая четвертое-пятое место после торговли наркотиками и оружием. Наиболее опасной тенденцией является слияние криминальных структур с террористическими организациями для проведения совместных операций. По данным Ассоциации по контролю за мошенничеством в телекоммуникациях (CFCA), одной из причин роста преступности на

¹ Фрод (англ. fraud – буквально *обман, мошенничество*) – деятельность, направленная на использование услуг связи без надлежащей оплаты (пояснение наше – И.Л.).

² Костров Д.В. Противодействие мошенничеству на сетях связи // Вестник связи. 2005. № 6. С. 16.

³ Русеев Д. Мошенничество в мобильных сетях и средства борьбы с ним // Мобильные телекоммуникации. 2003. № 2. С. 26.

сетях связи является активизация деятельности международного терроризма, организации которого контролируют сферу связи для незаконного получения доступа в своих целях.

Несмотря на серьезность негативных последствий, вызванных действиями злоумышленников на сетях связи, а также всю остроту проблемы, в России вопрос криминализации данных деяний до сих пор не решен. Следует отметить, что за некоторые виды правонарушений (самовольное подключение к сети электросвязи оконечного оборудования; самовольное проектирование, строительство, изготовление, приобретение, установку или эксплуатацию радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств; нарушение правил проектирования, строительства, установки, регистрации или эксплуатации радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств; использование несертифицированных средств связи либо предоставление несертифицированных услуг связи и др.) предусмотрена лишь административная ответственность⁴.

Вместе с тем следует отметить, что определенные шаги по противодействию преступным деяниям против операторов связи и их абонентов в России сделаны. Так, 7 октября 1998 г. был создан специальный правоохранительный орган – Управление по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий (сокр. УБПСВТ), в структуру которого включено подразделение (отдел) по борьбе с преступлениями в сфере телекоммуникаций⁵.

Рассматривая определение группы преступлений, совершаемых в области связи, необходимо сказать, что на этот счет существуют различные мнения. В практической деятельности правоохранительных органов, исходя из структуры отделов «К», их называют «телекоммуникационными»; в юридической литературе, основываясь на особенностях российского законодательства – «информационными», «компьютерными». В публицистике наиболее распространены понятия: «мошенничество на сетях связи», «фрод», что заимствовано из зарубежных источников, где термин «fraud» является устоявшимся. Наиболее общий смысл, вкладываемый в понятие «мошенничество в области связи» в иностранных источниках – это использование продуктов передачи данных или обслуживания без намерения оплаты.

⁴ Более подробно см.: КоАП РФ (ст. 13.2, 13.3, 13.4, 13.6).

⁵ В 2002 г. Управление БПСВТ упразднено, а его ресурсы переданы Управлению специальных технических мероприятий (УСТМ) МВД России; новое название – отдел «К» при УСТМ МВД РФ.

На наш взгляд, с учетом практических целей, более приемлем термин «телекоммуникационные преступления», к которому мы относим общественно опасные деяния, совершаемые с помощью средств связи, или такие, в которых объектом преступных посягательств выступает ресурс (продукт деятельности) различных систем связи. Одним из видов таких преступлений являются преступления, связанные с несанкционированным доступом к сети сотовой радиотелефонной связи.

С уголовно-правовой точки зрения, *преступления, направленные на несанкционированный доступ в мобильные системы связи*, мы определяем как *группу уголовно-наказуемых деяний, посягающих на отношения, обеспечивающие безопасность и нормальную работу сетей сотовой связи, непосредственным объектом которых являются личные права граждан, неприкосновенность частной сферы; экономические интересы субъектов, предоставляющих и потребляющих услуги сотовой связи; общественная и государственная безопасность*.

В условиях несовершенства действующего законодательства российская правоприменительная практика пошла по пути квалификации рассматриваемых нами общественно-опасных деяний по следующим нормам Уголовного кодекса:

- неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (ст. 272 УК РФ);
- создание программ для ЭВМ или внесение изменений в существующие программы, заведомо приводящих к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, а равно использование либо распространение таких программ или машинных носителей с такими программами (ст. 273 УК РФ);
- нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, в том числе совершенное лицом с использованием своего служебного положения или специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ч. 1, 2 ст. 138 УК РФ);
- незаконное производство, сбыт или приобретение в целях сбыта специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ч. 3 ст. 138 УК РФ);
- незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ);

– причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ);

– незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ).

Наше исследование показало, что в большинстве случаев, на практике, имеет место совокупность тех или иных вышеуказанных составов преступлений. Субъективная сторона данных деяний характеризуется умышленной виной в виде прямого и косвенного умысла. Неосторожная форма вины предусмотрена лишь в ч. 2 ст. 273 УК РФ по отношению к тяжким последствиям, причиненных созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ, а равно внесением вредоносных изменений в существующие программы.

При всем различии уголовно-правовых характеристик и квалификации, преступные деяния, направленные на доступ в системы сотовой связи, сходны в криминалистических признаках, принципах и подходах их выявления, раскрытия и расследования, что позволяет сформировать общую криминалистическую методику для реализации указанных задач.

Теоретико-методологические основы общей методики расследования преступлений⁶ заложены в трудах Р.С. Белкина⁷, И.М. Лузгина⁸, в которых отмечается, что тенденция комплексирования частнометодических криминалистических рекомендаций является одной из главных в современной криминалистической науке; а также в работах таких криминалистов, как: И.А. Воз-

грин⁹, А.В. Дулов¹⁰, Л.Л. Каневский¹¹, В.А. Образцов¹², Н.Г. Шурухнов¹³ и др. Кроме того, исследованиями методик данного вида занимаются М.В. Субботина¹⁴, С.Н. Чурилов¹⁵ и др. авторы.

Давая определение методике расследования *группы* преступлений, нельзя не согласиться с М.В. Субботиной, считающей, что она представляют собой «систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по раскрытию и расследованию нескольких видов преступлений, объединенных в единый предмет изучения на основе уголовно-правовых и криминалистических критериев»¹⁶.

По мнению В.А. Образцова, общие методики расследования относятся к категории предпосылочного знания, имеющего большое методологическое и эвристическое значение. Роль предпосылочного знания заключается в том, что оно выступает в качестве источника информации общего характера, используемого при решении конкретных вопросов¹⁷.

Как считает Н.Г. Шурухнов, наличие общей методики дает возможность по-новому подойти к построению частных рекомендаций, создавать целенаправленные и эффективные методики расследования отдельных видов преступлений, избегать повторения материала, который вынужденно присутствует в единичных частных методиках, что позволит перейти к их формализованному построению¹⁸. Учитывая состояние современного уголовного законодательства, и проблему криминализации многих общественно-опасных деяний и декриминализации существующих, Н.Г. Шурухнов справедливо отмечает, что «частные рекомендации не могут выполнять

⁶ Следует отметить, что ученые по-разному определяют название методик расследования преступлений нескольких видов (групп). Так, И.А. Возгрин называет их «особенными» (Возгрин И.А. Криминалистические методики расследования преступлений. Минск, 1983. С. 212–214); Л.Л. Каневский. «Общие положения методики расследования отдельных групп преступлений» (Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования преступлений несовершеннолетних : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1984. С. 14); Субботина М.В. придерживается определения «базовые методики» (Субботина М.В. Структура базовой методики расследования преступлений // Вестник криминалистики. Вып. 2 (18). М.: Спарк, 2006. С. 4–7); Шурухнов Н.Г., Дулов А.В. «Общие методики расследования преступлений» (Шурухнов, Н.Г. Назначение общей методики расследования преступлений, совершенных осужденными в ИТУ // Проблемы криминалистической теории и практики : сб. науч. тр. М.: Юридический ин-т МВД России, 1995. С. 75–83; Дулов А.В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск, 1985. С. 9). В данном вопросе мы поддерживаем позицию авторов, определяющих их как «общие методики расследования преступлений».

⁷ Белкин Р.С. Указ. соч. С. 339.

⁸ Лузгин И.М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. 1977. № 2. С. 65.

⁹ Возгрин И.А. Криминалистические методики... Указ. соч. С. 212–214.

¹⁰ Дулов А.В. Основы расследования преступлений... Указ. соч. С. 9.

¹¹ Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования... Указ. соч. С. 14.

¹² Образцов В.А. Теоретические основы раскрытия преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства. Иркутск, 1985. С. 5.

¹³ Шурухнов Н.Г. Назначение общей методики расследования... Указ. соч. С. 75–83.

¹⁴ Субботина М.В. Там же. С. 4–7.

¹⁵ Чурилов С.Н. Проблемы общего метода расследования преступлений. М., 1993. С. 59.

¹⁶ Субботина М.В. Структура базовой методики расследования преступлений // Вестник криминалистики. Вып. 2 (18). М.: Спарк, 2006. С. 4.

¹⁷ Образцов В.А. Криминалистика: модели и средств и технологический раскрытия преступлений : курс лекций. М.: Изд-во ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. С. 279.

¹⁸ Шурухнов Н.Г. Назначение общей методики расследования... Указ. соч. С. 81.

роль отправных при расследовании преступлений, вновь введенных в Уголовный кодекс, или применяться в случае изменения в содержании преступной деятельности, по этим причинам частные рекомендации постоянно нуждаются в серьезной корректировке»¹⁹. Кроме того, он считает, что необходимо сочетать разработку общих методик расследования определенных групп преступлений с последующей разработкой целенаправленных, рассчитанных на программирование, частных методик расследования преступлений, входящих в ту или иную группу²⁰.

В связи с определенными шагами к введению уголовной ответственности за совершение общественно-опасных деяний в сфере телекоммуникаций, создание общей методики расследования данных преступлений, на наш взгляд, будет способствовать эффективности расследования как предусмотренных действующим Уголовным кодексом РФ, так и вновь введенных преступлений.

Объективными предпосылками, позволяющими отнести преступления, связанные с несанкционированным доступом к сетям сотовой связи в одну криминалистическую группу, являются: а) общие закономерности преступной деятельности; б) общие закономерности процесса расследования.

Проведенные нами исследования показывают, что основаниями, относящимися к общим закономерностям преступной деятельности, являются:

1) предмет преступного посягательства;

2) общий механизм реализации преступлений, в основе которого лежат нарушения специальных правил доступа в сеть сотовой связи, а также характер следовой картины;

3) специфика обстановки – среды совершения преступления, которой является сеть мобильной связи, имеющая свои существенные особенности и условия функционирования.

Сходство в организации поисково-познавательной деятельности по выявлению и расследованию рассматриваемых преступлений проявляется, во-первых, в общей специфике проведения тактики следственных действий по данным делам; во-вторых, в общем характере типичных следственных ситуаций, складывающихся в процессе расследования и тактических комплексов по их разрешению.

Таким образом, данные криминалистические особенности, на наш взгляд, позволяют сформировать общую методику расследования преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сетям сотовой связи.

Ключевым фактором для группирования данных преступлений являются особенности способа совершения преступлений, который представляет собой несанкционированный доступ к сетям сотовой связи.

Понятие «несанкционированный доступ» является основополагающим в сфере обеспечения безопасности на сетях связи. В соответствии со ст. 7 Федерального закона «О связи», принципы защиты сетей и сооружений связи направлены против действий, именуемых в совокупности «несанкционированным доступом»²¹. Аналогичные нормы предусмотрены в новом Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором в обязанности операторов информационной системы в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, вменяется обеспечение предотвращения несанкционированного доступа к информации и (или) передачи ее лицам, не имеющим права на доступ к информации; своевременное обнаружение фактов несанкционированного доступа к информации (п.п. 1; 2 п. 4 ст. 16)²².

Нормативное определение несанкционированного доступа закреплено в настоящее время только по отношению к информации, и отражено в Руководящем документе Гостехкомиссии России «Защита от несанкционированного доступа к информации. Термины и определения»²³. В соответствии с п. 4 данного документа, несанкционированный доступ к информации (НСД) – это доступ к информации, нарушающий правила разграничения доступа с использованием штатных средств²⁴, предоставляемых средствами вычислительной техники или автоматизированными системами.

²¹ Федеральный закон РФ от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

²² Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 июля.

²³ Руководящий документ Гостехкомиссии России «Защита от несанкционированного доступа к информации. Термины и определения». М.: ГТК РФ, 1992. 13 с.

²⁴ Под штатными средствами понимается совокупность программного, микропрограммного и технического обеспечения средств вычислительной техники или автоматизированных систем (Примечание к п. 4 Руководящего документа Гостехкомиссии России «Защита от несанкционированного доступа к информации. Термины и определения»).

¹⁹ Шурухнов Н.Г. Назначение общей методики расследования... Указ. соч. С. 76.

²⁰ Там же. С. 76.

Говоря о несанкционированном доступе к телекоммуникационным системам, следует отметить, что в Министерстве информационных технологий и связи РФ готовится проект нормативного акта «Требования по защите сетей связи от несанкционированного доступа к ним и защите передаваемой по ним информации»²⁵, в котором предусмотрены следующие определения несанкционированного доступа (НСД): 1) «НСД – это нарушение регламентированного доступа к объекту защиты»; 2) «НСД к информации – незапланированное ознакомление, обработка, копирование, а также модификация или уничтожение передаваемой информации в нарушение установленных правил разграничения доступа». Данные определения, на наш взгляд, соответствуют специфике, имеющейся на сетях связи, и принятие указанного документа, как нам кажется, будет способствовать решению проблем их защиты.

Руководствуясь вышеназванными документами, несанкционированный доступ к сети сотовой связи следует определить в криминалистическом аспекте как нарушение установленного порядка доступа к элементам сети сотовой связи, предоставляемым услугам связи, а также информации, циркулирующей в сети сотовой связи. Преступными последствиями таких действий являются нанесение ущерба и причинение вреда государству, пользователю (организациям и физическим лицам) или оператору связи.

Необходимо отметить, что правила разграничения доступа в сетях сотовой связи установлены нижеследующим.

Во-первых, правовыми нормами, регулирующими порядок подключения к сети подвижной связи и ее эксплуатации.

Так, в силу Федерального закона «О связи», Правил оказания услуг подвижной связи²⁶, пользователем (абонентом) сети связи может стать лицо – физическое (гражданин) или юридическое, с которым заключен договор об оказании услуг подвижной связи при выделении для этих целей абонентского номера или уникального кода идентификации.

Порядок пользования сетью связи закрепляется в вышеуказанных нормативных актах, а также в абонентском договоре, условия которого должны соответствовать действующему законодательству.

Во-вторых, нормативными и локальными актами, предусматривающими порядок доступа к информации, находящейся в сети сотовой связи.

Конституция РФ, ст. 63 Федерального закона «О связи» закрепляют гарантии тайны телефонных переговоров, передаваемых по сетям электросвязи. Ограничения права на тайну телефонных переговоров и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи, допускается только в случаях, предусмотренных федеральными законами.

В соответствии со ст. 53 Федерального закона «О связи», сведения об абонентах и оказываемых им услугах связи, ставшие известными операторам связи в силу исполнения договора об оказании услуг связи, являются конфиденциальной информацией и подлежат защите в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, в отношении информации, находящейся в сети сотовой связи существует особый режим защиты, и соответственно доступа.

В третьих, техническими требованиями организации сети сотовой связи.

Основными техническими правилами доступа в сеть сотовой связи является соблюдение процедур:

а) аутентификации (т. е. определения подлинности, действительности, наличия прав на пользование услугами связи, выражающейся в цифровых системах связи в шифровании некоторых паролей-идентификаторов);

б) идентификации (т. е. установления принадлежности к одной из групп, обладающих определенными свойствами²⁷ окончного оборудования, а также авторизации прав пользователя).

Нарушение установленных прав и правил доступа к услугам связи, информации, находящейся в сети связи, а также преодоление технических процедур ее защиты, является несанкционированным доступом.

Для всех случаев несанкционированного доступа характерен общий процесс его реализации. Как указывают А.А. Чекалин, А.В. Заряев и др., в телекоммуникационных системах (ТКС) он заключается в следующем:

- а) сборе сведений о системе в целом;
- б) изучении системы защиты информации в ТКС и выделении ее слабых мест;
- в) анализе и разработке средств воздействия на средства защиты информации на основе но-

²⁵ Материалы официального сайта Министерства информационных технологий и связи РФ/<http://minsvaz.ru>

²⁶ Постановление правительства РФ от 25 мая 2005 г. № 328 «Об утверждении правил оказания услуг подвижной связи» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 22. Ст. 2133.

²⁷ Ратынский М.В. Основы сотовой связи / под ред. Д.Б. Зимина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Радио и связь, 2000. С. 53.

вых информационных технологий (преодоление средств защиты происходит там, где злоумышленник имеет более мощные (развитые) информационные технологии);

г) разработке средств воздействия на инфраструктуру;

д) попытке вхождения в сеть, преодолении средств защиты и осуществлении требуемого воздействия на информационный ресурс пользователей сети или общей сетевой ресурс²⁸.

Таким образом, преступления, связанные с несанкционированным доступом к сетям сотовой связи, представляют собой группу различных по уголовно-правовой квалификации, но сходных по своим криминалистически значимым признакам видов уголовно-наказуемых деяний. На наш взгляд, в криминалистической классификации рассматриваемых преступлений необходимо выделить:

1) преступления, связанные с использованием услуг сотовой связи в неправомерном режиме;

2) преступления, связанные с завладением информацией, находящейся в сети сотовой связи;

3) преступления, связанные с воздействием на элементы сети сотовой связи.

Рассматривая задачи общей методики расследования преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сетям сотовой связи, необходимо отметить, что главными из них являются выявление общих закономерностей совершения обозначенных преступлений, а также разработка положений по организации и осуществлению работы по их раскрытию, расследованию и доказыванию.

В соответствии с указанными задачами, а также спецификой рассматриваемых криминальных деяний, в структуру общей методики расследования преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сетям сотовой связи, на наш взгляд, должно быть включено следующее.

1. Общая криминалистическая характеристика исследуемых событий с выявлением взаимосвязи ее составляющих, обуславливающих особенности расследования всех преступлений, входящих в эту группу. К таким составляющим следует отнести криминалистически значимые сведения:

а) о видовом предмете преступного посяательства;

б) способах подготовки, совершения и сокрытия преступлений, следовой картине, характерной для указанных преступлений;

в) типичной личности, совершающей рассматриваемые преступления, мотивах и целях преступления;

г) об условиях совершения преступления (особенностях обстановки).

2. Организационно-методические особенности выявления и расследования преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сетям сотовой связи.

а) обстоятельства, подлежащие установлению во всех случаях исследования определенных событий;

б) основные положения выявления преступлений, входящих в данную группу;

в) особенности расследования в зависимости от типичной следственной ситуации;

г) особенности подготовки и производства важнейших первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, назначения судебных экспертиз.

Основу методики расследования общественно-опасных деяний, связанных с несанкционированным доступом к сети сотовой связи, представляет криминалистическая характеристика преступлений, т. е. *система обобщенных сведений о наиболее типичных, криминалистически значимых признаках преступлений, закономерно связанных между собой и характерных для всех преступлений, входящих в группу.*

Тенденция роста числа преступлений, совершаемых в сфере телекоммуникаций в России, вызывает необходимость изучения проблем их раскрытия и предотвращения. В связи с этим формирование общей криминалистической методики расследования данного вида общественно-опасных деяний является, на наш взгляд, актуальной задачей криминалистической науки.

²⁸ Защита информации в системах мобильной связи : учеб. пособие для вузов /А.А. Чекалин [и др.] ; под общей науч. редакцией д-ра техн. наук А.В. Заряева и д-ра техн. наук С.В. Скрыля. 2-е изд. испр. и доп. М. : Горячая линия–Телеком, 2005. С. 52.

ИСТОРИЯ

СТАНОВЛЕНИЕ «ПРАВОВОГО ПОЛЯ» ДЛЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРИОД КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Е.К. Пилилян

Пилилян Елена Константиновна – доцент кафедры общегуманитарных наук Дальневосточной академии искусств.

Статья посвящена истории формирования «правового поля» для развития предпринимательства в России и на юге Дальнего Востока в период перехода к рыночной экономике. Дано авторское определение «правового поля», отражены особенности становления его в России и последствия этого процесса для развития предпринимательства в сложный период трансформации экономики.

The article deals with the history of the formation of legal environment for the development of entrepreneurship in Russia and in the South of the Russian Far East during transition to market economy. The author gives her own definition of “legal environment” and dwells upon the peculiarities of its formation in Russia and the consequences of this process for the development of entrepreneurship in a difficult period of economic transformations.

Исторический процесс становления правовых основ современной предпринимательской деятельности имеет свои особенности и логику протекания, выявить которые возможно только через осмысление специфики отношения государства к правовому обеспечению предпринимательства в различные периоды российской истории. Функции государства при этом менялись, но всегда оставалась зависимость предпринимательской деятельности от разрешений, запрещений, поощрений государства.

Авторская концепция¹, составной частью которой является положение о том, что складывание «правового поля» российского предпринимательства происходило в расширении «исторического пространства», потребовало введения в исследование этой категории, которая отражает качественные различия между периодами развития предпринимательства и отношения между государством и предпринимателями на правовой основе.

«Историческое пространство» для формирования российского (в том числе и современного) предпринимательства складывалось из совокупности политических, хозяйственных и культурных традиций в жизни россиян. Совокупность этих отношений, выраженная в системе социально-экономических связей, определила структуру

и характер интересов делового мира в тот или иной период истории России. Категория «исторического пространства» введена нами исходя из специфики развития изучаемого явления, которое на одних этапах проявлялось в преемственности традиций и культуры при нормативном оформлении законодательных актов, на других – в дискретности. Это позволило показать не только связь времен и событий, влиявших на самоорганизацию предпринимателей, но и объяснить причины постоянного запаздывания с разработкой и принятием на государственном уровне нормативно-правовой базы, обеспечивавшей развитие предпринимательской деятельности экономически активной части населения России.

Под «правовым полем» нами понимается система взаимодействия права, законности и правопорядка, определяющая регламент взаимоотношений субъектов рынка между собой как по горизонтали, так и по вертикали, а также между потребителями и субъектами рыночных отношений. «Правовое поле» отражает, закрепляет и реализует интересы граждан через упорядочение экономических, социальных, политических и духовных процессов, придавая им юридические гарантии функционирования и развития.

Основой «правового поля» является право как базовый элемент, без которого не могут возникнуть законность и правопорядок. То есть «правовое поле» – это не только система действующих норм права, закрепленных в законах, нормативных указах Президента РФ и постановлениях правительства РФ, федеральных органов государственной власти, органов государствен-

¹ Под концепцией мы понимаем определенный системный способ понимания, трактовки каких-либо явлений; совокупность конструктивных принципов их изучения, что требует наиболее полного, соответствующего реальности, понимания объекта, состояние или отдельные процессы которого предполагалось исследовать.

ной власти, субъектов РФ и органов местного самоуправления, но и ответственность за исполнение принятых норм и механизм их реализации.

Предназначение правового регулирования состоит в том, чтобы создать правовое пространство для возникновения, функционирования и развития рыночных отношений. Реанимация предпринимательства в России в конце XX в. требовала формирования соответствующего «правового поля». Чтобы выявить традиции, закономерности и особенности этого процесса, нам потребовалось выделить и изучить три больших периода этого процесса: дооктябрьский, советский и современный (постсоветский). Однако исторические «рамки» данной статьи ограничены периодом конца XX–начала XXI в., так как этот период формирования предпринимательства на юге Дальнего Востока России достаточно слабо изучен.

Современный период – основной для нашего исследования – наиболее сложен насыщенностью событий и скоротечностью глубоких перемен в обществе. Важно выделить в нем несколько этапов: 1) 1985–1989 гг.; 2) 1990–1991 гг.; 3) 1992–1994 гг.; 4) 1995 – по настоящее время. Данная периодизация, предложенная Л.А. Моисеевой, объективна, поскольку «она обусловлена развитием политических событий и изменениями в идеологической установке, которые определили с 1985 г. иную жизнь российского общества»².

Начало формирования современного «правового поля» для предпринимательства было связано с тем, что страна вошла в состояние опаснейшего кризиса, получившего название «системного»³.

К середине 80-х гг. стало очевидным, что административно-командные методы управления ЦК КПСС себя исчерпали. С приходом в 1985 г. нового партийного руководства во главе с М.С. Горбачевым были предприняты меры по усовершенствованию управления экономикой⁴.

² Моисеева Л.А. История формирования предпринимательства на Дальнем Востоке России (1985–2000 гг.) : автореф. дис.... д-ра ист. наук. Владивосток : Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2004. С.6.

³ «Системный кризис» означал, во-первых, что им были поражены все без исключения сферы и институты общества и государства; во-вторых, наличие объективно обусловленных, взаимозависимых кризисных явлений, их определенной иерархии, глубины и распространенности, когда кризис одних элементов неизбежно порождает кризис других, другие – кризис третьих и так до бесконечности.

⁴ Ускорение социально-экономического развития страны – задача всей партии, всего народа. М. : Политиздат, 1986. С. 8–31.

Очень медленно, через преодоление сопротивления противников экономических перемен, расширялось «правовое поле», создавались условия для возрождения экономической активности у россиян. Основой этого процесса был призван стать Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», одобренный июньским Пленумом ЦК КПСС⁵ и принятый Верховным Советом СССР 30 июня 1987 г.⁶ В последующие месяцы была проведена большая работа по пересмотру всех, ранее принятых законодательных актов, решений правительства, нормативных документов и инструкций министерств, государственных комитетов и ведомств, с тем чтобы привести их в полное соответствие с принятым Законом СССР «О государственном предприятии (объединении)»⁷.

Характеризуя этот этап перестройки, М.С. Горбачев назвал его важнейшим результатом создания в обществе новой идейно-нравственной атмосферы, для которой характерны были гласность, критика и самокритика, углубляющийся процесс демократизации⁸.

Второй этап перестройки в экономике означал переход от экспериментальной проверки новых методов хозяйствования на полный хозрасчет и самофинансирование различных отраслей материального производства. В 1988 г. в новых условиях работали уже 30 союзных министерств. Перестраивалась на новых принципах хозяйствования структура и методы работы министерств и ведомств сферы материального производства, а также республиканские и местные органы хозяйственного управления.

Наиболее значительным шагом в истории создания правовых предпосылок и условий для формирования предпринимательства в конце XX в. являлось восстановление негосударственных форм хозяйствования, в первую очередь, кооперативов. Были приняты Постановления Совета Министров СССР «О создании кооперативов общественного питания», «О создании кооперативов по производству товаров народного по-

⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня 1987 г. М. : Политиздат, 1987. С. 78.

⁶ Ритм перестройки. Год 1987 ; Сост. А.Ф. Румянцев. М. : Политиздат, 1988. С. 10–12.

⁷ Панорама экономической перестройки. М. : Мысль, 1989. С. 113–141.

⁸ Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 г. М. : Политиздат, 1987. С. 39.

требления» и др. По состоянию на 1 января 1988 г. в стране уже было создано 13591 кооператив. С принятием Закона «О кооперации в СССР» (1988 г.) завершился переломный период возрождения кооперативов как объективно необходимой части общественного уклада. Только за первое полугодие 1988г. число действовавших кооперативов выросло в 2,4 раза, достигнув 32,6 тыс. (зарегистрировано же было 54,8 тыс.). Через год их стало 77,5 тыс., а к 1990 г. – 300 тыс. Соответственно увеличилась и численность членов кооперативов – со 155 тыс. человек до 5,6 млн человек⁹.

Кооперация стала важнейшей общественной формой проявления экономической самостоятельности и творческой активности людей, что способствовало возникновению малого бизнеса. Эти особенности кооперативной системы хозяйствования определяли ее преимущества как распространенной формы предпринимательской деятельности. Однако еще в 1919 г. великий российский ученый А.В. Чаянов писал: «Коллективное сознание и воля всегда менее подвижны, более медлительны, менее напряжены и почти не допускают интуиции, столь важной во всяком предпринимательстве. Артельная коллективная воля, прежде всего, слаба, как воля организующая и предпринимательская, слаба она и как воля принуждающая...»¹⁰.

Вместе с тем развитие кооперативного предпринимательства в России позволило создать действенные формы стимулирования предприимчивости и конкуренции в сфере производства, торговли и обслуживания населения. Началось формирование многоукладной экономики за счет умножения частной собственности граждан. С 1990–1991 гг. многие кооперативы стали преобразовываться в другие, вновь разрешенные государством, формы предпринимательской деятельности, чаще всего в общества с ограниченной ответственностью или закрытые акционерные общества.

На Дальнем Востоке в 1992 г. действовало 5333 кооператива¹¹, в том числе в Приморском крае – 1841 кооператив, в Хабаровском крае и Амурской области – более 400¹².

⁹ Российское предпринимательство: история и возрождение. В 3 кн. Кн. 1 / главн. ред. Ю.В. Волков. – М. : Русское деловое агентство, 1997. С. 14–17.

¹⁰ Чаянов А.В. Избранные произведения. М., 1989. С. 266.

¹¹ Подсчет производился по всему Дальнему Востоку, но далее называются только Приморский, Хабаровский края и Амурская область – территориальные рамки нашего исследования.

¹² Моисеева Л.А. История формирования предпринимательства на Дальнем Востоке России (1985–2000 гг.) : дис.... д-ра ист. наук. Владивосток : Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2004. С. 179.

Образованная при М.С. Горбачеве «рабочая группа» по разработке реформ во главе с академиком С.С. Шаталиным и Е.Т. Гайдаром, ориентировала страну на «народный капитализм». Однако сознание людей, в течение десятилетий «обрабатывавшееся» идеологией ЦК КПСС на непринятии капитализма, с трудом воспринимало суть рыночных отношений. 70 % населения слабо представляло себе рыночные отношения и не было еще готово к ним¹³.

Такое положение во многом объяснялось отставанием в создании правовой основы для развертывания предпринимательской инициативы. Несмотря на то, что с 1989 г. действовали Законы РСФСР «О собственности на территории РСФСР» и, вышедшие в 1990 г. Постановление Совета Министров РСФСР «О стимулировании предпринимательской деятельности» и Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «Об организации института системных исследований проблем предпринимательства и маркетинга» при Совете Министров РСФСР № 574 от 4 декабря 1990 г.¹⁴, население страны осторожно допускало возможность собственной предпринимательской деятельности. Сыграл в этом свою роль и тот факт, что в принятых документах не были введены понятия предпринимательства и предпринимательской деятельности, которые открывали бы возможность выбора сферы деятельности перед экономически активной частью населения.

Изменил положение дел Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. «О предприятиях и предпринимательской деятельности», вступивший в силу с 1 января 1991 г.¹⁵. В статье 1 этого закона было следующее юридическое определение понятия «предпринимательства»: «Предпринимательская деятельность (предпринимательство) представляет собой инициативную деятельность граждан и их объединений, направленную на получение прибыли». Конечно, такое определение было не полным, но то, что политическая элита признала за гражданами России право «на прибыль» как результат свободной инициативной экономической деятельности, можно расценивать как значительные подвижки в создании правового пространства для становления нового российского предпринимательства.

¹³ Переход к рынку. Концепция и Программа. М. : Политиздат. 1990. С. 3–9.

¹⁴ Предпринимательская деятельность в России : сб. законодательных и нормативных актов / сост. В.Н. Берзин, Е.В. Давыдов, В.Г. Смольков, В.М. Федин. М., 1991. С. 289–303.

¹⁵ См.: Ведомости РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418.

Законом предпринимательской деятельности устанавливались гарантии предпринимательской деятельности, среди них: недопущение отказа в регистрации предприятия по мотивам нецелесообразности; равные условия деятельности предприятий, независимо от вида собственности и их организационно-правовых форм; защита имущества предприятия от незаконного изъятия; недопущение монопольного положения на рынке отдельных предприятий и их объединений и недобросовестной конкуренции и др. Закон запрещал вмешательство государства и его органов в деятельность предприятия, кроме как по установленным законодательством основаниям и в пределах полномочий государственных органов¹⁶.

Процесс обновления законодательства продолжался, уже в 1991 г. был разработан проект нового Уголовного кодекса Российской Федерации, в котором глава об ответственности за так называемые хозяйственные преступления была объединена с преступлениями против собственности. Определяющими были положения о необходимости предельного ограничения вмешательства государства в предпринимательскую деятельность. Государство лишь должно было бороться с криминальным предпринимательством, извлекая прибыль из действий, наносящих ущерб обществу¹⁷.

В этих условиях стало постепенно меняться отношение населения к частной собственности. Доля тех, кто поддерживал все формы частной собственности даже в условиях «шоковой терапии», увеличилась: в 1990 г. она составляла 43 %, а в ноябре 1991 г. – 51 %, в феврале 1992 г. – 56 %¹⁸.

Отставания в принятии правовых основ предпринимательской деятельности были спецификой развития «правового поля» в третий (постсоветский) период его формирования. Это порождало социально-экономический хаос и политическую нестабильность. К примеру, термин «приватизация» впервые упоминается в Законе от 31 октября 1990 г. «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР»¹⁹. Важное значение имел закон от 24 декабря 1990 г. «О собственности в РСФСР», однако, он не связан и не получает дальнейшего развития в этом

Законе²⁰. На основании этих законов разворачивается стремительная приватизация на Дальнем Востоке с массой злоупотреблений и нарушений. Однако только 11 июня 1992 г. Верховным Советом Российской Федерации была принята «Государственная программа приватизации государственного имущества в Российской Федерации» и вышли другие Указы Президента РФ от 14 октября 1992 г. № 1230 «О регулировании арендных отношений и приватизации имущества государственных и муниципальных предприятий, сданного в аренду»²¹ и от 27 ноября 1992 г. № 1483 «О недопущении дискриминации приватизированных предприятий при оказании государственной финансовой поддержки»²² и др.

К концу 1992 г. в Хабаровском крае 731 предприятие уже относились к новым структурным предпринимательским объединениям, из них: компании с ограниченной ответственностью составляли – 79,1 %; акционерные общества – 28,7 %; ассоциации – 5,7 %²³. В Приморском крае соотношение новых структурных образований в экономике 1992 г. было иным, чем в Хабаровском крае. Из 3499 частных предприятий 38,4 % составляли компании с ограниченной ответственностью, 5,3 % – акционерные общества, 3,4 % – ассоциации. Если в Хабаровском крае не было создано ни одного концерна, то в Приморском крае к концу 1992 г. их было 8²⁴. В Амурской области оставалось 454 кооператива, были образованы 143 компании с ограниченной ответственностью, 18 акционерных обществ, 40 ассоциаций и 2 концерна²⁵.

²⁰ Там же. № 30. Ст. 416.

²¹ САПП. 1992. № 23. Ст. 1881.

²² САПП. 1992. № 22. Ст. 1878.

²³ Подсчитано и проведен сравнительный анализ на основании источников: Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.р. 904, оп. 10. Д. 2574. Л. 6–8, 10–11, 21–24, 30–32; Ф.р. 1971, оп. 1. Д. 364. Л. 24–28. Д. 365. Л. 7–81; Сибирь и Дальний Восток в цифрах. М.: РНИИЦ, 1992. С. 23–30, 60–69, 70–72, 74–75; Дальний Восток: экономический потенциал. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 500–530.

²⁴ Подсчитано на основании: Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф.р. 131, оп. 13. Д. 248. Л. 12, 18–24, 27. Д. 250. Л. 5–17, 18–19, 44–46, 49, 64–66. Д. 251. Л. 24–28. Д. 302. Л. 17–19, 25–27. Д. 303. Л. 71–74, 90–95; Ф.р. 85, оп. 9. Д. 230. Л. 24–26, 130–136, 140–144; Статистический ежегодник «Приморский край в 1995 году». Владивосток, 1996. С. 14–27; Некоторые показатели экономики Российской Федерации в 1992 году. М., 1993. С. 37–42.

²⁵ Амурская область в 1992 г. Благовещенск: стат. издат. С. 3–10; Сибирь и Дальний Восток в цифрах. М., 1992. С. 36–39, 70–72, 75–78; Некоторые показатели экономики Российской Федерации в 1992 году. М., 1993. С. 30–34, 40–49, 51–52 и др.

¹⁶ См.: Ведомости РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.

¹⁷ Преступление и наказание. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и А.В. Наумова. М., 1993. С. 156.

¹⁸ Подсчитано на основании: Информационный бюллетень ВЦИОМ. Вып. 4. М.: Политиздат, 1992. С. 4–6.

¹⁹ Ведомости РСФСР. 1990. № 22. Ст. 260.

Таким образом, спецификой начала третьего (постсоветского) периода формирования «правового поля» для развития предпринимательской деятельности являлось опережающее создание новых хозяйственных структур в условиях постоянного запаздывания принятия соответствующих законов. Всего на Дальнем Востоке в 1992 г. было 9156 частных собственников. Доля владельцев компаний с ограниченной ответственностью, акционерных обществ, ассоциаций, концернов и консорциумов составляла свыше 40 %.

Определенные сложности в приватизации были связаны с тем, что с 1993 г. одновременно действовали две государственные программы: «Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации», утвержденная Указом Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2284²⁶, и «Основные положения государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации», утвержденные Указом Президента РФ от 22 июля 1994 г. № 159²⁷. Методические рекомендации по их применению существенно отличались²⁸, что ставило властные структуры Дальневосточного региона в затруднительное положение. Обе эти государственные программы официально не были отменены в течение всего исследуемого нами периода.

В этих условиях нужна была концепция государственной политики поддержки и развития нарождавшегося нового российского предпринимательства. Политическая элита осознавала необходимость пересмотра характера взаимоотношений между государством и малым предпринимательством, поскольку значительная часть трудностей и препятствий на пути становления и развития российского предпринимательства лежала за рамками самой сферы предпринимательской деятельности. Поэтому крупнейшим актом, внесшим серьезные изменения в отношении государства к предпринимательству был закон РФ от 1 июля 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с упорядочением ответственности за незаконную торговлю»²⁹. Среди дополнений очень

значительной была статья 162 – «О незаконном предпринимательстве». Незаконность заключалась теперь в осуществлении предпринимательской деятельности без регистрации или специального разрешения (лицензии), или с нарушением условий лицензирования.

Вместе с тем общество и государство имели основополагающий документ – Конституцию Российской Федерации 1993 г., где содержались критерии по проблемам собственности, гарантиям свободы экономической деятельности, системе налогов и т.д. Россия впервые была провозглашена социальным государством, политика которого, в том числе и в области предпринимательства, должна была служить созданию условий для достойной жизни и свободного развития человека.

Неразвитость системы информационной поддержки предпринимателей явилась к 1999 г. одной из сложнейших проблем. Необходимую информацию дальневосточные предприниматели получали преимущественно из СМИ (70 %), из специализированных изданий (50 %), из сети Интернет (30 %). Практически недоступна была широкому кругу предпринимателей информация о мерах государственной поддержки, об услугах по кредитованию (в том числе – льготному) и лизингу, о потенциальных инвесторах, о новых технологиях и оборудовании³⁰.

За 1992–2000 гг. государством было создано в России новое «правовое поле», регулировавшее процесс формирования предпринимательства. Принято было более 90 нормативно-правовых актов, не предусматривавших, однако, механизмов их реализации. Особенно незащищенными оказались малые и средние предприниматели.

Поскольку система гражданского права длительное время находилась в процессе формирования и третья часть Гражданского Кодекса РФ была принята Федеральным законом только 26.11.2001 г. № 147-ФЗ, а введена в действие с 1 марта 2002 г., в обществе сохранялась надежда на то, что в нем будут главы или разделы, посвященные только предпринимательству. В Ст. 2 Гражданского Кодекса РФ была дана новая формулировка: «Предпринимательской является, осуществляемая на свой страх и риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания

²⁶ САПП. 1994. № 1. Ст. 2.

²⁷ САПП. 1994. № 3. Ст. 1478.

²⁸ Приватизация государственных и муниципальных предприятий в России. Сборник документов. Вып. 4. М., 1994. С. 31–117.

²⁹ См.: Жилинский С.Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности). М.: Изд-во НОРМА, 2003. С. 912.

³⁰ См. более подробно: Моисеева Л.А. Государственная политика развития предпринимательства на Дальнем Востоке России (1985–2000 гг.). Владивосток, 2002. С. 411.

услуг лицам, заинтересованным в этом качестве услуг в установленном законом порядке»³¹.

Но и в этой формулировке не были отражены связь предпринимательства с обществом и его ответственностью перед ним, не указана инновационная сущность предпринимательства и др. Предложенная законодателями формулировка не отличалась достаточной определенностью, допускала различные толкования и нуждалась в уяснении ее смысла.

Слабая правовая обеспеченность и незащищенность вели к тому, что большинство предпринимателей старались обращаться к государственным структурам как можно реже. Результаты опроса Ассоциации «Дальстат» в 2000 г. показали, что на вопрос анкеты: «Как вы решаете свои проблемы?» 77,8 % предпринимателей юга Дальнего Востока России ответили: «Через личные каналы». Основную поддержку при создании своего бизнеса люди получили от друзей, знакомых и общественных объединений предпринимателей³².

Необходимо отметить, что на I съезде предпринимателей Приморского края, состоявшемся 1–2 декабря 2004 г. «Взаимодействие власти и бизнеса: от диалога к сотрудничеству» в выступлениях делегатов съезда назывались эти же проблемы: «незащищенность прав предпринимателей, засилье контролирующих органов, отсутствие достаточной системы информированности, недостаточно развитая сеть микрофинансирования, отсутствие должной социальной защищенности и гарантий пенсионного обеспечения индивидуальных предпринимателей»³³.

Таким образом, исторический анализ отношения государства к предпринимательству показал, что государство во все рассмотренные нами периоды предпринимало усилия, чтобы контролировать, иногда поощрять, чаще запрещать, уничтожать и снова возрождать предпринимательскую деятельность своих граждан, не давая свободы для ее развития. Борьба во властных структурах вокруг выбора путей развития России вызывали политическую нестабильность, сдерживавшую создание «правового поля» для хозяйственной активности россиян во все периоды истории России. Прослеживаются две главные противоборствующие политические силы:

– реформаторы, отстаивающие хозяйственную демократию, свободу и права предпринимателей;

– оппозиция, во имя твердого порядка в стране, выступавшая за жесткие методы управления.

В третий (постсоветский) период неудачи российских реформаторов были обусловлены технократичностью их мышления, неспособностью соотнести «переход к рынку» с предшествовавшими периодами российской истории. Само постсоветское общество не было подготовлено к восприятию частной собственности и предпринимателей как среднего класса – самой стабильной части в социальной структуре общества. Правоохранительная система восприняла частную собственность предпринимательства как угрозу государственным интересам и не считала необходимым должным образом защищать законные права и интересы предпринимателей. Задержки развития «правового поля» в условиях российских реалий привели к появлению псевдорыночных и противоправных институтов: возник рэкет криминальных «крыш» и чиновников, конкурентное преимущество фирм обеспечивалось близостью к административному распределению ресурсов, связями с преступным миром и правоохранительными органами.

Недостаточная информированность предпринимателей об изменениях, дополнениях, поправках, вносимых в только что принятые законы, сдерживала развитие правовой предпринимательской культуры. Постоянные запаздывания с юридическим обеспечением правовой базы предпринимательской деятельности, отсутствие механизмов создания условия, чтобы заработали уже принятые необходимые законы, способствовали разочарованию и отказу от предпринимательской деятельности.

Государство же, отказавшись от прежних своих функций, не сумело своевременно приступить к исполнению новых функций в иных исторических условиях конца XX – начала XXI века.

³¹ Жилинский С.Э. Указ. Соч. С.55.

³² Подсчитано на основании: ГАПК. Ф.р. 131. Оп. 12. Д. 11. Л. 9–17; Д. 450. Л. 7–14; Д. 530. Л. 22–38.

³³ Мое дело. Бюллетень для предпринимателей. Владивосток: Изд-во «Дальневосточное агентство деловой информации», 2005. С. 5.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Е.С. Горбатюк

Горбатюк Елена Сергеевна – кандидат политических наук, ассистент кафедры международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

В статье разбирается влияние английской модели местного самоуправления на русскую либеральную мысль. Показано воздействие английского самоуправления на формирование земства и административную реформу в России. Особое внимание уделяется связи политической концепции Б.Н. Чичерина с английской политической традицией. Одновременно показаны различия в становлении системы местного самоуправления в Англии и России.

The influence of the English model of local self-government on the Russian liberal thought is considered in this article. The impact of the English self-government on the formation of the Zemstvo (country councils system) and the administration reform in Russia is revealed. Special attention is paid to the connection between B.N. Chicherin political concept and the English political tradition. At the same time differences in the formation of local self-government systems in England and Russia are shown.

Концептуальное развитие институтов местного самоуправления в России XIX столетия отмечено тяготением к тщательному изучению и анализу теоретических подходов и практической деятельности местного самоуправления в странах западной Европы. При всей самобытности форм и устройств европейских местных учреждений, их сближала обозначившаяся в XIX в. общая тенденция – появление на местах выборных учреждений представительной власти. В рамках этого процесса государственное устройство Великобритании, родины местного самоуправления, стало в России объектом пристального внимания. Традиции высокого уважения к британским политическим институтам были заложены еще в 80-е годы XVIII в. профессором С.Е. Десницким, получившим образование в г. Глазго. «Вольность и собственность, написанные на лице почти у всякого британца как природные права имеют законом предписанный предел, за который вредная наглость и своеволие перейти не могут. Много поту и крови народной пролито в лестном приобретении. Все свое превосходства приобретены Британией величавшимися трудами». ¹ К концу XVIII в. «все чаще и чаще источниками политических идеалов начинают признавать английские учения». ² Начало же глубокого и всестороннего исследования отечественными авторами британских образцов местного самоуправления, а также первые попытки проведения сравнительной характеристики институтов местного управления в России и европейских странах принадлежали эпохе учреждения земств. Именно со второй половины XIX столетия крупнейшие представители отечествен-

ной либеральной мысли всерьез размышляли о возможности и, может быть, даже необходимости применения английского опыта к российской действительности. В политическом строе Англии ряд представителей русской либеральной мысли наблюдал столь необходимую гарантию экономического и социального благополучия, поэтому неудивительно, что многие общественные и государственные деятели выступали за преемственность и заимствование некоторых элементов английской государственности. Желание воплотить английский опыт в России породило немало количество статей, публикаций в печатных органах и отдельных книг по этому вопросу, призванных воздействовать на широкое общественное мнение. Благодаря этому вся история русского либерализма с его слабостями, противоречиями и, вследствие этого, исторической обреченностью может быть прослежена по интерпретациям британских концепций государства, права и власти в русской литературе. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению взглядов на английское местное самоуправление представителей общественной мысли России XIX в. и сравнительной характеристике исторических типов местного самоуправления России и Великобритании, остановим свое внимание непосредственно на процессе проникновения термина «самоуправление».

Усвоение русской политической лексикой нового понятия «самоуправление» началось не раньше 50–60-х гг. XIX в. с буквального перевода английского self government. Так, А.И. Васильчиков прямо свидетельствует, что «слово «самоуправление» переведено буквально с английского self government; вместе с переводом оно перешло не только к нам в Россию, но и в

¹ Коркунов Н.М. История философии права : пособие к лекциям. СПб., 1908. С. 267.

² Новгородцев П.И. Конспект к лекциям по истории философии права. М., 1908. С. 104–105, 115.

Германию, и во всю Европу».³ «Самоуправление» в русском языке объяснялось лишь как «управа самим собою, знание и строгое исполнение долга своего», а «самоуправство» было единственно близкой корневой формой.⁴ В книге американского историка Ф.С. Стара⁵ отмечалось, что до 1856 г. в России не было понятия, обозначающего именно общественное управление местными делами, вследствие чего, по мнению автора, и было скалькировано в «самоуправление» английское «self government», которое было призвано демонстрировать крайнее неприятие бюрократического правления. Однако стоит уточнить, что из традиционного русского института крестьянского самоуправления вышли выражения «всем миром», «всем обществом» именно для определения совместного участия в общих делах. Термин «земский» первоначально такого всеобъемлющего смысла не имел, хотя и широко употреблялся. С 60-х гг. XIX в. понятие «земство» стало обозначать новые учреждения, заведующие местными хозяйственными делами.

Парадоксальным образом на русской почве привился термин, который не имел широкого распространения в Англии ни в прошлом, не имеет в настоящем, и даже не остался в языке англичан, говорящих local government (местное управление)⁶. Новое для России понятие «самоуправление», без сомнения, было востребовано нуждами собственного развития, что лишь подтверждалось обостренным интересом к английскому self government. Что касается вкладываемого

в России в это понятие содержания, то в период подготовки земских преобразований «местное самоуправление на широких началах» противопоставлялось бюрократической администрации.⁷ В дальнейшем акцентировалась преимущественно «хозяйственная» направленность новых выборных учреждений, так как признавалось за «благо призывать местное население к ближайшему участию в заведывании делами, относящимися до хозяйственных польз и нужд каждой губернии»⁸. С появлением и развитием русского конституционализма в это понятие привносятся определенные политические моменты. Теперь под самоуправлением понимался политический принцип, в силу которого задачи местного управления возлагались на местное население, которое «под надзором центральной власти непосредственно или посредством выборных представителей ведает местными делами, пользуется самостоятельностью в пределах отведенной им компетенции».⁹ В данном определении речь идет о территориальных публично-правовых союзах, которым передается (или избранными ими распорядительным и исполнительным органам) дело местного управления, с достаточной степенью независимости от центральной государственной власти.

Стоит отметить, что развитие образования в России XIX столетия привело к выделению истории политических учений в качестве особого раздела правовых знаний и появлению исследований и пособий в этой области. Первый образец такого исследования и единственный в русской литературе по истории политических учений пример официальной дворянской идеологии представляет «История философии законодательства» К.А. Неволлина. Это сочинение отличается солидным философским методологическим осмыслением предмета¹⁰, однако, учитывая, что внимание К.А. Неволлина уделено преимущественно XVII–XVIII векам, мы приведем лишь его отношение к интересующему нас консервативному мыслителю Э. Бёрку, труды которого, особенно «Размышления о французской революции», К.А. Неволлин удостаивает самых высоких похвал: «непостижимым красноречием он низ-

³ Васильчиков А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 2.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. В 4 ч. Ч. 4. СПб. М., 1912–1914. С. 136.

⁵ См. подробнее: Starr F. S. Decentralization and Self-Government in Russia. 1830–1870. Princeton, 1972.

⁶ Беатрис и Сидней Вебб, изучая природу института самоуправления в Великобритании, пришли к выводу, что «до середины XIX века сам термин «local government» не употреблялся. Выражение «local self government» стало распространяться во второй четверти XIX века, главным образом, благодаря Р. фон Гнейсту и Дж. Т. Смиту, и уже в третьей четверти века получило распространение выражение «local government». Происхождение термина «местное самоуправление» связано с выступлениями английского публициста Дж. Т. Смита, который, возмущаясь тем, что имменовалось «правительственным деспотизмом» (деятельность инспекторов, направленных из центра в графства, призванных контролировать решение проблем «на местах»), настаивал на минимуме вмешательства центрального правительства в дела местного сообщества, утверждая, что величайшим по значению фактором успешности управления в государстве являлось местное самоуправление. Что касается Р. фон Гнейста, то он употреблял термин self government для обозначения организации внутреннего управления. См. подробнее: Webb B., Webb S. The Development of English Local Government. 1689–1835. L., 1963.

⁷ Материалы по земскому общественному устройству. СПб., 1885. С. 160–163.

⁸ Там же.

⁹ Матвеев В.Ф. Государственный надзор за общинным самоуправлением во Франции и в Пруссии. Казань, 1915. С. 4; Тройский П.П. Общинное управление в главных государствах Германии. Пг., 1916. С. 74.

¹⁰ Историко-юридические исследования: Россия и Англия / отв. ред. Л.С. Мамуг. М., 1990. С. 55.

водит идолов французской революции и превращает в ничто ее обольстительные призраки».¹¹ К.А. Неволин отдавал предпочтение преимущественно консервативным течениям, его идеал выражался в формуле «православие, самодержавие, народность». Коренной порок западной, в том числе и английской, философской мысли он видел в индивидуализме: «главное понятие, господствующее в английской системе, есть понятие лица единичного. Единичному лицу дается здесь необыкновенная важность, круг свободной его деятельности расширяется».¹² Западно-европейскому индивидуализму К.А. Неволин противопоставлял культ государства как воплощения нравственности и единства народа. «Вне государства существует для человека одна дикая, естественная воля. Государство не ограничивает только ее, но совершенно ее уничтожает. Взамен того оно дает человеку нравственное бытие в своих недрах. Собственная цель его заключается в нем самом. Оно есть осуществленная нравственная идея. Единичное лицо в его отделении от нравственности не имеет никакого значения».¹³ По вопросу о формах государства К.А. Неволин высказывал мнение, что «правление демократическое не есть единственно возможный образ правления. Напротив, это есть образ правления самый несовершенный». Он не приемлет демократических принципов правления и на местах, «где частный произвол во всей его естественной грубости прямо и непосредственно возвышается на степень воли всемогущей».¹⁴

Между историей К.А. Неволина и последующими трудами русских мыслителей лежат реформы 1860-х гг., сильно ускорившие развитие страны на капиталистических началах, изменившие ее облик и мировоззрение. Однако прежде отметим, что в конце 50-х гг. XIX в. другой русский мыслитель М.Н. Катков также проявлял огромный интерес к политической Великобритании. За образец для русских реформ он брал именно английское государство, где «чувство законности и широкое развитие местной автономии, составляющей почву для ее политической и общественной жизни, соединяется с существованием твердой аристократии и обеспеченного землевладельческого класса»¹⁵. М.Н. Катков писал: «Никогда Англия не возбуждала столь сильного и столь сознательного интереса как в наше время. Публицисты всех стран поставляют одной

из главных задач своих изучений всех особенностей английского устройства, которое раскрывается перед взорами как неистощимо разнообразный и многосложный мир».¹⁶ Английская государственность – «это жизнь и природа в своем развитии, в своем действительном созидании».¹⁷ Великобритания представлялась М.Н. Каткову разумной монархией, способной стабильно развиваться. «Английскую преданность монархии и местному самоуправлению через земледельцев он рассматривал как начала, близкородственные российской исторической жизни».¹⁸

Возвращаясь к российским реформам 60-х гг. XIX столетия, необходимо отметить, что они еще более повлияли на университетское образование, сделав его более независимым, менее официальным, что естественным образом способствовало развитию политической мысли. Постепенно возникает новый либерализм, отличающийся от того робкого дворянского либерализма, который воодушевлял в начале XIX в. некоторых общественных и политических деятелей, и от которого они вынуждены были отречься в связи с решительным поворотом к реакции в политике самодержавия. Новый либерализм более последовательно приобретал буржуазный и стойкий характер; он утверждался и получал права гражданства литературе.

Наибольшее влияние на общественную жизнь и политическую мысль России оказали идеи утилитаризма в лице его крупнейших представителей И. Бентама и Дж. Ст. Милля. «Сочинения Бентама получают особенное распространение и наибольшую известность в странах не очень высокой культуры, а именно: в России, Испании, испанских колониях в Америке».¹⁹ Однако в изучении вопроса о самоуправлении наметилась тенденция преимущественно к сравнительному анализу. Главными объектами изначально служили Англия и Франция, а в конце 60-х гг. XIX в. появилась работа, где рассматривались системы самоуправления в целом ряде стран. Это было сочинение А.И. Васильчикова «О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений»,²⁰ в котором этот видный публи-

¹⁶ Там же. С. 107–112.

¹⁷ Там же. С. 114.

¹⁸ Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга: по документам и личным воспоминаниям. СПб., 1889. С. 70–71.

¹⁹ Записки юридического факультета имп. Петроградского университета. Вып. 3. Пг., 1916. С. 291.

²⁰ Васильчиков А.И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. В 2 т. СПб., 1872.

¹¹ Неволин К.А. Полное собр. соч. СПб., 1857–1859. Т. 1. С. 403.

¹² Там же. С. 406.

¹³ Там же. С. 408–410.

¹⁴ Там же. С. 411.

¹⁵ Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1888. С. 107.

цист и земский деятель представил систему довольно оригинальных взглядов на самоуправление.

Знакомясь с опытом самоуправления в странах Европы и США, А.И. Васильчиков пришел к выводу, что Англия и Франция являются странами с крайними выражениями принципов самоуправления и централизации. В Англии наилучшим образом удовлетворяются нужды и потребности частного лица, в то время как во Франции (и в большей степени в других континентальных странах Европы) личность поглощается государством, интересы которого довлеют над интересами частными²¹. Следовательно, для уяснения истинного смысла самоуправления, нужно обратиться, например, к организации местного самоуправления в Англии, хотя «каждый народ должен выработать собственную его форму, и прямые заимствования тут не помогут». «От характера и нравов народа зависит его предрасположенность к свободе и самоуправлению или к порядку и централизации»; русский народ, считал А.И. Васильчиков, склонен к самоуправлению²². Однако в России, чтобы стать успешным, самоуправление должно считаться с рядом объективных условий русской истории. В России, полагал А.И. Васильчиков, личное начало поглощалось земским; в отличие от других стран Европы, владение землей было в ней не привилегией, а обязанностью. «Понятие о равенстве лиц чуждо русскому быту, зато очень близко ему понятие об уравнении по земле, об уравнительной раскладке податей и повинностей на людей, обязанных держать землю». ²³ То обстоятельство, что русское дворянство, избавившись от обязательной службы и обретя «властную вольность», получило право расходовать земские сборы, «само ничего не платя», А.И. Васильчиков считал коренной несправедливостью, приведшей к тому, что дворянство утратило свою «нравственную силу, столь необходимую для «правильного управления». ²⁴ Впрочем, «путь к восстановлению единства с народом для дворянства не закрыт и заключается в принятии им соразмерной его имуществу доли народных тягот». ²⁵ Возражая Б.Н. Чичерину, называвшему самоуправление «поприщем для аристократии», ²⁶ А.И. Васильчиков

старался доказать, что «высшие сословия в Англии отrekliсь от всех льгот и привилегий», составляющих «существо аристократии», ²⁷ и призывал русское дворянство последовать их примеру. По мнению А.И. Васильчикова, это могло бы предотвратить сословный раздор, руководство же «образованных классов» следует сохранить только на время перехода от «угнетения» к самоуправлению. ²⁸ В предисловии к своему труду А.И. Васильчиков высказал мысль о том, что в России самоуправление основано, но еще не устроено. Он писал, что «наружный блеск или внутренний порядок не составляют еще окончательной цели гражданских обществ, и весьма часто случается, что эти блага покупают такой дорогой ценой, что народ изнывает под славой своего правительства и все кровные, насущные пользы народа приносятся в жертву славе оружия, единству государства, славе правителей» ²⁹.

Одним из обстоятельств, обеспечившим книгам А.И. Васильчикова успех, было то, что европейские общественные формы рассматривались им под определенным углом зрения: как достичь высот европейской материальной культуры, не платя той чрезмерной цены, которой за них рассчиталась Европа; он «желал более дешевой покупки русским народом экономических благ, при которых можно было бы идти и за благами моральными». ³⁰ В связи с этим А.Д. Градовский вполне сочувственно отмечал, что в А.И. Васильчикове «крепка была одна чисто русская черта характера: как ни велико казалось ему известное благо, он заранее от него отказывался, если для усвоения его нужна была неправда». ³¹

А.Д. Градовский разделял позицию, занятую А.И. Васильчиковым в отношении перспективности для России английской модели, где, по мнению А.Д. Градовского управление осуществлялось «под действительной эгидой закона, а не фиктивной» ³². Однако он выступал категорически против, защищаемого А.И. Васильчиковым неполитического самоуправления, полагая, что мысль обосновать систему самоуправления при помощи идеи «местности», имеющей свои интересы, отличные от интересов государственных, является «привлекательной, но едва ли применимой к практическому решению вопросов». ³³

²¹ Васильчиков А.И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. В 2 т. Т. 1. С. 9; Т. 2. С. 516. СПб., 1872.

²² Там же. С. 5, 7, 30.

²³ Там же. Т. 1. С. 28–29, 33.

²⁴ Там же. Т. 1. С. 139–143; Т. 2. С. 414.

²⁵ Там же.

²⁶ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 527.

²⁷ Васильчиков А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 2, 6.

²⁸ Там же. Т.1. С. 142–143.

²⁹ Там же. Т. 1. С. 9.

³⁰ Голубев А. Князь А.И. Васильчиков. СПб., 1882. С. 73.

³¹ Там же. С. 14.

³² Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 9. СПб., 1899–1904. С. 15.

³³ Там же. В 9 т. Т. 9. СПб., 1899–1904. С. 25.

Доказывая данное положение, А.Д. Градовский обращался к английскому местному управлению и наглядно утверждал, что едва ли можно self government объяснить стремлением местных жителей заведовать местными делами по причине лучшего понимания ими местных польз и нужд. Истинная причина, по его мнению, в другом. «Жизненная и бытовая сила, породившая самоуправление в Англии, есть аристократия и джентри, державшие в своих руках политическую власть».³⁴ В связи с этим А.Д. Градовский выдвигает тезис, что самоуправление является, с одной стороны, орудием господства зажиточных и высочайших классов, а, с другой – могущественным средством обеспечения их ежедневного и постоянного участия в государственном управлении. «Если тысячи джентри принимают на себя безвозмездные и трудные обязанности мировых судей, то это усердие объясняется не только разумным пониманием местных интересов и условий их осуществления, но сознанием, что через действующую на местах власть обеспечивается сила английского государства».³⁵ Кроме того, А.Д. Градовский говорил, что, несмотря на то, что социальное положение Великобритании XIX столетия представляло множество «темных сторон», в этой стране существовало высокое развитие гражданского духа, несомненно, способствующее как рациональному развитию самоуправления на местах, так и укреплению политической системы страны в целом. «Несмотря на борьбу политических партий, несмотря на социальную рознь отдельных классов, в Англии имеются условия, воспитывающие человека для государства»³⁶ и дающие ему тот практический смысл, благодаря которому английская нация умело выходит из внутренних и внешних затруднений. Эти условия, по мнению А.Д. Градовского, «содержатся в системе местных учреждений. «Именно через такую постоянную и самостоятельную службу государству английское общество оставалось в связи с политической жизнью страны, а политические сферы в свою очередь не были оторваны от «живых сил страны»».³⁷ Все это, несомненно, привлекало А.Д. Градовского, выступавшего за создание подобного рода местных учреждений в России, которые, реализовывая интересы местного населения и, решая проблемы каждой отдельной местности, функционировали бы на благо всего госу-

дарства. Что касается одного из важнейших принципов самоуправления – выборного начала – то оно представлялось А.Д. Градовскому отнюдь не единственно возможным механизмом формирования органов местного самоуправления. Опираясь на опыт Великобритании, он указывал на состоятельность организации органов самоуправления, исходя из возможного и даже вполне необходимого вмешательства в процесс деятельности местных учреждений, путем назначения некоторых должностных лиц. Для него было важно, чтобы «дела делались не быстрее, но лучше»,³⁸ и, если для этого требовалось непосредственно вмешательство и участие центрального правительства, значит, так должно было быть. А.Д. Градовский утверждал, что правительственные функции не должны выделяться из задач общественного управления как нечто особое и независимое от местных властей. «Местные должности во всех отношениях являются властями с точно определенным государственным значением».³⁹ В целом, учитывая, что «на органы местного самоуправления и их должностных лиц возлагались задачи государственного толка», а, значит, это управление было управлением публичного характера, которое всегда «есть дело государственное», главный смысл местного самоуправления А.Д. Градовский видел не в обособлении от государства, а «в службе исключительно интересам и целям государственным».⁴⁰

Мнение А.Д. Градовского поддерживал В.П. Безобразов, который превозносил в своих статьях английское самоуправление и при сравнении земских учреждений с подобными им в Западной Европе также подчеркивал необходимость их «встроенности» в государственное управление. Влияние английского опыта сказывается в предложении В.П. Безобразова сделать основой местного устройства приход, эту естественную общность и управление местностью «сосредоточить в руках мировых судей, т. е. образованных и лучших людей».⁴¹ Взяв за образец английскую систему местного самоуправления, В.П. Безобразов одобрял назначение правительством (а не выборами населением) английских мировых судей, и считал полезным это заимствовать, относя к недостаткам российского земства «господство выборного начала».⁴² Вместе с тем под влиянием прусских реформ В.П. Безобразов внес в свою позицию некоторые поправки. Англий-

³⁴ Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 9. СПб., 1899–1904. С. 25.

³⁵ Там же. С. 17–21.

³⁶ Там же. С. 16, 419.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Т. 9. С. 4.

³⁹ Там же. С. 432–433.

⁴⁰ Там же. С. 15.

⁴¹ Безобразов В.П. Государство и общество. СПб., 1882. С. 248–250.

⁴² Там же. С. 36.

ское самоуправление оставалось для него идеалом, там он находил «нерасторжимое единство правительственного и общественного элементов», однако, в Пруссии эти «элементы хотя и были слиты воедино, но все же оставались различимы». Следовательно, по мнению В.П. Безобразова, «местный строй Пруссии к нам ближе и пример ее реформ для нас назидательнее, чем могут быть английские порядки».⁴³

Пропагандистом английского политического строя был и один из крупнейших либеральных историков России П.Г. Виноградов, утверждавший, что английская система местного самоуправления, развивавшаяся путем «жизненного опыта и компромисса», поучительна.⁴⁴ Обобщая исторический опыт Великобритании, П.Г. Виноградов выделяет в качестве гарантии правового строя в ходе осуществления контроля над местной администрацией положительные моменты в деятельности судебной власти. «Независимая судебная власть, одинаково чуждая бюрократической централизации и местному самодурству, является посредником и авторитетом при разрешении административных споров».⁴⁵ В Англии центральная власть долгое время «правила, но не управляла». Между парламентом и местными органами был только судья; «от этого страдало все управление, поскольку его отраслям необходимо известное сосредоточение сил, известное единство руководящих взглядов и направления деятельности».⁴⁶ Именно в этой ситуации и пришли на помощь принципы административного права, с помощью которых стали приводить к соглашению работу центральных учреждений с полномочиями и привычками исторических органов местного управления. Последние историк уважительно именуется «здоровыми традициями общественного управления», имея в виду, прежде всего, традиции самоуправления и личной ответственности.⁴⁷

В своей книге «Самоуправление в России» П.Г. Виноградов наряду с кратким очерком русской политической истории рассматривает два аспекта самоуправления в России: его организационные основы и опыт в организации народного образования с помощью земства и земских учреждений. Основные мысли автора сводились к тому, что в России «продолжает успешно раз-

виваться сильная и активная система самоуправления и, что самоуправление со временем образует базис», с помощью которого многие другие проблемы могут более успешно выявляться и разрешаться.⁴⁸ Однако история распорядилась иначе.

И. Полонский, наряду с другими исследователями местного управления, также указывал на то, что английский self government является наиболее приемлемым и единственно верным образцом для подражания в изучаемой сфере. «Англия как будто ничем не отличается от других государств в Западной Европе, но вся разница в том, что принцип самоуправления и народного верховенства, хотя и здесь не осуществлен во всей его полноте, но, во всяком случае, проведен гораздо шире и полнее, чем в других странах».⁴⁹ Монархическая Англия, по мнению И. Полонского, значительно демократичнее, чем другие европейские государства, «разница эта складывается в области административной деятельности. В Англии администратором по преимуществу является само население в лице его выборных представителей, заседающих в советах графств, городов и общин».⁵⁰

М.М. Стасюлевич, посетив Великобританию, присмотревшись к ее государственному устройству, говорил, что в Англии «нет такой централизации как на континенте, отсутствует даже свод законов. Казалось бы, это должно привести к хаосу, но англичане из него творят мир. В стране ценится жизнь всякого человека, и каждый человек отвечает за свои поступки, что в итоге обеспечивает и порядок, и образованность, и богатство».⁵¹

Вышеизложенное свидетельствует о том, что некоторые русские либералы являлись апологетами английского политического строя. Их работы рисовали радужные картины английской политической жизни, они высоко оценивали мирный, ненасильственный путь совершенствования государственного строя, который избрала для себя Англия, считая его вполне приемлемым и возможным для России.

Вместе с тем другой исследователь местного самоуправления Б.Н. Чичерин, рассматривавший местное самоуправление «именно как организацию общества»⁵² и разделявший мнение о том, что местные учреждения должны быть построе-

⁴³ Безобразов В.П. Государство и общество. СПб., 1882. С. 528.

⁴⁴ Виноградов П.Г. Исторические основы английского административного права / Речь, предназначавшаяся к прочтению в торжественном годовом собрании Российской Академии наук 29 декабря 1917 года. Пг., 1917. С. 1–2.

⁴⁵ Там же. С. 41.

⁴⁶ Там же. С. 40–54.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Vinogradov P. Self-government in Russia. L., 1915. P. 4.

⁴⁹ Полонский И. Местное управление Англии. М., 1906. С. 3–4.

⁵⁰ Там же. С. 5–17.

⁵¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М., 1964. С. 357.

⁵² Чичерин Б.Н. Курс государственной политики. В 3 ч. Ч. 1. М., 1894. С. 42.

ны на тех началах, на которых строится само общество, отмечал, что «выделение чисто государственной сферы из области частных союзов ведет к признанию двоякого начала в местном самоуправлении: правительственного и общественного. Первое выражается в организме государственных должностей, второе — в местном представительстве».⁵³ Говоря о выборе представителей для заведывания местными делами или же о назначении правительством независимых лиц из местных жителей для самостоятельного управления делами, Б.Н. Чичерин подчеркивал, что это составляет специальную форму английского самоуправления. Вместе с тем он вовсе не разделял восторженного отношения многих исследователей к английскому самоуправлению, указывая на то, что «кое-где и в Европе еще сохранился средневековый порядок, отсутствие стройности и системы, например, в Англии, которая представляет взору такое множество безобразных явлений».⁵⁴ Однако в Великобритании, замечает Б.Н. Чичерин, «это искупается уникальным развитием личных прав и, прежде всего, чувства законности». В России, где «только самодержавная власть способна дать правильный порядок и водворить законность»,⁵⁵ ничего подобного он не находил. Выборное же начало, полагал мыслитель, является главным проявлением свободы местных союзов, которая составляет основание самоуправления. Необходимо отметить, что Б.Н. Чичерин, выражая «нелюбовь к английской не приведенной в порядок свободе», воспринял у немецких исследователей положение о «собственном» и «препорученном ведомстве», о разделении компетенции общины на дела местные и дела государственные, а также позаимствовал у немецких ученых взгляд на общину как на корпоративный союз. При этом он исключительно позитивно относился к местным учреждениям во Франции, полагая, что России там есть чему поучиться: «для нас идеал гражданского строя представляла не Англия, а Франция, провозгласившая и утвердившая у себя начало гражданского равенства».⁵⁶

Необходимо добавить, что Б.Н. Чичерин в своем курсе истории политических учений в разделе «Возрождение и реформация» представил

Англию Т. Мором, для которого польза целого заключалась в благосостоянии всех членов.⁵⁷ Далее, Б.Н. Чичерин рассматривает взгляды Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. Мильтона и других английских мыслителей.⁵⁸ Что касается интересующего нас периода, то консервативные воззрения английских мыслителей начала XIX в. были представлены Э. Бёрком, которому Б.Н. Чичерин, несмотря на то, что назвал его охранителем, в сущности, симпатизировал и отмечал «удивительное глубокомыслие и увлекательное красноречие», с которыми «исторические начала государственной жизни противопоставались отвлеченным теориям либерализма».⁵⁹ По его мнению, в умеренных мыслях Э. Бёрка лежат «зачатки тех идей, которые сделались господствующими в следующий период развития политического мышления».⁶⁰ Б.Н. Чичерин вполне согласен с воззрениями Э. Бёрка в том плане, что необходимо учитывать исторический опыт и традиции при постепенном осуществлении политических преобразований.

И. Бентама, Б.Н. Чичерин назвал «одним из любопытных явлений» и одновременно упрекнул его в бездоказательности, нетерпимости и неуважительном отношении к своим предшественникам и оппонентам. Вместе с тем Б.Н. Чичерин отметил «тонкость его критики законодательства и человеколюбие, которым дышат все его сочинения».⁶¹ «Став одним из первых общественно-политических деятелей, пролагавших путь к глубоким политическим реформам, которыми ознаменовалась в Великобритании вторая четверть XIX столетия, И. Бентам завоевал себе почетное место в общественном мнении».⁶² Изменение первоначальной формулы утилитаризма — «наибольшее счастье наибольшего числа людей» — по мнению Б.Н. Чичерина, прямо привело к исповедованию демократических принципов, к которым «И. Бентам и пришел во вторую эпоху своей деятельности».⁶³ Однако он не одобрял подобного изменения во взглядах И. Бентама.⁶⁴ Б.Н. Чичерин по большому счету не смог в полной мере согласиться с бентамовской критикой монархии и с его утверждением, что единственной формой правления, способствующей всеобщему счастью,

⁵³ Чичерин Б.Н. Курс государственной политики. В 3 ч. Ч. 1. М., 1894. С. 124.

⁵⁴ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 277.

⁵⁵ См. подробнее: Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856.

⁵⁶ Русское общество 40-х–50-х годов XIX века // Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991. С. 192.

⁵⁷ Чичерин Б.Н. История политических учений. В 2 ч. Ч. 1. М., 1869–1872. С. 300–302.

⁵⁸ Там же. Ч. 2. С. 26, 47–48, 52–53, 74, 325, 345–350.

⁵⁹ Там же. С. 236.

⁶⁰ Там же. С. 253.

⁶¹ Там же. С. 256–257.

⁶² Там же. С. 258.

⁶³ Там же. С. 272.

⁶⁴ Там же. С. 307.

является демократия. Отметим, что в целом курс истории политических учений Б.Н. Чичерина представляет собой попытку найти синтез между общественным и индивидуальным началами.

Другому представителю либеральной мысли России XIX в. Н.М. Коркунову воззрения Э. Бёрка вполне симпатичны, а И. Бентама он критикует также же, как и Б.Н. Чичерин. Разумеется, в попытке применения концепции правового государства и гражданского общества к русской действительности Н.М. Коркунов отступил от идеала; он не сумел поставить самодержавие под сомнение и выдвинул тезис «правомерной, но самодержавной монархии».⁶⁵

Все вышеизложенные позиции свидетельствуют о том, что в целом, несмотря на естественную неоднозначность оценок по отношению к английскому местному самоуправлению, уровень анализа государственно-политического развития Великобритании российскими либералами второй половины XIX в. был достаточно высоким. Общественные и государственные деятели России второй половины XIX в., оценивая достоинства и существенные преимущества английской системы местного самоуправления перед русскими земствами, отмечали, что Россия все еще не способна воспринимать местные органы управления как основу всей политической системы государства. «Сама верховная власть должна еще дорасти до ситуации, при которой она делегирует свои властные полномочия местным сообществам, в результате чего органы местного общественного самоуправления из какой-то негосударственной или антигосударственной силы станут одним из необходимых звеньев государства».⁶⁶

Для выявления более полной картины, считаем необходимым рассмотреть, сопоставляя, деятельность некоторых исторических типов местного самоуправления в России и Великобритании XIX столетия.

Местное управление в Великобритании издавна осуществляли «естественно сложившиеся местные союзы граждан». Вплоть до наступления «века реформ», начавшегося с Акта о реформе парламента 1832 г., Закона о бедных 1834 г. и Закона о муниципальных союзах 1835 г., центральная власть предоставляла им возможность «самоуправляться» на основании местных обычаев или местной юрисдикции. Это объяснялось стойким сохранением в Англии

обычного права⁶⁷.

Местное самоуправление Великобритании осуществлялось в пределах трех основных единиц административного деления, установившихся с периода позднего средневековья: приход, графство и город, где все функции управления, включая полицейскую и судебную, исполнялись населением⁶⁸. Общий надзор осуществлялся собранием жителей; местные собрания Великобритании обладали широкими полномочиями. Необходимо отметить, высокую долю влияния приходской организации в сельских общинах Англии, которая в результате начинает служить задачам гражданского управления.⁶⁹

Тема русской общины почти не затронута отечественной историографией, за исключением отдельных работ по истории северной и сибирской приходской общины XVII–XVIII вв. Как показано в редких исследованиях, русская православная община была традиционнейшим организмом нашей истории, через нее осуществлялись религиозно-этические, культурные функции соседской общины, этого старинного института народного самоуправления. Однако серьезные перемены в русской церкви с начала XVIII в. приводят к уменьшению сферы самоуправления, государство присваивает себе права этих органично развивающихся институтов. Кроме того, приход крепостной деревни был парализован властью помещика, который сосредоточил в своих руках права приходской общины.⁷⁰ Таким образом, нарастал бюрократический контроль над этим институтом, и в условиях государственной и церковной бюрократизации, а также при господстве патримониального, вотчинного права в крепостной деревне не приходится говорить о самостоятельном значении в сфере самоуправления общины в России в рассматриваемый период. Характерно, что в 80-е–90-е гг. XIX в. земскими гласными поднимался вопрос о предоставлении прав приходам и приходским попечительствам и организации мелких земских единиц.⁷¹

Хорошо известно положение в действительном самоуправлении низшей административной единицы России XIX в. – крестьянской общины. Даже после отмены крепостного пра-

⁶⁵ Коркунов Н.М. История философии права. Изд. 5-е. СПб., 1908. С. 144.

⁶⁶ Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX–XIX ст. Исторический очерк. М., 1910. С. 6.

⁶⁷ Keith-Lucas B. The Unreformed Local Government System. L., 1980. P. 149.

⁶⁸ Byrne T. Local Government in Britain. L., 1994. P. 13–15.

⁶⁹ Keith-Lucas B. The Unreformed Local Government System. L., 1980. P. 153.

⁷⁰ См. подробнее: Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община XVIII века. Новосибирск, 1990.

⁷¹ Анфимов А. М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 45.

ва, исполняя в качестве административной единицы фискальные, полицейские и некоторые благотворительные функции, крестьянская община (сельское общество) была скорее объектом, а не субъектом в местном управлении России.⁷² Это хорошо просматривается в вопросе о земских повинностях: пересмотр правил о земских повинностях предусматривался земским законодательством. Положение 1864 г. определило земские повинности как отрасль управления и общественного хозяйства, поступающую в самостоятельное ведение местных органов; наряду с губернскими впервые были признаны и уездные повинности. Данный пересмотр был вызван к жизни отменой крепостного права, необходимостью распределения повинностей между крестьянами и помещиками. Переложение натуральных повинностей в денежные происходило в течение нескольких десятилетий; даже в циркулярах министерства внутренних дел разъяснялось, что «при исправлении повинности денежным сбором «тягость» ее ложится равномерно на всех плательщиков, тогда как при исправлении натуральной повинности вся тягость ляжет на крестьянское сословие».⁷³ В Англии же приходское самоуправление учитывало не только право жителей участвовать в делах прихода и исполнять функции должностных лиц – открытое собрание прихожан являлось чуть ли не единственным народным собранием, которое было вправе устанавливать местные налоги; некоторые современники говорили по этому поводу: «первое явление демократии в Англии – право голоса простых людей в приходских собраниях, голосующих за тот уровень налогов, который казался им приемлемым».⁷⁴

Одной из заметных особенностей становления институтов самоуправления в XIX в. является их сословный характер. В Великобритании весьма небольшой правительственный персонал был сосредоточен в центральном управлении, управление же местностью осуществлялось не чиновниками, зависимыми от правительства, а местным населением, независимым от правительственной власти. Местная администрация, таким образом, представляла собой общественные элементы, и состояла скорее из членов общества, чем из чиновников. По этому поводу в своем «Английском дневнике» Д.А. Милютин

писал, что «в английской администрации нельзя не удивляться простоте и малосложности состава и порядка. Министерства английские состоят из самого малого числа чиновников, так что для нас, привыкших к непомерному множеству должностных и не должностных людей, английская канцелярская служба кажется вовсе недостижимой».⁷⁵ Сфера самоуправления в Великобритании организовывалась в противоположность бюрократическому или приказному управлению, т. е. управлению по предписанию начальства. Прежде всего, это обладающий большой властью институт четвертных сессий мировых судей каждого графства, где решались вопросы судебного и административного характера. Контролирующие функции обеспечивались мировыми судьями, которые назначались королевской властью, несли ответственность за состояние всех местных дел, следили за отчетностью и участвовали в назначениях. Мировые судьи издавна были гарантами мира в пределах графства, рассматривали гражданские и уголовные дела.⁷⁶ «В противопоставление сильной территории с ее исторически сложившимся административным делением, местными правами и привилегиями, с одной стороны, и могущественной объединяющей силой монархии, закона, парламента, с другой, институт мировых судей осуществлял взаимодействие между центром и территориями»⁷⁷. В России же при сохранении феодальных сословных привилегий (патримониальное право помещиков) местное управление осуществлялось чиновничеством (бюрократией), особой категорией лиц, специализировавшейся на управлении и обслуживавшей потребности государственного аппарата абсолютной монархии. Возникающее в 60-е гг. XIX в. земское (местное) самоуправление на деле оказалось параллельным бюрократической системе установлением, не способным заменить собой уездно-губернскую администрацию, испытывая ее контроль, иногда прямое вмешательство и давление самодержавного государства.

В данном контексте существенно отметить различное положение землевладельческой элиты в местном управлении Великобритании и России. Некоторые историки, изучающие самоуправление, говорят о том, что в России власть от полицейской до судебной на протяжении процесса становления и развития института самоуправления оставалась в руках имперской бюро-

⁷² Анфимов А. М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 45.

⁷³ Веселовский Б. К вопросу о классовых интересах в земстве. СПб., 1905. С. 74.

⁷⁴ См. подробнее: Keith-Lucas B. The Unreformed Local Government System. L., 1980. P. 149.

⁷⁵ Проблемы британской истории. М., 1974. С. 206.

⁷⁶ Eastwood D. Governing Rural England. Tradition and Transformation in Local Government. 1780–1840. Oxford, 1994. P. III.

⁷⁷ Там же.

кратии и личных представителей самодержца. Даже «при дарованных административных функциях некоторым местным учреждениям при Екатерине II, дворянство не смогло развить какие-либо структуры действительного местного самоуправления».⁷⁸ Что касается местных учреждений второй половины XIX века, то возникновение земских установлений сопровождалось абсентеизмом: первые сессии гласных были отмечены индифферентностью основной массы избирателей, в том числе и дворянства. С другой стороны, известна и выражаемая дворянством неудовлетворенность своим положением и местом в земских учреждениях, в результате чего в 60-е годы XIX века «ряд гласных выступил с ходатайствами правительству о допущении без выборов – по одному имущественному цензу – крупных землевладельцев к участию в делах земства».⁷⁹ В частности, с проектом подобного рода выступал М.Н. Катков, который отдавал предпочтение в местных делах фигуре мирового судьи, отказывая крестьянству в каком-либо месте и значении в провинциальной жизни и институтах самоуправления⁸⁰. Однако, помимо того, что это не встретило поддержки у земств, следует признать, что и такое понимание английского самоуправления не отвечало истинному положению вещей в местном управлении Великобритании и, более того, не могло быть адекватно воспроизведено в России. Назначение крупных землевладельцев, живущих в графствах, представителями местного управления содействовало сохранению старых территорий как незыблемых внутренних подразделений государства и препятствовало непосредственному управлению из центра. Район деятельности мировых судей Великобритании не совпадал с границами их имений; в результате феодализм как принцип управления был устранен в Англии значительно раньше, чем в других европейских странах. Кроме того, хотя сословие землевладельцев играло роль могущественного социального и политического фактора, для продуктивного развития государственного устройства и управления было гораздо важнее то, что произошло быстрое поглощение феодальной юрисдикции институтом мировых судей.⁸¹ Вместе с тем следует отметить, что М.Н. Катков, в целом, выступал за такую организацию местного самоуправления в России, при которой

местные власти «были бы продолжением государства, чтобы государство – от центра до мельчайших местных обществ, городских и сельских – составляло один организм, в котором нет и тени разновластия; чтобы между ними не могло возникнуть никаких счетов или споров о правах и интересах; необходимо, чтобы местное управление, даже самое мелкое, было живой частью государства, проводником его идеи, исполнителем его задач»⁸².

Наблюдаемые варианты государственной модернизации, проявляющиеся в сфере местного самоуправления в XIX веке, обладали заметной специфичностью. Это временной разрыв («опаздывание» России), различный баланс социальных сил (достаточно «мягкие» сословные различия в Англии в противоположность жесткости российской сословности, нашедшей отражение в куриальной системе местных выборов), различное соотношение традиционного и нововведений, а также территориальная однородность развития институтов самоуправления в Англии и земская «позтапность» России. Иным было и развитие институтов в сельской местности и городах, что объяснялось интенсивной урбанизацией и индустриализацией Великобритании. Гибкое реагирование на задачи местного управления в изменяющихся условиях промышленного господства государства с парламентским устройством, развитой политической системой двухпартийности содействовало постепенной и непрерывной демократизации английского местного самоуправления. В России наблюдалась передача части своих функций чиновничье-бюрократическим управлением земским учреждениям, проявлявшим свои инициативы.

В целом необходимо отметить, что как теоретический опыт, так и практические отражения развития английского института местного управления, несмотря на различие оценок по ряду вопросов, были признаны позитивными и едва ли абсолютизировались. Кроме того, понимая специфику национально-исторического развития двух стран, либералы России вели речь не о простом копировании, а о применимости отдельных элементов британской демократии – свободы, монархизма, местного самоуправления – в России.

⁷⁸ Raeff M. *Political Ideas and Institutions in Imperial Russia*. Oxford, 1994. P. 122.

⁷⁹ Веселовский Б. *История земства за 40 лет*. В 2 т. Т. 2. СПб., 1909. С. 33.

⁸⁰ Катков М.Н. *Имперское слово*. М., 2002. С. 399–401.

⁸¹ Редлих И. *Указ*. соч. Т. 1. С. 28.

⁸² Катков М.Н. *Имперское слово*. М., 2002. С. 401–402.

ФИЛОЛОГИЯ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКИХ ЧАСТИЦ («ИМЕННО» В ПРОЗЕ С. ДОВЛАТОВА)

О.А. Бирюкова

Бирюкова Оксана Анатольевна – аспирантка кафедры современного русского языка Дальневосточного государственного университета, ассистент кафедры русского языка Уссурийского государственного педагогического института.

В статье рассматривается семантика частицы «именно» и ее реализации. Показаны стилистические возможности частицы в художественном тексте – в прозе С. Довлатова.

The article deals with semantics of Russian particle «именно» and its realizations. The material shows some stylistic potentialities in work of literature (in S. Dovlatov's prose).

Частицы обычно не включаются в число средств, способных отобразить идиостиль автора художественного текста. Как правило, в этой роли выступают слова знаменательных частей речи – глаголы, существительные, прилагательные. Однако частицам нельзя безоговорочно отказывать в праве быть в числе стилиобразующих средств. К такому выводу нас привело знакомство с книгой Е.А. Иванчиковой – «Синтаксис художественной прозы Достоевского»¹. Представив в книге собственный опыт изучения синтаксиса классика, автор подробно описала функционирование целого ряда частиц, свойственных «почерку» этого писателя.

«Частицеобильность» прозы С.Довлатова не могла не привлечь внимания исследователя-лингвиста. Среди «фаворитов» в довлатовских текстах оказались частицы «даже», «именно», «какой-то». Настаивая на том, что роль частиц как стилиобразующих средств до конца не изучена, мы своей задачей считаем подробное описание семантики этих частиц, а также рассмотрение их роли в создании неповторимого «рисунка» прозы С.Довлатова. В этой статье представлен опыт описания семантики и стилистических возможностей частицы «именно». В описании семантического аспекта функционирования частицы мы опирались на сделанные ранее наблюдения Е.А. Стародумовой².

Значение частицы «именно» имеет субъективно-модальный, оценочный характер. Эта частица, как указывает Н.Ю. Шведова, создаёт значение «несомненности, подлинности утверждаемого»³.

Более точно оценочный смысл, передаваемый «именно», Е.А. Стародумова определяет таким образом: «говорящий, субъект оценки, подчёркивает определённый факт, утверждая его как единственно истинный или единственно важный в данном содержании; это утверждение направлено на собеседника, воспринимающего субъекта, у которого не должно быть сомнений в истинности или важности утверждаемого факта»⁴. Выделив в значении «именно» несколько компонентов модального смысла: утверждение факта (1), единственно (2) истинного или важного (3), направленное на воспринимающего (4), – Е.А. Стародумова выбирает первый из них как главный для краткого названия этого значения и называет его значением *утверждения*.

Значение частицы реализуется прежде всего в минимальном контексте – в пределах высказывания или части высказывания с одной пропозицией (*утверждение*), а также в максимальном контексте, при соотношении двух пропозиций (*предупоминание*).

Для многих частиц характерно свойство быть указателем на существование некоторого контекстного отрезка, расположенного вправо или влево от основного высказывания. Без этого дополнительного фрагмента основное высказывание является содержательно неполным. Что касается «именно», то, утверждая какой-то факт в пределах высказывания или части высказывания, частица в то же время служит показателем коммуникативной несамостоятельности этого высказывания, его включённости в контекст. Другими словами, полностью значение данной частицы проявляется в максимальном контексте. Конкретными синтаксическими воплощениями

¹ Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979.

² Стародумова Е.А. Акцентирующие частицы в русском языке. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1988.

³ Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁴ Стародумова Е.А. Указ. работа. С. 79.

такого контекста в прозе С.Довлатова являются: 1) два контактных высказывания или части сложного предложения; 2) высказывание с частицей и более широкий предтекст (ряд высказываний); 3) последующая часть высказывания – в строго определённом случае: «именно» выделяет Т-слово в сложноподчинённом предложении; 4) высказывание, представленное простым предложением. Кроме того, фоном для проявления значения утверждения может быть и ряд последующих высказываний. Покажем это на примерах:

1. *Все считали его неудачником. Даже фамилия у него была какая-то легкомысленная – Головкер. Такая фамилия полагается невзрачному близорукому человеку, склонному к рефлексии. Головкер был именно таким человеком* (Встретились, поговорили. 1. 198). Предшествующее контактное высказывание – наиболее типичный контекст для частицы «именно». Кроме того, значение частицы может проявляться и в части сложного предложения. См., например: *Должен заметить, что подлинное качество в Америке стоит не дешево, но именно этот расход, как никакой другой, себя оправдывает* (Трудное слово. 4. 322).

2. *Грубин предложил мне отметить вместе ноябрьские торжества... / Я сказал, что пить в этот день не буду. Слишком много чести. А он и говорит: «Не пить – это и будет слишком много чести. Почему же это именно сегодня вдруг не пить!»* (Записные книжки. 4. 159). Значение «именно» проявляется на фоне неконтактного высказывания.

3. *Бог дал мне именно то, о чём я всю жизнь его просил. Он сделал меня рядовым литератором* (Записные книжки. 4. 194). *Всё было именно так, как я предполагал. Конечно же рассказы не прошли. Конечно же не по литературным меркам. Всякая лагерная тема наглухо закрыта, даже если речь идёт об уголовниках. Ничего трагического, мрачного...* (Ремесло. 3. 32). Фоном для проявления значения утверждения служит последующая часть высказывания: «именно» выделяет Т-слово в сложноподчинённом предложении.

4. *Авторитет Русской Церкви укрепляется именно сейчас, в последние десятилетия, в эпоху диссидентства, когда несколько русских священников выказали огромную силу духа в борьбе с тоталитарными порядками, снискав, таким образом, любовь и уважение народа* (Блеск и нищета русской литературы. 4. 354). Фоном для проявления значения утверждения является последующая часть высказывания. Или целый ряд

последующих высказываний: *Было ясно, что он всегда представляется именно так. Сначала называет фамилию. Затем ещё раз – фамилию плюс имя. Затем, наконец, фамилию, имя, отчество. Как будто одной попытки мало. Как будто разом ему не передать всего масштаба собственной личности* (Филиал. 4. 118).

5. Значение «именно» проявляется в пределах простого высказывания, особенно при повторе, вводимом с целью специального выделения какого-то факта. Например: *И тут я ощутил невыносимый приступ злости. Как будто сам я, именно сам, целился в этого человека* (Зона. 2. 166). Или: *Аллу привело в наш город ... любопытство. Да, да, именно любопытство, беспокойное чувство, заставляющее человека неожиданно покидать городской уют* (Компромисс. 1. 234).

Е.А. Стародумова считает, что значение утверждения, выразителем которого является частица «именно», складывается из четырёх компонентов: 1) это известный предмет, признак (об этом уже шла речь, или это известно из ситуации); 2) есть другие, которые можно допустить – семантические компоненты; 3) это единственно истинный (с точки зрения говорящего) предмет, признак; 4) это важный предмет, признак – прагматические компоненты. Рассмотрим оценочные возможности частицы «именно» на примерах из прозы С. Довлатова.

1. *Главное, у меня была своя комната. Я мог быть с Тасей наедине. Именно теперь мы стали близки по-настоящему* (Филиал. 4. 88). В данном случае частица «именно», употребляясь в контексте подтверждения (близкие отношения с Тасей реальны), сопровождает утверждение оценкой – «именно» указывает на то, что эти отношения рассматриваются говорящим как образец, эталон отношений с любимой женщиной.

2. *Вот уже три года я собираюсь издать мою лагерную книжку. И все три года – как можно быстрее. Более того, именно «Зону» мне следовало напечатать ранее всего остального. Ведь с этого началось моё злополучное писательство* (Зона. 2. 7). Частица акцентирует компонент, называющий предмет, уже упомянутый ранее (лагерную книжку – «Зону») и заставляет интерпретировать высказывание как оценочное: это акцентирование важно, несомненно и истинно для говорящего.

3. *Мои книги публикуются и будут опубликованы все до единой. И я должен быть к этому готов. Потому что мои иллюзии собственной тайной гениальности рассеются окончательно. / Видимо, я окажусь средним писателем.*

Пугаться этого не стоит. Ведь только пошляки боятся середины. Именно на этой территории, я думаю, происходит всё самое главное (Из Америки – с любовью. 4. 348). Высказывание с «именно» не служит простому подтверждению, оно предполагает ситуацию вынесения оценок и характеристик, ср.: [Срединный путь и в народных сказках, и в элитарных шедеврах представляется безнадёжным. Довлатов выбрал как раз его – самый рискованный и трудный].

В некоторых контекстах значение утверждения проявляется особенно выразительно, приобретая характер категорического, настойчивого утверждения. Ср.: *Воображаемые амуры с женой начальника лагеря – одна из распространённых коллизий местного фольклора. Один из бродячих сюжетов тюремного мифотворчества. / В этом почти фантастическом сюжете есть несомненная художественная логика. Именно так реализуется мечта о социальном возмездии* (Зона. 2. 94). Частица утверждает здесь факт невероятный, имеющий место вопреки всякому ожиданию, всякой логике.

С точки зрения Е.А. Стародумовой, значение утверждения не является во всех случаях употребления частицы доминирующим в высказывании. «В некоторых контекстах это значение может ослабевать, если оно взаимодействует с другими субъективными значениями – выражением неуверенности, вероятности, возможности, сомнительности и даже – с утверждением противоположного»⁵. Сопоставим с этой точкой зрения различные употребления «именно» в текстах С.Довлатова.

1. *Три года в университете слабо повлияли на мою личность. Это было продолжение средней школы. Разве что на более высоком уровне... Я не знал, что именно тогда достиг вершины благополучия. Дальше всё пошло хуже. Несчастливая любовь, долги, женитьба... И как завершение всего этого – лагерная охрана* (Зона. 2. 16). В контексте формируется значение неуверенности, сомнительности (Я не знал, что...), которое ослабляет значение несомненности, подлинности утверждаемого.

2. *У Аллы Мелешко на редкость привлекательное лицо. Это, конечно, не главное в жизни. И всё-таки, всё-таки... Может быть, именно здесь таится причина неизменного расположения окружающих к этой смешливой, чуть угловатой девчонке...* (Компромисс. 1. 234). Значе-

ние утверждения ослаблено и вытеснено на второй план в связи со сформировавшимся в высказывании значением вероятности, предположительности.

3. *Энн Фридмен сдержанно прибавила: «Мне кажется, перевод хороший». Я думал, что ослышался. Нет, именно так и сказала – «перевод хороший». То есть небрежно похвалила собственную работу* (Переводные картинки. 4. 331). В этом примере говорящий, утверждая один факт, одновременно опровергает другой («сказала так, а не иначе»).

4. *Таня достала бутылку кагора, яблоко, халву, покоровившийся влажный сыр. Я спросил: «Где вы работаете?» – «В канцелярии ЛИТМО. А вы?» – «Я, – говорю, – репортёр». – «Журналист?» – «Нет, именно репортёр. Журналистика – это стиль, идеи, проблемы... А репортёр передаёт факты. Главное для репортёра – не солгать. В этом состоит пафос его работы. Максимум стиля для репортёра – немота. В ней минимальное количество лжи...»* (Заповедник. 2. 224). В приведённом диалоге утверждаемая собеседницей номинация отвергается самим говорящим как принципиально неверная, несопоставимая. Действительно, сравнив словарное толкование слов «репортёр» и «журналист» («репортёр – газетный работник, занимающийся доставкой информации о текущих событиях местной жизни»; «журналист – литературный работник, занимающийся журналистикой»⁶), можно согласиться с говорящим в том, что слово «репортёр» наиболее точно отражает его род деятельности и жизненное credo.

Очевидно, что в высказывании и в тексте значение утверждения далеко не всегда проявляется в чистом виде. Оно может взаимодействовать с другими субъективно-модальными значениями, наслаиваться на них и даже отодвигаться ими на второй план, если эти значения оказываются более важными в содержании высказывания.

Кроме всего, следует сказать о том, что у «именно» имеется ещё одна сема, которая проявляется в особых коммуникативных условиях: в вопросительных высказываниях и в косвенных вопросах после слов «кто», «что», «где», «какой», «когда» и др. Например:

1) *Какой-то американский литературный клуб пригласил Андрея Вознесенского. Тот читал стихи... Предваряя чуть ли не каждое стихо-*

⁵ Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. С. 163.

⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1996. 928 с.

творение, указывал: «Тут упоминается Артур Миллер, который здесь присутствует!» Или: «Тут упоминается Норман Мейлер, который сидит в задних рядах!». / Кончились стихи. Начался серьёзный разговор. Вознесенский предложил – спрашивайте. Задавайте вопросы. / Все молчат. Вопросов не задают. / Тот снова предлагает – задавайте вопросы. Тишина. Наконец поднимается бледный американский юноша. Вознесенский с готовностью к нему поворачивается: «Прошу вас. Задавайте любые, самые острые вопросы. Я вам отвечу честно, смело и подробно». / Юноша поправил очки и тихо спросил: «Простите, где **именно** сидит Норман Мейлер?» (Записные книжки. 4. 231);

2) Все эти годы она добивалась знакомства с Левицким. Через Гордея Булаховича познакомилась с его восьмидесятилетней кузиной. Но к этому времени та успела поссориться со знаменитым родственником. Конкретно, они заспорили – где **именно** стояла баня в родовом поместье Левицких – Ховрино (Жизнь коротка. 1. 223).

Употребление частицы «именно» в таких конструкциях можно рассматривать как модификацию значения утверждения, в которой присутствует дополнительная сема – предупреждение о конкретизации, когда, указывая на неопределённость выделенного из множества предмета или признака, частица выражает необходимость его определения. Ср.: Фрида сказала: «Все мы – люди определённого круга». / Я кивнул. / «Надеюсь, и вы – человек определённого круга?» – «Да», – сказал я. – «**Какого именно?**» – «Четвёртого, – говорю, – если вы подразумеваете круги ада» (Демарш энтузиастов. 1. 38).

Однако необходимость конкретизации вовсе не означает, что она будет реализована. См. характерный контекст: Я валялся на диване и мечтал получить работу. Причём, какую угодно. Только непонятно, **какую именно** (Ремесло. 3. 103). Или: Я положил трубку. На душе было тошно... / Может быть, это кризис? Если да, то **какой именно?** Экономический, творческий, семейный? (Филиал. 4. 109).

У данной модификации Е.А.Стародумова отмечает наличие следующих компонентов: 1) существует некий ряд предметов, признаков; 2) выделяется один из них, неизвестный – семантические компоненты; 3) нужна конкретизация; 4) это важный предмет, признак – прагматические компоненты.

Наиболее ярко прагматические компоненты значения «именно» проявляются в вопросительном высказывании. Такое высказывание, как

правило, является важной составляющей диалога. См. примеры:

1) *Общественной работой Головкер не занимался. В театр ходить не любил. На пионерских собраниях Головкера спрашивали: «Чем ты увлекаешься? Чему уделяешь свободное время? Может, ты что-нибудь коллекционируешь?» – «Да», – вяло отвечал Головкер. – «Что?» – «Да так». – «**Что именно?**» – «Деньги». – «Ты копишь деньги?» – «Ну». – «Зачем?» – «То есть как зачем? Хочу купить». – «Что?» – «Так, одну вещь». – «Какую? Ответ. Коллектив тебя спрашивает». – «Зимнее пальто», – отвечал Головкер... (Встретились, поговорили. 1. 199);*

2) *Она спросила: «Кстати, у тебя есть деньги?» – «Ты уже интересовалась. Есть. В известных, разумеется, пределах». – «Мне необходимо что-то купить». – «**Что именно?**» – «Откровенно говоря, всё, кроме зубной щётки» (Филиал. 4. 68). Необходимость присутствия в этих диалогах стимулирующей реплики «Что именно?» крайне важна. Прагматические составляющие значения «именно» позволяют считать это слово специальным модификатором, при помощи которого содержание диалога в плане авторской оценки обретает недостающий модальный компонент, проясняющий характер авторского (= иронического) отношения к изображаемой действительности.*

В объективной информации, вводимой с помощью частицы «именно», необходимо различать уровни, связывающие высказывания: 1) с системой возможных событий; 2) с реализовавшимися другими событиями/ситуациями; 3) со знаниями, на фоне которых оценивается сообщаемое.

1. Связь с системой возможных событий. Для частицы «именно» особенно актуальна отсылка к множеству объектов/ситуаций, по отношению к которому рассматривается упоминаемый в высказывании объект/ситуация. При этом тип отношений, устанавливаемых между акцентируемым частицей компонентом и неким подразумеваемым множеством, следует рассматривать как отношение «частного» к «общему». Например:

а) *Лагерь представляет собой довольно точную модель государства. Причём **именно** Советского государства* (Зона. 2. 41). Частица предопределяет соотношение номинаций «Советское государство» – «государство» как соотношение обозначений «частного» и «общего».

б) *Ларри достал блокнот, калькулятор и авторучку. Потом сказал: «Я очень рад, что познакомился с вами. Америке нужны талантли-*

вые люди. Я говорил с друзьями... Я думаю, что вы можете получить ссуду на издание еврейской газеты. Но это должна быть **именно** еврейская газета. Еврейская газета на русском языке для беженцев из Союза» (Ремесло. 3. 132). «Еврейская газета» – общая номинация. «Еврейская газета на русском языке для беженцев из Союза» – частная номинация, обозначаемая при помощи «именно».

Важно отметить, что при употреблении частицы мы не всегда обнаружим две номинации, соотносимые как «общее» и «частное». Общая номинация может быть имплицирована. Ср.: *Хочется верить, что Соединённые Штаты найдут возможность помочь беженцам и дальше. Потому что Америка – страна классической демократии. Не зря мы приехали **именно** сюда* (Марш одиноких. 2. 441). В этом примере компонент «общее» мыслится как «другие демократические страны». «Частное» эксплицировано – «страна классической демократии».

II. Связь с реализовавшимися событиями/ситуациями. При посредстве частицы две ситуации могут содержательно сближаться. Это происходит на основе сопоставления, противопоставления, уступительности или причинно-следственной.

Сближение ситуаций на основе сопоставления можно наблюдать в определённых синтаксических условиях, а именно – в отрицательно-противительной конструкции с союзами «не ... а», «а не». В такой конструкции отвергается конкретный предмет, признак, который можно допустить, а утверждается единственно истинный – с точки зрения говорящего. Обычно утверждение делается после отрицания: *Вдруг я заметил, что у меня трясутся руки. Причём **не** дрожат, **а именно** трясутся. До звона чайной ложечки в стакане* (Филиал. 4. 34). Возможна и обратная последовательность: сначала утверждение, потом отрицание: *Работала она бортпроводницей. К своей работе относилась чрезвычайно добросовестно. Работа для неё была важнее любви. В этом смысле Лида напоминала актрису или балерину. Будущее для неё определялось работой. **Именно** работой, **а не** семьёй* (Роль. 1. 151). По наблюдениям Е.А. Стародумовой, та или иная последовательность определяется конкретной коммуникативной целью, тем, насколько важно отрицание. См.: «Если с точки зрения говорящего адресат очень легко может предположить другой, неверный признак, предмет, то говорящий, как бы предупреждает его от этого, акцентирует отрицание, ставя его на первое место. Если недопущение не

так существенно для говорящего, отрицание следует за утверждением»⁷.

Чаще союз «не ... а» образует двухкомпонентный ряд. Однако возможны различные внутрирядные вариации. Так, например, в первой части конструкции (отрицаемой), содержащей в себе первую часть союза, частицу «не», могут присутствовать несколько компонентов, выражающих отрицание, что усиливает действенность утверждения: *Ещё в Ленинграде мне часто приходилось слышать: «Все русские на Западе жестоко перессорились! Евреи с православными. Монархисты с демократами. Либералы с почвенниками. Первая эмиграция с третьей. И так далее...» Наконец я приехал и убедился: действительно, ругани хватает. И в прессе, и на частном уровне... Поводов бесчисленное множество. Цель одна – скомпрометировать идейного противника как личность. Повторяю: **не** убедить, **не** опровергнуть, **а именно** – скомпрометировать...* (Марш одиноких. 2. 464).

Участие частицы «именно» в сближении ситуаций на основе сопоставления можно объяснить особенностью её семантики: утверждение истинности определённого признака, предмета – это в то же время и указание на недопущение другого, который можно было бы предполагать.

Сближение ситуаций на основе противопоставления наблюдается в сложном предложении или сложном синтаксическом целом, где частица маркирует наиболее важный для противопоставления компонент. При этом противопоставление может быть выражено специальным служебным словом – союзом («но», «однако») или аналогом союза («тем не менее», «же»). См. примеры:

1) в сложном предложении с противительным союзом «но»: *Должен заметить, что подлинное качество в Америке стоит не дёшево, **но именно** этот расход, как никакой другой, себя оправдывает* (Трудное слово. 4. 322);

2) в сочетаниях самостоятельных высказываний с союзом «но»: *Я знал, что в казарме полно неврастеников. К этому неминуемо приводит служба в охране. **Но именно** Чурилин казался мне сравнительно здоровым* (Чемодан. 3. 338). Первые два высказывания связаны следственно-причинными отношениями без специального показателя таких отношений. «Именно» в третьем высказывании маркирует компонент (имя «Чурилин»), который противопоставлен компоненту первого высказывания («неврастеников»);

⁷ Стародумова Е.А. Частицы русского языка... С. 168.

3) в сочетаниях высказываний с противительным союзом «однако»: *Есть данные, гарантирующие любому человеку стремительное номенклатурное восхождение. Для этого надо обладать четырьмя примитивными качествами. Надо быть русским, партийным, способным и трезвым. Однако необходима именно совокупность всех этих качеств. Отсутствие любого из них делает всю комбинацию совершенно бессмысленной* (Иностранка. 3. 194). Маркируемый частицей «именно» компонент внутри третьего высказывания («совокупность всех качеств») противопоставлен фоновому компоненту («данные, гарантирующие...»), что содержательно сближает первое и третье высказывания;

4) в сочетаниях противопоставленных высказываний, соединённых частицей-союзом «же»: *Запад рассматривает его в первую очередь как грандиозную личность. <...> И менее всего как художника. / Мы же, русские, ценим в Солженицыне именно гениального писателя* (Как издаваться на Западе? 4. 377);

5) в сочетаниях высказываний, соединённых при помощи скрепы «тем не менее»: *Казалось бы, такому человеку не место в советской журналистике. Тем не менее Буш выбрал именно это занятие* (Компромисс. 1. 335).

Показатель противопоставления может отсутствовать. В таких случаях семантическая роль частицы проявляется особенно ярко. Ср.: *Хамство есть не что иное, как грубость, наглость, нахальство, вместе взятые, но при этом – умноженные на безнаказанность. Именно в безнаказанности всё дело, в заведомом ощущении безнаказанности, неподсудности деяний, в том чувстве полнейшей беспомощности, которое охватывает жертву (Это непереводимое слово – «хамство». 4. 325).*

При сближении ситуаций на основе уступительности частица маркирует компонент, выражающий несоответствие ожидаемому. Такое употребление «именно» особенно характерно для сложных построений с сочинительными союзами. Ср.: *И всё было бы замечательно, если бы какие-то виды обслуживания – почта, например, или часть общественного транспорта – не находилась и здесь в руках государства, что приближает их по типу к социалистическим предприятиям, и хотя до настоящего хамства здешняя почта ещё не дошла, но именно здесь я видел молодую женщину за конторкой, с наушниками и с магнитофоном на поясе, которая, глядя на вас, как на целлофановый мешок, слушала одновременно рок-песенки и даже как-то*

слегка агонизировала в такт (Это непереводимое слово – «хамство». 4. 327). См. ещё пример: Мне говорили, что у Корчного плохой характер. Что он бывает агрессивным, резким и даже грубым. Что он недопустимо выругал Карпова... / На месте Корчного я бы поступил совсем иначе. Я бы схватил шахматную доску и треснул Карпова по голове. Хотя я знаю, что это не спортивно. И даже наказуемо в уголовном порядке. Но я бы поступил именно так (Марш одиноких. 2. 419).

Когда ситуации связываются отношениями причинности, частица «именно» маркирует компонент со значением причины, утверждает тот факт, который в данной причине является наиболее важным. При этом причинные отношения чаще всего бывают выражены союзом «потому что». В связи с этим Е.А.Стародумова пишет: «Если частица акцентирует первую часть сочетания (соотносительное слово), то тем самым утверждается причина в целом... Если же частица акцентирует какой-либо компонент в придаточной части, то она утверждает не причину в целом, а один определённый факт, который является самым важным в обосновании»². См. пример с частицей, маркирующей первую часть союза: *Эстонскую культуру называют внешней... А ругают внешнюю культуру, я думаю, именно потому, что её так заметно не хватает гостям эстонской столицы* (Ремесло. 3. 55).

Употребляясь при союзной частице «ведь», обозначающей мотивировку с модально-экспрессивным оттенком утверждения, частица «именно» утверждает не причину в целом, а лишь один факт, являющийся самым важным в обосновании. Ср.: *Я понимаю, что это – наивная выдумка опустившегося человека. И всё-таки... Если оставить в стороне убогую фантазию этого забулдыги... Да это же сказка о благородном волшебнике! Ведь именно так создаётся фольклор! В наши дни. Вокруг конкретного живого человека... (Марш одиноких. 2. 402).*

Когда ситуации связываются отношениями результата (следствия), частица «именно» подчёркивает следствие, маркируя компонент, содержание которого наиболее важно в этом следствии. Ср.: 1) *После войны в Ленинграде было создано Центральное литературное объединение при Союзе писателей, которое возглавляли два человека – прозаик Леонид Рахманов и моя любимая тётка Маргарита Степановна Довлатова, в те годы – старший редактор издательства «Молодая гвардия». Причём основная идеологическая нагрузка ложилась именно на неё.*

поскольку Рахманов был беспартийным, а моя тётка – давним и более-менее убеждённым членом партии (Мы начинали в эпоху застоя. 4. 253).

Чаще всего следствие подчёркивается частицей при наличии специальных формальных средств – наречий «поэтому», «поскольку». Например: 2) *из ШИЗО я направился в самый опасный угол лагерной зоны. Туда, где между стеной барака и забором пролегла освещённая колея. Так называемый – простреливаемый коридор. Инструктируя служебный наряд, разводящий требовал к этому участку особого внимания. Именно поэтому тут всегда было спокойно* (Зона. 2. 104).

Во всех приведённых выше примерах причинно-следственные отношения выражены и осознаются достаточно определённо. Иногда эти отношения могут проявляться в виде простого подтверждения содержания первого высказывания/компонента вторым высказыванием/компонентом. В таких случаях второе развивает основную мысль первого и служит его подтверждением в каком-то частном проявлении. Например: 1) *Временами Маруся испытывала полное отчаяние. Угрожала Разудалову самоубийством. Именно тогда в его репертуаре появился шлягер: «Если ты пойдёшь к реке топиться, / Приходи со мной, со мной проститься! / Эх, я тебя до речки провожу / И поглубже место укажу...»* (Иностранка. 3. 206); 2) *Четыре телефона было в нашей редакции. И все они звонили беспрерывно. Иногда мы выслушивали комплименты. Гораздо чаще – обвинения и жалобы. Видимо, негативные эмоции – сильнее. / Со временем мне надоело оправдываться. Пускай думают, что именно я отравил госпожу Бовари...* (Ремесло. 3. 142); 3) *Меттер был личностью весьма независимой даже в не очень подходящие для этого годы. Могу напомнить, что именно он в единственном числе аплодировал Михаилу Зоценко в одном из залов Ленинградского Дома писателя, когда тот был подвергнут очередному публичному поруганию* (Мы начинали в эпоху застоя. 4. 255).

III. Связь со знаниями, на фоне которых оценивается содержание высказывания. Правильность восприятия текста обеспечивается не только языковыми и графическими единицами и средствами, но и общим фондом знаний, по-другому, «коммуникативным фоном», на котором «осуществляется текстообразование и его декодирование», поэтому восприятие связано с *предсуппозицией*. Являясь имплицитным компонентом семантической структуры выска-

званий, предсуппозиция может возникнуть при чтении предшествующего текста или оказаться вовсе за пределами текста как результат знания и опыта составителя текста. Такие предварительные знания принято называть *фоновыми знаниями*. «Это знания реалий и культуры, которыми обладают пишущий (говорящий) и читающий (слушающий)»⁸.

Об особом свойстве частиц – способности отсылать к фоновым знаниям – пишет И.М. Кобозева. Она утверждает, что такое свойство частиц способствует введению в поле зрения информации, дополнительной по отношению к сообщаемому, а значит, составляет часть объективной семантики частиц⁹. Рассмотрим на примерах то, как частица «именно» осуществляет свою отсылочную функцию. См. примеры:

1) *я не политический обозреватель. И не буду взвешивать шансы кандидатов. Но я уверен, что президентом будет Рэйген. Мне кажется, именно такого президента требует эпоха* (Марш одиноких. 2. 446). Уверенность говорящего основывается на социальных знаниях, т. е. общеизвестных, доступных всем знаниях о жизни и деятельности человеческого общества. Соотнесённость содержания высказывания с частицей и общекультурного контекста в этом примере такова: «Личность государственного деятеля есть продукт эпохи. Время, исторический момент, определяет тип главы правительства. Эпохе разрядки приходит конец. Афганская трагедия знаменует новый исторический этап. Кандидат в президенты США Р. Рэйген твёрд, принципиален и бережлив. Американскому народу приходится выбирать между твёрдостью и катастрофой. А это значит, что Рэйген – наиболее подходящая кандидатура на пост главы государства»;

2) *старикам важнее давать, а не брать. Именно старики – наиболее требовательные, дотошные и взыскательные читатели нашей газеты. Именно старики нам пишут чаще других. Чаще других звонят в редакцию. / Старики поддержали нас в трудные месяцы. Старики ругают нас за промахи и ошибки...* (Марш одиноких. 2. 438). «Пожилые эмигранты, читающие газету "Новый американец", оценивают происходящее гораздо трезвее, чем молодёжь. И это несмотря на то, что перестройка им стоит куда больших усилий. Язык даётся с большим тру-

⁸ Валгина Н.С. Теория текста : учеб. пособие. М. : Логос, 2003.

⁹ Кобозева И.М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика : сб. научно-аналитических обзоров. М., 1991.

дом. И пережитое напоминает о себе более властно. Но тем не менее в большинстве своём это люди, которым важнее давать, а не брать»;

3) *авторитет Русской Церкви укрепляется именно сейчас, в последние десятилетия, в эпоху диссидентства, когда несколько русских священников выказали огромную силу духа в борьбе с тоталитарными порядками, снискав, таким образом, любовь и уважение народа* (Блеск и нищета русской литературы. 4. 354). «Русская Православная Церковь, в отличие от западных церквей, Католической и Протестантской, никогда не пользовалась в народе большим авторитетом. В Православной Церкви не было той грозной силы, которая заставляла бы её уважать и бояться. В русских народных сказках полно издёвок и насмешек над священнослужителями – попами и попадьями, которые изображаются, как правило, алчными, глупыми и хитрыми людьми. В истории Русской Церкви было немало мучеников и подвижников, но очень мало религиозных деятелей с позитивной программой. Всё это убеждает в том, что необходимы значительные усилия для изменения сложившегося положения вещей»;

4) *судить о том, что выше, поэзия или нравственность, так же трудно, как выяснить – кто сильнее, слон или кит, и трудно именно потому, что это совершенно разные вещи* (Блеск и нищета русской литературы. 4. 356). «Литература в России всегда была очень популярна и пользовалась огромным уважением. Писателя в России всегда воспринимали как пророка, приписывая ему титанические возможности, и ждали от него общественных деяний самого крупного, государственного масштаба. В силу этого литература постепенно присваивала себе функции, вовсе для неё не характерные. От русской литературы ожидали заботы о нравственном благе, призывов к просвещению и не в последнюю очередь – захватывающей и убедительной нравственной проповеди. Однако история подлинной русской литературы была историей борьбы за сохранение её эстетических прав, за свободное развитие её в рамках собственных эстетических законов, ею самой установленных. В этом смысле чрезвычайно показательна фигура А.С.Пушкина, величайшего русского поэта и прозаика, олицетворяющего собой всё лучшее и наиболее полноценное в русской литературе. Можно сказать, что творчество Пушкина было победой чистого эстетизма над общественно-политическими тенденциями проповедничества и морализаторства в литературе»;

5) *чрезвычайно знаменателен феномен Солженицына, который добился абсолютного мирового признания. / И что же? Запад рассматривает его в первую очередь как грандиозную личность. Как выдающуюся общественную фигуру. Как мужественного, стойкого, бескомпромиссного человека. Как историка. Как публициста. Как религиозного деятеля. И менее всего как художника. / Мы же, русские, ценим в Солженицыне именно гениального писателя. Выдающегося мастера словесности. Реформатора нашего синтаксиса. Отдавая, разумеется, должное его политическим и гражданским заслугам* (Как издаваться на Западе? 4. 377). «Некоторые русские литераторы, обретая творческую свободу, избавившись от внешней цензуры, увидели свою задачу в том, чтобы любой ценой очернить тоталитарный режим, рассказать о нём всю правду, не упустив даже мельчайших подробностей. Однако такая задача кажется ложной для писателя. Особенно если превращается хоть и в благородную, но самоцель. Об ужасах советской действительности пусть рассказывают публицисты, историки, социологи. Задача художника неизменно выше и одновременно – скромнее. Подлинный художник глубоко, безбоязненно и непредвзято воссоздаёт «историю человеческого сердца». Решение этой задачи поднимает творчество мастера слова на уровень мирового признания».

По мысли И.Н. Токарчук, в основе стилистического использования частиц лежат их конкретные семантико-прагматические свойства¹⁰. Действительно, индивидуальная семантика частицы «именно» оказывается обуславливающим фактором в определении её стилистических возможностей (значение утверждения, носителем которого является частица, актуализировалось у С.Довлатова, который всегда стремился к поиску нужных и точных слов для того, чтобы представить своё видение мира читателю).

Для анализа довлатовского творчества, где происходит отождествление образа автора и главного героя, а центральный персонаж произведений – повествователь, живущий в особой, абсурдной реальности, эту зависимость крайне важно учитывать.

¹⁰ Токарчук И.Н. Частицы в языковом и речевом аспектах (на материале частиц «просто» и «прямо») : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002.

ПОИСКИ АБСОЛЮТА: ПРОБЛЕМА БЕСКОНЕЧНОСТИ В РАННЕЙ ПРОЗЕ ФЛОБЕРА

Г.И. Модина

Модина Галина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры истории зарубежных литератур Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

Статья посвящена исследованию феномена бесконечности в ранней прозе Флобера. Эволюция представлений о бесконечности как свойстве Абсолюта рассматривается в связи с проблемами самоидентичности и формирования творческого метода писателя.

The article is devoted to researching into the phenomenon of infinity in the early prose by Flaubert. The evolution of ideas about infinity is considered as a quality of the Absolute in relation to self-identity and formation of the author's creative method.

Художественное пространство прозы Флобера, как заметил Сартр, организовано движением по вертикали¹. Действительно, пространственные метафоры в книгах Флобера образуют вертикаль, то с небесным вектором (полет, вершина, башня слоновой кости), то с направлением инфернальным (пропасть, бездна, ад).

В этих образах писатель стремится выразить феномен бесконечного. «Я все время стоял лицом к лицу с бесконечностью», – пишет Флобер другу, Эрнесту Шевалье в декабре 1838 г.² Речь в письме идет о работе над мистерией «Смар». В ней семнадцатилетний автор обобщает пережитый им в 1830-е гг. опыт поисков Абсолюта. Бесконечность (*l'infini*) – одно из самых частых по употреблению из всех, принадлежащих абстрактной лексике, слов в ранней прозе Флобера. И, несмотря на то, что образы бездны и пропасти уже содержат в себе значение бесконечности, автор часто добавляет к ним определение, подчеркивающее это качество: «бездонная пропасть», «бескрайняя бездна». В «лазурной бесконечности», разворачивается действие мистерии «Пляски Смерти» (1838), в безграничном пространстве Вселенной странствуют на крыльях Дьявола отшельник-поэт Смар и другой отшельник – святой Антоний («Искушение святого Антония», 1849–1874).

Бесконечность – одна из фундаментальных категорий мышления. А так как мышление процесс индивидуальный, то и гипотеза бесконечности характеризует существенные черты сознания того, кто задался вопросом о структуре мира и своем месте в нем. Если в рационалистической традиции бесконечное является свойством материи, то в традиции иррационалистической бесконечное есть атрибут Абсолюта (Бога, Идеи, Мировой души, одухотворенной Природы). В этом случае, как заметил Альберт Швейцер, «в мировоззрении человек хочет и духовно приоб-

щиться к бесконечному бытию, которому принадлежит по природе», поскольку «лишь в духовном единении с бесконечным бытием может он обрести смысл своей жизни, черпать силу, чтобы жить и действовать»³.

Впервые к понятию бесконечности Флобер обращается в отмеченных чертами автобиографизма новеллах 1836–1837 годов («Адский сон», «*Quidquid volueris*»), с того момента, как его серьезно начинает волновать проблема самоидентичности.

И чуть позже в исповедальных произведениях 1838–1845 гг. («Агонии», «Записки безумца», «Воспитание чувств»), желая ответить на вопросы «кто я» и «зачем пришел в этот мир», Флобер стремится определить, в каких отношениях с бесконечным миром находится он сам, и одновременно исследует бесконечность как фундаментальное свойство Бытия. При этом автор не просто излагает свои представления об этом феномене, но сам же последовательно анализирует изменение этих представлений.

Герои ранних произведений («Адский сон», «*Quidquid volueris*», «Записки безумца», «Смар», «Ноябрь») проходят одни и те же этапы постижения бесконечности, позволяющие судить о пережитых самим автором периодах «воспитания чувств».

Прежде всего, бесконечное открывается ему в мире внешнем. «Я носился по скалам, брал в горсти океанский песок и отпускал его сквозь пальцы лететь по ветру, бросал в воду морскую траву, всей грудью вбирал в себя соленый и свежий воздух Океана, что так полнит душу энергией, мыслями поэтическими и свободными. Я созерцал неизмеримость, простор, бесконечность, и перед бескрайним горизонтом замирало сердце»⁴, – пишет он в исповедальной книге «Записки безумца». Воспоминания об этих впечатлени-

¹ Сартр Ж.-П. Идиот в семье. Гюстав Флобер от 1821 до 1857 года. СПб.: Алетейя, 1998. С. 240.

² Flaubert G. Correspondance. V. I. Paris: Gallimard, 1973. P. 35.

³ Швейцер А. Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика. Фрагменты из книги // Восток Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 216.

⁴ Flaubert G. Les Mémoires d'un fou // Œuvres complètes. Paris: Gallimard, 2001. T. I. P. 469.

ях в разных вариациях постоянно возникают и в ранних новеллах, и в книгах путешествий («Пиренеи и Корсика» (1840), «Путешествие в Бретань» (1847)).

В пантеистических озарениях бесконечность предстает единством материи и духа, «что зовется Природой, поэзией, Богом»⁵. Природа воспринимается как эстетический универсум, где бесконечное тождественно прекрасному (поэзия) и священному (Бог).

Одновременно Флобер обнаруживает иную бесконечность – бездну собственной души. Она кажется автору дремлющим хаосом, но это хаос, готовый к тому, чтобы быть эстетически организованным: там «ищут свой образ и ждут оформления тысячи возможностей»⁶, звучит «музыка мыслей»⁷.

Эстетическое и сакральное начала, присущие природе, находят отражение в душе и проявляются в творческой деятельности, в искусстве, которое мыслится столь же священным и бесконечным, как сама природа. «Если есть на земле или среди всех форм небытия вера, достойная поклонения, если есть что-то святое, чистое, возвышенное, что отвечает непомерной жажде бесконечного и смутного и зовется душой, – это искусство!», – пишет Флобер в 1838 г. в «Записках безумца»⁸.

Творчество есть возможность приобщиться к бесконечности, доступная Поэту – так в ранних письмах и прозе Флобер называет всякого творца и самого себя, а слово «поэзия» в этот период выступает синонимом слова «искусство». Поэт подобен Богу, его безмерная душа способна все вобрать в себя, все преобразить и высказать. Первые размышления юного писателя сущности творца и творчества воплощены в новеллах «Адский сон» и «*Quidquid volueris*». Обе новеллы написаны в 1837 г. и составляют своеобразный диптих.

В фантастической новелле «Адский сон» Флобер создал модель совершенного Поэта – это сверхчеловек Альмарозэ, воплощение разума «ясного, чистого, бесстрастного и бесконечного»⁹. Творческая идея, принадлежащая этому разуму, совершенна – пожелав стать музыкантом, Альмарозэ сочиняет гениальное произведение. Но осуществление замысла оказывается невозможным, материя не выдерживает мощной силы духа, и от совершенных аккордов раскалывается под его руками орган. Чистый разум не может

придать форму бесконечной мысли, не разрушив самой формы.

В психологическом этюде «*Quidquid volueris*» как антитеза полубогу Альмарозэ возникает полуживотное – полуживотное Джальо. Если герой «Адского сна» воплощает начало духовное, рациональное, то Джальо – воплощение начала чувственного, иррационального. Альмарозэ обладает бесконечным разумом, Джальо – безграничностью души. Интуитивно он ощущает совершенное всеединство Природы, и тогда «сияние его души проходит сквозь телесную оболочку», а в глазах «пылает огонь поэзии»¹⁰. В его душе поэзия и страсти заняли место логики и знания, Джальо не может говорить – причудливый хаос страстей не находит оформления в словах. Этот полуживотное, как и полубог Альмарозэ, в попытке выразить бесконечное обращается к музыке. Но фальшивые, несвязные, звуки, «кружатся бесовским хороводом», «несутся вихрем»¹¹, руки Джальо рвут скрипичные струны, и если непонятная музыка Альмарозэ внушает слушателям страх и восторг, то музыка Джальо, столь же непонятная, кажется им жуткой, безобразной и смешной одновременно.

Бесконечность Вселенной равно открыта и мысли (Альмарозэ) и чувству (Джальо), но ни то, ни другое само по себе не в силах найти поэтическую форму, тождественную Абсолюту.

И все же, размышляя об основах творчества, Флобер отдает предпочтение сфере иррациональной. Быть поэтом – значит «с душой, полной зависти, ярости, любви, оставаться один на один с равнодушным и холодным миром; теряя силы, отдавать свою кровь, больше, чем кровь – отдавать сердце, потоками переливая его в стихи»¹².

Но, стремясь воспроизвести всю безграничную цепь проявлений жизни, автор не в силах преодолеть противоречия между замыслом и ограниченностью формы, в которую следует его заключить. Слово он называет далеким и слабым эхом мысли, их противостояние осознается, как неразрешимое противоречие, источником же его оказывается сам субъект творчества, ведь и бесконечная мысль и конечное слово принадлежат ему. Антитеза мысли и слова связана с дисгармонией духовного и телесного, сакрального и профанного начал в самом существе поэта. И, осознавая свою телесную «конечность», Флобер называет себя немым безумцем. «Я чувствую в сердце тайную, никому не ведомую силу. Неу-

⁵ Flaubert G. Smar // Œuvres complètes. Paris : Gallimard, 2001. Т. 1. P. 607.

⁶ Flaubert G. Novembre // Œuvres complètes. – Paris : Gallimard, 2001. Т. 1. P. 773.

⁷ Smar. P. 607.

⁸ Flaubert G. Les Mémoires d'un fou // Œuvres complètes. – Paris : Gallimard, 2001. Т. 1. P. 503.

⁹ Flaubert G. Rêve d'enfer // Œuvres complètes. – Paris : Gallimard, 2001. Т. 1. P. 211–213.

¹⁰ Flaubert G. Quidquid volueris // Œuvres complètes. – Paris : Gallimard, 2001. Т. 1. P. 249.

¹¹ Quidquid volueris. P. 259.

¹² Les Mémoires d'un fou. P. 609.

жели это проклятие на всю жизнь – быть немым, желать говорить и чувствовать, как вместо слов на губах от ярости вскипает пена. Вряд ли бывают положения более отчаянные»¹³, – пишет он в первой исповедальной книге. В самом ее названии, «Агонии», отражено мучительное стремление к творчеству и столь же мучительное сомнение в том, что можно достичь Абсолюта и подчинить бесконечную мысль конечному слову: «Я хотел найти прекрасное в бесконечном, но нашел там сомнение», – признается Флобер в повести «Записки безумца»¹⁴.

Сомнение в творчестве заставляет усомниться в Бытии: «Что такое слово? Ничто. Оно, как и Бытие, всего лишь простая длительность», – размышляет автор «Агоний»¹⁵. Этот фрагмент свидетельствует о своеобразном логоцентризме Флобера: «конечность» как свойство слова он распространяет на Бытие, а свойствами Абсолюта, безграничностью и вечностью, наделяет Небытие. Если творчество невозможно, то невозможно и существование Творца. Утратив эстетический принцип, мир лишается сакрального центра, и теперь представляется автору гигантским безумцем, что кружится в «дурной» бесконечности Небытия, «воет, и брызжет слюною, и сам себя терзает»¹⁶.

В автобиографических сочинениях Флобер рассказывает о других попытках понять феномен бесконечного и приблизиться к Абсолюту в религии или в рационалистическом размышлении. Он представляет себя то философом-рационалистом, то мистиком, верующим без рассуждений. Обе попытки оказались безуспешными. Принять рациональный или же только иррациональный способ объяснения безграничности мира и безмерности души, отказавшись от противоположного принципа или подчинив один другому, оказалось невозможно – и тот, другой путь тоже ведет к сомнению.

Обобщением этого этапа внутреннего опыта Флобера стала завершенная в 1839 г. мистерия «Смар». Герои мистерии – Смар, Сатана и бог гротеска Юк представляют разные грани сознания автора. Отшельник Смар, становящийся поэтом, воплощает веру. Сатана, явившийся ему в облике ученого, соединяет в себе и чувственное и рациональное начала. Испытания отшельника Сатаной есть испытания веры разумом и страстями. Персонификацией сомнения выступает Юк, бог гротеска. Он участвует во всех сценах мистерии и не только низменно и шутовски тол-

кует события, но, вступая в спор со Смертью, утверждает свое право на бесконечность. В финале мистерии Сатана и ставший поэтом Смар спорят за обладание Истиной, явившейся в облике прекрасной женщины. Но Юк душит ее в своих объятиях, и поэт навеки погружается в пропасть Небытия. Так сомнение оказывается «странствием в бесконечной пустоте», а бесконечность отождествляется с Небытием.

Появление в мистерии всеотрицающего бога гротеска свидетельствует одновременно и о внутренней дисгармонии, и о напряженном поиске единства собственного «я». Флобер не только пытается сделать сомнение инструментом постижения бесконечного, но одновременно подвергает анализу само сомнение. В результате он обнаруживает его деструктивные свойства: сомнение губит истину, не оставляет надежды на существование Абсолюта ни в мире внешнем, ни в душе поэта, делает невозможным творчество. «Когда-то я думал, размышлял, писал, с грехом пополам выплескивал на бумагу сердечный пыл. Теперь я больше не думаю, не размышляю, пишу и того меньше. Поэзия, наверное, затосковала и покинула меня», – сетует писатель¹⁷.

Убедившись в том, что найти гармонию конечного и бесконечного в сомнении невозможно, Флобер не оставляет попыток достичь ее иным путем.

Дневниковые заметки, начатые в январе 1840 г., кажется, свидетельствуют о том, что он вновь отдает предпочтение иррациональному способу постижения истины: «Вдохновение я предпочитаю размышлению, чувство разуму, милосердие справедливости, религию философии, прекрасное полезному, и поэзию – всему», – пишет он в дневнике¹⁸. Антитеза рационального и иррационального касается и субъекта творчества, поэту Флобер противопоставляет художника: «Между художником и поэтом разница огромная: один чувствует, другой говорит, один – сердце, другой – разум»¹⁹.

Но, ровно через месяц, 28 февраля 1840 г., писатель критически перечитывает дневник, открывающийся фразой: «Бесконечность непостижима. Кто же в том сомневается? Множество явлений превосходят наше понимание, но мы верим в их существование: стало быть, помимо ума есть иной способ познания и доказательства, более убедительные, чем доводы нашего разума?»²⁰. Флобер зачеркнул по диагонали эту пер-

¹³ Flaubert G. *Agonies. Pensées sceptiques // Œuvres complètes.* Paris : Gallimard, 2001. Т. 1. P. 400.

¹⁴ *Les Mémoires d'un fou.* P. 503.

¹⁵ *Agonies.* P. 395.

¹⁶ *Les Mémoires d'un fou.* P. 472.

¹⁷ Flaubert Gustave. *Correspondance.* V.I. Paris : Gallimard, 1973. P. 37.

¹⁸ Flaubert G. *Cahier intime de 1840–1841 // Œuvres complètes.* Paris: Gallimard, 2001. P. 730.

¹⁹ *Ibid.* P. 739.

²⁰ *Ibid.* P. 729.

вую запись, и добавил рядом слово «bête» (глупо). И далее, размышляя о противоречиях своей натуры, он отказывается от предпочтения одного способа мышления в ущерб другому: «Я ни материалист, ни спиритуалист. Если бы я стал кем-то, то скорее материалистом-спиритуалистом»²¹.

Первая версия романа «Воспитание чувств» (1845) свидетельствует о том, что автор смог принять обе грани своего сознания – разум и чувство, и обе стороны своего существа – телесную и духовную, рассматривая противоположности в равной степени истинными и закономерными.

Так он обрел внутреннюю цельность и вновь пришел к тому пантеистическому восприятию мира, что открывалось ему прежде в юношеских интуитивных озарениях. Но теперь это не просто интуитивное предчувствие, но интуитивно-рациональное открытие единства материи и духа, и в природе, и в собственной душе.

Новое авторское «Я» отражено в образе Жюля, переживающего те же внутренние метаморфозы, что и сам писатель. Обобщая свой опыт, герой обнаруживает удивительную симметрию сходных идей и чувств, возникающих перед лицом тождественных явлений, те же соответствия открывает в природе, находит восходящую к Абсолюту красоту и гармонию во всех явлениях, даже самых незначительных. В искусстве он видит земное воплощение универсального эстетического принципа. Оно воссоздает мир как ничем не ограниченное целое, «рисует все эти линии, звучит всеми мелодиями, ваяет все формы в их пропорциях и ведет неведомыми путями к той красоте, что прекрасней самой красоты, ибо эта красота вновь восходит к породившему ее идеалу. И рожденный ею восторг есть молитва разума человеческого перед сияющим проявлением бесконечного Разума»²².

Процесс осмысления феномена бесконечности в ранней прозе Флобера самым тесным образом связан с проблемой идентичности. В автобиографической прозе конца 1830-х гг. Флобер отождествлял себя с поэтом, изливающим страсти в лирическом повествовании, воспринимающим «конечное», телесное начало, как «тюрьму плоти». В образе Жюля, воплощена новая концепция творца – художника, способного «уподобляться субстанции, духу даровать тело и материи дух»²³.

При этом Флобер отказывается от намеченного в дневниковых заметках 1840 г. противопоставления Поэта и Художника. Герой «Воспи-

тания чувств» осознает, что превращение его в художника стало итогом всех, пережитых им этапов восприятия мира, и состояние «Поэт» – необходимая ступень воспитания чувств Художника, который «не смог бы обрести эту идею чистого искусства, если бы не пережил всех страданий и остался в плену ложных представлений о конечном»²⁴.

Но если поэт стремится выразить собственную личность, то художнику всякая страсть или идея, полностью овладевшая человеком, представляется замкнутым кругом, внутри которого мечется сознание, и он должен выйти за пределы этого круга, выработать в себе «высокую беспристрастность» и отказаться от субъективной манеры письма, «однообразной, ограниченной» и «неспособной все объять»²⁵.

Образцом для героя (т. е. для автора) становятся великие художники – Гомер и Шекспир. Выражая собственную личность, они воспроизводят мир. Их произведения есть одновременно и «творение Божье», в них вселенная сама познает себя.

Художник оказывается связующим звеном двух начал – временного и вечного, единичного и всеобщего. Запечатлевая в искусстве мгновенное ощущение, мысль, нечто преходящее, он возвращает конечные явления вечной природе, их создавшей, и сам приобретает сакральный статус Творца: Он «соединяется с каждым элементом, вбирает все, а самого себя полностью обнаруживает в своем призвании, служении, предопределенности своего таланта и труде, безграничный пантеизм, пройдя через него, становится искусством»²⁶.

Понятие бесконечности, ранее тождественное небытию, получает теперь иной смысл. Слово это становится синонимом Бытия. Бесконечное Бытие понимается как вечное творчество, а искусство в его совершенных проявлениях выступает как «самопознание мира»²⁷.

Это решение проблемы бесконечного стало основой представлений Флобера о мире как эстетически организованном универсуме, и о себе как художнике. Вместе с тем в поисках гармонии конечного и бесконечного формируется индивидуальный творческий метод писателя, та объективная манера письма, что позволила ему «изображать всеобщее в мире и природе»²⁸.

²¹ Ibid. P. 731.

²² Flaubert G. L'Éducation sentimentale // Œuvres complètes. – Paris: Gallimard, 2001. P. 1024.

²³ L'Éducation sentimentale. P. 1073.

²⁴ L'Éducation sentimentale. P. 1040.

²⁵ L'Éducation sentimentale. P. 1043.

²⁶ L'Éducation sentimentale. P. 1075.

²⁷ L'Éducation sentimentale. P. 1040.

²⁸ L'Éducation sentimentale. P.1040.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)

Т.М. Власова

Власова Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент Дальневосточного государственного университета.

Авторы в своих произведениях стремятся с максимальной достоверностью отразить различные аспекты дискурса, в том числе и прагматические. Умело пользуясь языком они описывают как фонацию, так и кинесическую процесс коммуникации своих героев. Авторы отмечают такие характеристики звучащей речи, как особенности голоса, тона, интонации, артикуляции, темпа речи и дыхания. «Кинесическая речь» героев представлена в виде мимики, взглядов, жестов, положения их тел, физических контактов и реакций; отмечается и то, как коммуниканты используют пространство, в котором проходит общение. Практический материал данной статьи составили примеры, выбранные из книг английского автора Э. Сигала «Призы» и американского автора Р. Патерсона «Глаза ребенка».

In imaginative writing different aspects of discourse (including the pragmatic ones) are reflected by the authors. Using the language they describe vocal characteristics of the speech as well as kinesics of the communication. The examples for the article have been collected from the books by E.Segal "Prizes" and R.N.Patterson "Eyes of a Child". The authors present such characteristics of the speech as the peculiarities of voice, tone, intonation, articulation, speaking pace, breathing. Kinesics is represented in the books as the description of facial expressions, eye behaviour, gestures, postures, touching, etc.

Традиционное художественное произведение «населено» персонажами, которые постоянно общаются, или, в терминах теории коммуникации, совершают коммуникативные акты различной целевой направленности, сообщая друг другу информацию об окружающем их мире и пытаясь воздействовать друг на друга в нужном им направлении. Кроме того, в речевом акте нередко находят отражение эмоциональные реакции говорящих, а также выражается их отношение к собеседнику либо к получаемому или передаваемому сообщению.

Информация в ходе речевого акта может передаваться как вербальными, так и невербальными средствами. А.В. Кравченко отмечает, что коммуникация не ограничивается языковым поведением; она не равна языковой деятельности.¹ «...Языковая деятельность образует лишь подобласть коммуникативных взаимодействий, которые могут иметь как языковой, так и неязыковой характер».² Коммуникативные взаимодействия, которые носят неязыковой характер, и составляют предмет *прагматики*. По одному из определений Дж. Юла, *прагматика* – это изучение того, как при общении передается больше, чем говорится.³ Г.В. Колшанский отмечает, что «прагматический фактор пронизывает всю речевую деятельность человека...»⁴ Большой массив паралингвистических средств (жесты, мимика, тон и т. д.) сопровождает употребление языковых структур.⁵

В работах лингвистов могут описываться различные прагматические аспекты коммуникации. Например, В.И. Карасик пишет о *ситуативных индексах общения*, среди которых – расстояние между участниками общения, громкость голоса и отчетливость произношения, выбор слов, типы обращений, и т. д.⁶ В.В. Красных исследует *параметры конституации* (объективно существующей экстралингвистической ситуации общения, условий, участников), среди которых упоминаются такие паралингвистические факторы, как социальные роли коммуникантов, степень знакомства, официальность общения, стандартность обстановки, эмоциональное состояние коммуникантов, степень заинтересованности в действии, и т. д.⁷ Данная статья посвящена невербальным средствам коммуникации, связанным с фонацией и кинесикой.

Психологами установлено, что в процессе взаимодействия людей 60–80 % коммуникации осуществляется за счет невербальных средств выражения.⁸ К. Боуви и Дж. Трилл считают, что невербальное общение важнее вербального. История общения между людьми началась с языка тела, и, хотя человечество проделало большой путь в своем развитии, и поныне невербальные средства используются для выражения самой различной информации.⁹

⁶ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. С. 23.

⁷ Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. С. 87.

⁸ Пиз А. Язык телодвижений. СПб.: Изд. дом Гутенберг, 2000. С. 5.

⁹ Bovee C.L., Thill J.V. Business communication today. N.-Y.: McGraw-Hill, Inc., 1992. С. 28–29.

¹ Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Иркутск, 2001. С. 215.

² Там же. С. 228.

³ Yule G. Pragmatics. N.-Y.: Oxford University Press, 1998. С. 3.

⁴ Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. С. 100.

⁵ Там же. С. 98.

Если в ситуации реального общения коммуниканты могут непосредственно воспринимать невербальные компоненты речевого акта, то в письменном тексте автор должен использовать определенный арсенал языковых средств, чтобы отразить невербалику коммуникации, без чего невозможно точно передать атмосферу, в которой протекает дискурс, настроение партнеров, степень согласованности их речевых действий. Рассмотрим, какие прагматические аспекты коммуникации могут фиксироваться в художественном тексте и какие языковые средства используются авторами для отражения этих параметров. Исследование проводилось на примерах, выбранных из двух книг: английского автора Эрика Сигала «Призы»¹⁰ и американского автора Ричарда Патерсона «Глаза ребенка».¹¹

Прагматические средства, нашедшие отражение в указанных книгах, можно подразделить на две больших группы – средства, связанные с *фонацией* (звуковыми характеристиками речи) и средства, связанные с *кинесикой* (поведением коммуникантов).

Фонация (Vocal characteristics)

К характеристикам звучащей речи относятся особенности голоса, тона, интонации, артикуляции, темпа речи и дыхания (воспринимаемого как компонент звучащей речи).

1. Голос (voice)

В своей статье, посвященной голосу и тону, Г.Е.Крейдлин пишет о том, что речевые голоса характеризуются признаками, связанными с речью; они меняются в зависимости от пола, возраста, характера сообщаемой информации, физического и психического состояния говорящего, его отношения к предмету обсуждения, адресату или высказываниям адресата.¹² Говоря о важности голоса для успешной коммуникации, автор отмечает, что не отвечающая содержанию или иллюкативной силе высказывания голосовая оркестровка ведет к коммуникативному провалу диалога.¹³ Пользуясь голосом как инструментом, коммуниканты легко выделяют нужные смыслы.

Голос «звучит» в художественном тексте всегда, когда используется глагол говорения или

приводится прямая или косвенная речь. Анализу подвергались глаголы говорения и их модификаторы, поскольку сами высказывания героев не содержат характеристик, связанных с фонацией.

А. Громкость (volume)

Обычная, средняя громкость звучания голоса в тексте не маркируется, она является нормой. Автор особо отмечает, однако, повышение или понижение громкости голоса, так как это имеет коммуникативное значение.

Тихий голос может использоваться, когда говорящий не хочет быть услышанным третьими лицами; когда говорящий хочет выразить свое нежное отношение к собеседнику, его обожание, сочувствие к нему; тихий голос отражает такие эмоциональные состояния говорящего, как испуг, смущение, нерешительность, подавленность, шок, растерянность, невозможность поверить услышанному:

- “She’s doing well,” Paget *whispered* to Caroline. [RP, 440].
- “I tried to keep them out,” Carlo *murmured, embarrassed* [RP, 373].

Тихий голос в художественном тексте может описываться тремя основными способами:

- 1) глаголами *whisper, mumble, to murmur, to lower (one’s voice)*, т.д;
- 2) наречиями *softly, gently, quietly*, т.д.;
- 3) сочетанием слова *voice* со словами соответствующей семантики:

- “Come on, sweetheart,” she *murmured* [RP, 338].
- Terri said *softly*, “You can talk to me whenever you want to” [RP, 335].
- “Karl’s wrong,” she said *quietly* [ES, 93].
- Rosa’s *voice* became *hushed* with memory [RP, 382].

Существуют глаголы, которые в своих дефинициях содержат указание и на громкость голоса и на эмоциональные оттенки, передаваемые голосом, например, *to mutter* (to talk in a quiet voice that is difficult to hear, especially because you are *annoyed or embarrassed*), *to purr* (to speak in a quiet low voice that sounds happy or attractive) [здесь и дальше дефиниции взяты из словарей]¹⁴, и т. д., например:

- “Gosh, Raven,” Barry *muttered*, “You’re really off your tree” [ES, 58].

Громкий голос – голос властный и приказной; это голос недовольства и раздражения, окрика и призыва. Громкий голос обычно возникает

¹⁰ E. Segal. Prizes // Reader’s Digest Condensed Books. Vol 3. New-York : the Reader’s Digest Association, Inc., 1995. P. 7–160, далее – ES.

¹¹ R.N.Patterson. Eyes of a Child. // Reader’s Digest Condensed Books. Vol 3. New-York : the Reader’s Digest Association, Inc., 1995. P. 299–496, далее – RP.

¹² Крейдлин Г.Е. Голос и тон в языке и речи // Язык о языке / под ред. Н.Д. Арутюновой. М. : Языки русской культуры. 2000. С. 469.

¹³ Там же. С. 474.

¹⁴ Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2002; Longman Dictionary of Contemporary English. Longman House, 1988.

ет в речи, если есть преграда в общении: плохая слышимость, незнакомый речевой код, психологическая невосприимчивость информации. Повышение голоса передает отдаление от собеседника, стремление занять в диалоге командную позицию, что обычно вызывает негативную реакцию.¹⁵

Громкий голос может быть показан

1) глаголами, такими как *to shout*, *to bellow* (*to shout very loudly*), *to trumpet* (*to make known loudly*), *to boom*, глагольным словосочетанием *to raise one's voice*, и т. д.;

2) наречиями *loudly*, *sharply* (*suddenly and loudly*), и т. д.;

3) сочетанием слова *voice* со словами соответствующей семантики:

• “I don't think that word is adequate, Mom,” Isabel said *sharply* [ES, 144]

• “Did you hear me?” she *shouted angrily* [ES, 150].

Особыми причинами повышения голоса, нарушающими этикетные нормы общения, являются эмоциональные факторы: гнев, злость, негодование, раздражение, возмущение, поэтому нередко глагол, сигнализирующий громкую речь, сочетается в высказывании со словами, указывающими на эмоциональное состояние говорящего (как в вышеприведенном примере). Есть, однако, глаголы говорения, которые совмещают значение громкости и эмоционального состояния, например, *to yell* (*to say something in a loud voice, or to make a loud noise, because you are angry, afraid, excited, etc.*), *to rage* (*to shout angrily at someone*), *to explode* (*to express strong emotions in a sudden, noisy and often violent way*), *to erupt* (*to suddenly express a particular feeling in a noisy way*), *to hurl* (*to shout at someone in a very angry way*) и т. д., например:

• “What's happened to Rochelle?” he *exploded* [ES, 48].

• “Good. I agree,” she *hurled* back. “After what you did today, I don't want to be married to you, Sandy” [ES, 107].

Увеличивая или уменьшая громкость звука, говорящий «играет» своим голосом, стараясь произвести наибольший эффект на слушающего:

His *voice lowered*. “Because Elena told me” [RP, 336].

Б. *Высота голоса (pitch)*

Согласно Г.Е. Крейдлину русское слово **тон** имеет два значения: 1) степень высоты звучащего в момент речи голоса (свойство голоса);

2) способ выражения голосом чувств говорящего, его отношения к адресату и предмету речи; манера речи, способ говорения: *недовольным тоном, в таком тоне*.¹⁶ В английском языке первое значение передается термином **pitch** of a voice; во втором значении его английский эквивалент – слово **tone**: *hushed tones; disbelieving tone*. В данном разделе статьи рассматриваются только случаи указания автором на высоту голоса; *тон* во втором значении рассматривается ниже.

Высота тона голоса чаще всего показывается глаголами типа **to shriek** (*to say smth in a very loud high voice / to shout in a loud high voice when you are frightened, excited or surprised*), **to shrill** (*to say smth in a loud high unpleasant voice*), **to scream** (*to cry out loudly on a high note, esp. in fear, pain, anger*), **to rise** (*about voice – to get higher, often because of strong feeling*). Как видно из дефиниций, повышение тона голоса маркирует изменение эмоционального состояния говорящего:

“Look, I'm out of money” His *voice rose* [RP, 341].

“Carlo,” she would *shriek* and run through the house to find him [RP, 327].

В. *Тембр голоса (timbre)*

Тембр голоса показывает окраску звучания голоса. В английском языке для его обозначения используется слово *timbre* (the quality of sound that a particular voice has). В исследуемых текстах тембр голоса обычно показывается наречиями или прилагательными типа *low, high, gruff(ly), hoarse(ly), husky, raspy*, например:

Then a new voice asked, “Could I see number five again?”

A woman's voice, *low and hoarse* [RP, 398].

“I don't know.” Keller's *raspy voice* rose slightly [RP, 460].

Just then an *alien voice* interrupted them [ES, 145].

Последний пример помещен в этот раздел, так как голоса людей отличаются тембром и узнаются по их тембру.

Г. *Выражение голосом эмоционального состояния говорящего*

Голосу, как и лицу, можно придать определенное **выражение**: печальное, скорбное, и т. д.¹⁷ Для передачи эмоционального состояния коммуникантов используются следующие языковые средства:

1) глаголы, такие как *growl* (*to say something in unfriendly and angry way*), *to gush* (*to express*

¹⁵ Крейдлин Г.Е. Указ. соч. С. 465–466.

¹⁶ Крейдлин Г.Е. Указ. соч. С. 491–492.

¹⁷ Крейдлин Г.Е. Указ. соч. С. 474.

admiration or pleasure with enthusiasm), *to storm* (to say something in a *very angry way*), *to chirp* (to say something in a *lively and happy way*); *to snarl* (to speak in an angry bad-tempered way), например:

• “Adam, I know there’s someone else in your life,” she *stormed* [ES, 92].

2) глаголы говорения в сочетании со словами, номинирующими эмоциональное состояние говорящего, а именно: наречиями, такими как *angrily, furiously, happily, apprehensively, cheerfully, nervously, excitedly, uneasily, gaily, shyly, anxiously*, или существительными, такими как *embarrassment, fervor, feeling, triumph, delight, horror*, т. д. например:

• “Oh, you really are a beautiful person,” she said *joyously* [ES, 33].

• Sick at heart, Muriel said *sadly*, “I don’t really think that would help” [ES, 52].

• “You can both eat here,” he said, bordering on *hysteria* [ES, 127].

3) Слово **voice** или *tone* в сочетании с указанием выражаемой голосом эмоции:

• “Richie Arias,” she heard him answer in a *cheery tone* [RP, 341].

• Elena’s *voice* was *frightened* now [RP, 351].

Голос можно изменять, можно разыграть голосом любую эмоцию, а можно попытаться скрыть испытываемые чувства, «убрать» из голоса все эмоции:

• “It’s okay,” Chris answered with *attempted casualness* [RP, 477].

• His *voice* became *flat* with *muted outrage* [RP, 406].

Говорящий «играет голосом», показывая, что он испытывает такие сильные негативные эмоции, что не может говорить нормально, и монотонность его голоса обусловлена попыткой скрыть свое состояние.

Д. Отражение в голосе физического состояния говорящего

Чаще всего авторами отмечается физическая усталость, слышимая в голосе, например:

• “Unless I give him Elena and money,” she said *wearily* [RP, 345].

• “May be I blamed myself for liking that.” Her *voice* grew *tired* [RP, 349].

Е. Голосовые эмоциональные реакции

В этом разделе рассматриваются невербальные реакции, в которых используется голос – смех, плач, возгласы. М. Финоккиаро называет «неартикулируемые звуки, которые люди производят в процессе говорения или выражая эмо-

ции» параязыком (*paralanguage*).¹⁸ Параязык обычно отражает эмоциональное состояние человека:

• Even now the remark hit Paget hard. “*Whew*,” he said [RP, 491].

“*Whew*” – это междометие, выражающее состояние удивления или дискомфорта, ощущаемого говорящим [1].

• The prospective jurors *laughed* at the mild joke... [RP, 402]

Смех – это реакция на шутку, на остроумное замечание, на рассказ о смешном случае из жизни, поэтому обычно он выражает положительную реакцию на речевое поведение партнера, поддерживающую общение. Но смех может быть и оскорбительным, обидным, например:

• This merely intensified their *mocking laughter* [ES, 47].

Плач – отражение отрицательных эмоций, испытываемых коммуникантами, – отчаяния, горя, обиды, и т.д., например:

• “You are in danger, darling...” she began *to weep* [ES, 139].

Но иногда люди плачут от счастья, например:

• When he arrived at her apartment, Toni was intoxicated *with joy*.

“Oh, Adam,” she *wept*, hurling her arms around him [ES, 25].

Ж. Дрожание голоса

Дрожащий голос всегда является показателем интенсивных эмоциональных переживаний, например:

• “Oh, sweetheart,” Rosa says with *trembling voice*. “Oh, sweetheart, that this should happen to you” [RP, 387].

Это – физическая реакция, вызванная вибрацией голосовых связок, поэтому она не поддается контролю, ею невозможно управлять, как другими свойствами голоса. Ее нельзя скрыть, точно так же, как и симулировать.

2. Тон (*tone*)

Тон рассматривается в данной части как способ выражения голосом отношения к адресату и предмету речи: *недовольным тоном, в таком тоне*.

Поскольку понятия голоса и тона иногда смешивают, Г.Е. Крейдлин четко определяет коммуникативные функции голоса и тона: основное коммуникативное назначение тона – согласовывать межличностные и социальные отношения между участниками акта коммуника-

¹⁸ Finocchiaro M., Sako S. Foreign Language Testing. N.-Y.: Regent Publishing Company, 1983. С. 7.

ции, он этикетно нормативен, контролируем и регламентирован. Голос, однако, – главный выразитель эмоций и в диалоге часто неконтролируем; с его помощью можно воздействовать на адресата. Если тон выполняет регулятивную функцию и связан с манерой и стилем ведения диалога, то голос – основной инструмент эмоционального воздействия.¹⁹

Тон речи регулирует актуальный диалог и связан с прагматикой речевой коммуникации. Сложность человеческого общения может легко преодолеваться, если в разговоре *взять правильный тон* или *задать верный тон*, т. е. тон, соответствующий содержанию диалога, стилю и коммуникативным намерениям говорящего. Напротив, *неверный тон* приводит к провалу коммуникации,²⁰ например:

- Something about Greg's *tone* made Sandy *uneasy* [ES, 105].

Тон всегда выбирается осознанно и намеренно, в отличие от интонации и голоса, которые не всегда подконтрольны говорящему.²¹

Для отражения в художественном тексте тона как способа выражения отношения к адресату или предмету речи, используются следующие средства:

1) глаголы типа *to sneer* (to speak in an unpleasant way that shows you *do not respect* someone); *to plead* (to ask for something in an *urgent or emotional* way); *to beg*, *to implore* (to ask to do something in an *emotional* way), *to grumble* (to say something in a *complaining* way), *to reprimand* (to say somebody that something they have done is *wrong*), *to commiserate* (to express *sympathy* to someone who is unhappy), *to lash* (criticize someone severely or angrily), *to enthuse* (to talk in an excited way about something you are interested in), *to scold*, и т.д., например:

- "Listen," the young man *pleaded*. "I was only joking, I swear" [ES, 51].

- He was busy tearing open envelopes, *grumbling* to himself, "I can't believe this electric bill..." [ES, 62];

2) наречия типа *lovingly*, *passionately*, *affectionately*, *amiably*, *cordially*, *deferentially*, *sympathetically*, *warmly*, *icily*, *coolly*, *dryly*, *disapprovingly*, *disgustedly*, *offhandedly*, *abruptly*, *earnestly*, т. д., например:

- Paget looked up. "Morning," he greeted Monk *amiably*. [RP, 363].

- "Who's Karl?" her father asked *suspiciously* [ES, 54].

3) словосочетания с существительным, обозначающим отношение к собеседнику или обсуждаемой информации, например, *disapproval*, *interest*, *deference* (почтение, уважение), *affection*, *scorn*, т. д., например:

- For the first time, his words had an undertone of *passion* [RP, 334].

- "Good for you," Adam said *with admiration* [ES, 84].

4) сочетанием слова *voice* или (under)tone(s) с прилагательным (или причастием), отражающим отношение к собеседнику или предмету разговора, типа *astringent* (сухой, строгий), *ironic*, *accusatory*, *cool*, *dry*, т. д., например:

- Richi's *voice* was *silken* now. [RP, 336]

- "Please," he would say, "I'll change." Rosa's *voice* became *ironic* [RP, 382].

- He was quite angry. His *tone of voice* was *threatening* [RP, 452].

Чтобы в ходе дискурса оказать нужное влияние на слушающих, говорящий может менять тон в зависимости от темы разговора, от поведения партнера по коммуникации, «играть» голосом, «подчеркивать» выбранный им тон или, наоборот, не проявлять своего отношения к предмету разговора:

- Keene spoke with *exaggerated patience* [RP, 336].

- Terri *kept her voice steady*. [RP, 354].

Тон высказывания может вступать в противоречие с содержанием вербального сообщения; причем больший коммуникативный вес имеет тон:

- "Nicely done," she said to Salinas in her *driest voice* [RP, 384].

Героиня словесно выражает одобрение, но ее тон демонстрирует отрицательную реакцию на поведение партнера, которой можно доверять больше, чем добрым словам.

3. Интонация (intonation)

Г.Е. Крейдлин отмечает, что интонации принадлежит ведущая роль в организации высказывания, она регламентирована, как и тон, и отражает коммуникативные потребности говорящего.²² В письменном тексте интонация может иметь соответствующие маркеры – вопросительный или восклицательный знак, многоточие, т.д., или передаваться словами *tuna to emphasize/ emphasis*, *inflection (movement up and down of the voice)*, например:

¹⁹ Крейдлин Г.Е. Указ. соч. С. 497.

²⁰ Там же. С. 493–494.

²¹ Там же. С. 500.

²² Крейдлин Г.Е. Указ. соч. С. 499.

- She told him all she knew, without *emphasis or inflection* [RP, 484].

С помощью интонации говорящий осуществляет распределение смысла, который он хочет выразить, создает коммуникативную перспективу высказывания (в письменном тексте автор может использовать для этого альтернативный шрифт), например:

- “*But then she’s closer to my age than yours*” [RP, 493] (курсив автора).

Рематический компонент обычно находится в конце высказывания, но, выделив курсивом срединный компонент, автор ставит на нем логическое ударение.

- “*You thought Chris has erased your message*” [RP, 483] (курсив автора).

С помощью курсива автор поставил логическое ударение на исполнителе действия, а не на самом действии или объекте действия.

Выделительная, эмфатическая интонация может использоваться для придания высказыванию большей эмоциональности и убедительности:

- “Only this, Terri.” He *emphasized each word*. “I didn’t kill Richardo Arias” [RP, 380].

Для обозначения интонации незаконченного высказывания используются многоточие или тире:

- “Oh, Daddy...” She dissolved into tears of joy [ES, 112].

Испытывая сильное волнение, героиня не может выразить словами свои чувства.

4. Артикуляция (articulation/pronunciation)

Особенности артикуляции являются одним из параметров звучащей речи. Для отражения этого параметра в художественном тексте чаще всего используются глаголы, содержащие в своей семантике указание на отклонения в артикуляции, такие как to slur (to speak *without pronouncing the words clearly or separately*, for example if you are tired or drunk), to babble (to speak *quickly* in a way that other people don’t understand easily), to stammer (to have *difficulty in saying certain words* because of a speech problem, *nervousness, excitement*) и т. д., например:

- “Miss me, Terri?” *Richie’s voice from the darkness was slurred and insinuating* [RP, 328].

- “Send wh-what?” he asked with a slight *stammer* [ES, 92].

Если в первом случае особенности артикуляции (нечеткая, размытая речь) обусловлены состоянием опьянения, то во втором случае заикание вызвано сильным волнением.

Артикуляционные особенности могут описываться и другими способами, например:

The words had a *sibilant hiss* [RP, 328].

В эту же группу включены примеры, содержащие указание на особенности произношения, связанные с наличием у говорящего акцента, например:

- “Good morning, Mrs. Zimmer,” he said in a *heavy Russian accent* [ES, 138].

Автор может использовать несколько характеристик произношения:

- “Christopher!” The woman’s *well-bred voice was nasal and faintly New England* [RP, 376].

5. Темп речи (speaking pace)

Обычный, средний темп дискурса, как правило, никак не отмечен в тексте. Коммуникативно значимым является только его изменение. Темп произнесения высказывания меняется, когда меняется эмоциональное состояние говорящего. На изменение темпа речи могут указывать:

1) глаголы типа to quicken (about voice), to babble (to speak *quickly* in a way that other people don’t understand easily), т. д., например:

- The Russian was flustered. “Oh, yes, of course,” he *babbled* [ES, 160].

- Terri’s voice *quickened*. “We’ve been gone two days, and now I can’t reach her” [RP, 305];

2) наречия типа quickly, slowly, promptly, deliberately, т. д., например:

- “You are married,” she responded *slowly* [ES, 81].

- “No,” he answered *quickly*. Perhaps too *quickly* [ES, 117].

Поскольку ускорение темпа речи часто свидетельствует о душевном дисбалансе, глаголы, отражающие этот параметр речи, могут содержать в своей дефиниции указание на эмоциональное состояние говорящего, например, to snap (to speak *quickly*, esp. in an *annoyed* way), to spit (out) (to say something *quickly and angrily*):

- “Carlo,” she *spat out*, “is not a child molester. And you could have sent Chris to prison” [RP, 483].

Понимая, что ускоренный темп речи может выдать волнение, говорящий может намеренно его снижать, чтобы скрыть свое внутреннее состояние и не потерять морального превосходства над собеседником:

- She *forced* herself to speak *slowly and evenly* [RP, 308].

6. Дыхание (breathing)

Авторские характеристики дыхания в дискурсе рассматриваются в разделе «Фонация», так как звучащая речь неразрывно связана с процессом дыхания: на потоке дыхания произносятся

звуки, силой потока выдыхаемого воздуха регулируется громкость звука, выделение слогов и слов; громкое дыхание или вздохи воспринимаются как звуки.

Обычно дыхание незаметно для собеседников. В норме оно спокойное и бесшумное. Но испытываемые в процессе говорения эмоции могут влиять на дыхание и вызывать изменения в обычном его ритме и громкости, например:

- He *expelled a deep breath*, the first hint of *emotions* [RP, 354].

- Terri *exhaled*. "All right. We'll try it" [RP, 332].

- All right," Toni said with a *sigh*... [ES, 74].

Существуют глаголы, которые содержат в своих дефинициях указание как на особенности дыхания, так и на вызвавшие сбой дыхания эмоции, например, to sputter (to say something in a confused way, taking *short quick breaths*, for example when you are *shocked or angry*), to gasp (to say something breathing quickly/ to breathe in suddenly because you are surprised or shocked):

- "Oh, that's horrible," Isabel *gaped* [ES, 139].

- Anya felt awkward and *sputtered*, "What could I possibly say?..." [ES, 77].

В первом примере изменение ритма дыхания вызвано испытываемым героиней шоком; во втором автор эксплицитно указывает, чем вызван сбой – неловкостью, смутением.

Как видно из приводимых в разных частях статьи дефиниций, многие слова содержат несколько прагматических характеристик дискурса, связанных со звучанием речи. Приведем несколько примеров:

to mumble – to say something in a way that is *not loud or clear* enough so that your words are difficult to understand (громкость и артикуляция);

to scream – to cry out *loudly* on a *high* note, esp. in *fear, pain, anger* (громкость, высота и выражение эмоционального состояния);

to grunt – to say something using *low short* sounds, especially if you *don't want to talk* (высота голоса, манера речи и отношение к партнеру);

to intone – to speak *slowly and seriously*, without making your *voice rise or fall* (темп, тон, высота голоса);

to sputter – (to say something in a confused way, taking *short quick breaths*, for example when you are *shocked or angry*) (дыхание, эмоциональное состояние);

to exclaim – to say something *suddenly and loudly*, especially because you are *surprised, impressed* or in *pain* (манера речи, громкость голоса, эмоциональная реакция);

to mutter – to talk in a *quiet* voice that is diffi-

cult to hear, especially because you are *annoyed or embarrassed* (громкость и выражение эмоционального состояния);

in a clipped tone – speaking *clearly and quickly*, in a way that seems *unfriendly* (артикуляция, темп речи, тон), например:

- "Members of the jury," he *intoned*, "I will now poll you individually" [RP, 475].

- "Mac," she said in her most *clipped tone*, "you haven't told me a thing" [RP, 385].

- "Stop it!" she *screamed* [ES, 107].

Кинесика (body language)

Акт коммуникации невозможно представить без поведенческих реакций коммуникантов (кинесики), так как они способны передавать большой объем информации при общении людей как самостоятельно, так и в сочетании с речевыми средствами. Для нормального протекания коммуникации крайне важны различные контакты: визуальные, тактильные.²³ Кинесические коммуникативные акты способны не только показывать эмоции, но и транслировать их. С их помощью может осуществляться намеренная и контролируемая передача информации.²⁴

Исследователи невербального общения используют разные термины для обозначения кинесики. Так, например, С. Сахнун использует термин *кинесическая речь*.²⁵ Г.Е. Крейдлин объединяет под общим названием *жесты* как собственно жесты (т. е. совокупность сознательных и бессознательных телодвижений и поз человека), так и мимику (т. е. совокупность движений и выражений лица и глаз).²⁶

Кинесика включает выражение лица, взгляд, жесты, положение тела, прикосновение, физические реакции, использование пространства.

1. Мимика (facial expressions)

Для адекватного общения большое значение имеют жесты и мимика.²⁷ Мимика и выражение лица несут важную информацию о состоянии человека, его эмоциях, показывают реакцию на поведение партнера по коммуникации; и эту информацию можно «читать»:

- Paget could *read Carlo's face* [RP, 389].

В художественном тексте для описания выражения лица и мимики используются следую-

²³ Красных В.В. Указ. соч. С. 322.

²⁴ Крейдлин Г.Е. Указ. соч. С. 479.

²⁵ Сахнун Саид. О соотношении вербального и невербального в побудительном общении // Русский язык за рубежом, 1987. № 4. С. 66.

²⁶ Цит. по: Тумаркин П.С. Жесты и мимика в общении японцев. М.: Русский язык, 2001. С. 7.

²⁷ Красных В.В. Указ. соч. С. 323.

щие языковые средства:

1) слово *face* с прилагательным типа *radiant, alight, cold, attentive* или глаголом типа *to brighten, to darken*, характеризующими выражение лица, например:

- *Brook's face went cold* [RP, 385].
- "Don't ever hit her," she tells her father... *Ramon's face darkens* [RP, 371].

2) глаголами или существительными *smile, grin, frown, grimace, scowl* (to twist your face into an expression that shows that you are angry), *yawn*, и т. д., например:

- "Are you sure?" Pracht asked *with a slight grin* [ES, 100].
- A faint *smile* appeared at one corner of his mouth [RP, 311].
- *Frowning*, the witness said, "I can't remember what jobs he had" [RP, 422].

3) словами *look, expression, air, seem* в сочетании с определителями, показывающими эмоциональное состояние говорящего или его отношение к обсуждаемому объекту или собеседнику, таких как *stung, somber, annoyed, startled, apprehensive, troubled, nettled, curious, surprised, puzzled, confused, nonplussed, bewildered, pensive, mournful, bemused, calm, pleased, disbelieving*, и т. д., например:

- The cop *looked surprised*. "You are not supposed to be in here." [RP, 373]
- They were surveying Warner with a newly *skeptical air*. [RP, 418]
- Caroline's *expression* became *curious* [RP, 437].

4) разнообразными словосочетаниями, отражающими мимическое поведение отдельных частей лица:

- "Anya's pregnant." Avilov's *jaw dropped* [ES, 159].
- "Ranking?" Peter inquired *with his eyebrow raised* [ES, 117].
- Elena's *brow furrowed* [RP, 450].
- Keller *pursed her lips* [RP, 457].

Автор может не только отразить в тексте мимическую реакцию, но и указать на ее причину, например:

- Caroline *grinned* in triumph [RP, 475].

Реакция может быть комплексной, отражая бурю чувств, испытываемых собеседником:

- An *astonishing range of expressions* crossed her face. And then, to her plain surprise, Caroline began to laugh [RP, 490].

Услышав неожиданную информацию, Каролайн в смятении, которое находит неожиданную разрядку в (нервном?) смехе.

Мимические возможности коммуникации можно использовать осознанно, намеренно придавая лицу то или иное выражение, не всегда отражающее внутреннее состояние:

- He *smiled* then, as if to *cover his surprise* [RP, 310].
- "I see." Caroline *donned an almost innocent expression* [RP, 437].

Коммуникативная цель Каролины – оказать воздействие на присяжных заседателей, поэтому она, помимо вербальных средств, умело пользуется невербальными средствами, в данном примере – выражением лица.

Если сообщение собеседника вызывает резко отрицательную реакцию, имитация положительных эмоций дается с трудом:

- He *forced a smile* in Anya's direction [ES, 160].

Собеседник всегда хочет знать реакцию партнера по коммуникации, и выражение лица может дать об этом больше информации, чем слова. Зная об этом, партнер может «закрыть» этот источник информации, сделать его недоступным, например:

- *His expression was unfathomable*; perhaps Caroline only imagined his disappointment [RP, 463].

Отсутствие всякого выражения на лице тоже является «говорящим», поэтому автор специально подчеркивает отсутствие мимической реакции:

- *Her mother's face remained impassive* [RP, 342].
- *But Monk's face showed nothing* [RP, 364].
- *Rosa's face turned to stone* [RP, 482].

2. Взгляд (eye behaviour)

Основные коммуникативные функции взгляда – отражение внутреннего состояния коммуниканта и трансляция эмоций. Взглядом можно выразить свое отношение к собеседнику и к его поведению: уважение, симпатию, любовь, нежность, презрение, равнодушие.²⁸

Если выражение лица можно контролировать, но выражение глаз менять по своему усмотрению практически невозможно. Глаза часто «выдают» душевное состояние человека:

- *Rosa's face was still a mask*; only her eyes *showed her anguish* [RP, 342].

Основными лексическими средствами описания взгляда в процессе коммуникации являются

- 1) слова *gaze, stare, glance, squint*, например:

- "Good." Richie *shot Terri a quick glance* [RP, 332].

²⁸ Язык жестов / сост. А. Мельник. М.: Терра – Книжный клуб, 2003. С. 35.

- Monk's gaze hardened into a stare [RP, 367].

Последний пример интересен тем, что автор показывает, как герой использует взгляд для достижения своей цели (смутить допрашиваемого, сбить его толку): он меняет характер своего взгляда: задумчивый взгляд сменяется пристальным, глагол указывает на то, что взгляд стал более жестким.

2) слово *eye(s)* с а) определением типа *cautious, veiled, reflective*; б) глаголом типа *freeze, shine, sparkle, flicker, glint, wince, glisten*; в) существительным, обозначающим эмоциональную реакцию, например:

- "I copied a set of Terri's keys." ...His eyes *glinted* [RP, 485].
- Warner regarded her with *wounded gray eyes* [RP, 417].
- Her eyes were now *sparkling* [ES, 85].
- "Mr. Salinas?" asked the judge, a certain *amusement in his eyes* [RP, 402].
- She looked at him with a *gleam in her eye* [ES, 89].

3) слова *look, regard, watch*, и т. д., с определителями:

- Terri *looked up at Richie in disbelief* [RP, 343].
- The teacher gave her a *hostile look* [RP, 418].
- Carlo *regarded her intently* [RP, 489].

Глаза обычно являются «зеркалом» эмоционального состояния человека, что нередко находит отражение в авторской характеристике взгляда:

- Adam *looked about him with an expression of mistrust*. [ES, 114]
- Richie's eyes *shone with resentment* [RP, 320].
- Charlie addressed Anya, his eyes *broadcasting shock and sorrow* [ES, 125].

Однако взгляд может быть непроницаемым и не выдавать чувств и настроения коммуникантов:

- Gates gave Salinas an *inscrutable look* [RP, 426].

Некоторые движения глаз могут, как и жесты, иметь свои значения и отражать эмоциональные реакции говорящего, например, *to shut one's eyes* (облегчение), *to widen one's eyes* (удивление, страх), *to blink* (растерянность), *to lower one's gaze* (смятение, душевный дискомфорт), например:

- "Where is your dad's room?"

Carlo *seemed to blink*. "Next to mine" [RP, 365].

• "She thinks Richie's dead." Chris's eyes *narrowed* [RP, 351].

А. Пиз пишет, что когда человек возбужден, его зрачки расширяются в 4 раза, а сердитое, мрачное настроение заставляет зрачки сокра-

щаться.²⁹

3. Прикосновение (touching behaviour)

Прикосновение – важное средство для выражения теплого чувства, поддержки. Даже самый легкий тактильный контакт может создать позитивную атмосферу при общении. Но поскольку прикосновение предполагает определенную близость отношений, использование этого невербального средства строго регламентировано: нужно отчетливо представлять, кто может прикоснуться к кому, как и в какой обстановке. Эти нормы варьируются в зависимости от пола, возраста, статуса, воспитания и образования.³⁰ Рассмотрим несколько примеров:

- He *touched her shoulder* and then opened the car door and got out [RP, 468].

В этой ситуации прикосновение – дружеский жест, говорящий: «Все в порядке».

- She then realized how shaken Adam was and *touched his hand*. "Stop blaming yourself" [ES, 30].

Адам испытывает сильное потрясение, и героиня, успокаивая его, касается его рукой, чтобы усилить действие своих слов.

- He *touched her face*. "Feeling lonely?" [RP, 394].

В данном случае прикосновение выражает нежность к героине, является проявлением любви и сочувствия.

- Paget *rested both hands on his son's shoulders*. "They're trying to dig up Richie's molester stuff" [RP, 389]

Перед тем, как сообщить сыну неприятную информацию, которая может его расстроить, Пэджет кладет ему на плечи руки, устанавливая контакт, этим заранее успокаивая его.

- At this moment Muriel, overcome with emotion, *grasped Isabel's hands* [ES, 139].

В этом примере хватание за руки обусловлено всплеском эмоций, неспособностью героини контролировать свое поведение, попыткой установить более тесный контакт и взаимопонимание с дочерью.

- She *leaned forward and squeezed Chris's hand*. But even when she smiled, a part of her *seemed elsewhere* [RP, 468].

Каролина не просто касается руки Криса, но сжимает ее, что выдает ее внутреннее напряжение; на поверхности, однако, – улыбка, которой она хочет продемонстрировать окружающим свое спокойствие и уверенность в успехе.

Коммуникативное назначение прикосновения может прямо указываться автором:

²⁹ Пиз А. Указ. соч. С. 110.

³⁰ Bovee C.L., Thill J.V., Op. cit. P. 31.

• *Caroline touched Paget's arm as if to reassure him* [RP, 399].

Кроме глаголов, использованных в приведенных выше примерах, тактильный контакт может также выражаться такими словами и словосочетаниями, как *shake hands, kiss, put/throw one's arm(s) around somebody, embrace, hug, take somebody's hand*, и т. д., например:

• **“That's my girl,” he said encouragingly, and kissed her on the forehead** [ES, 81].

• **“Congratulations,” he said to Caroline and held out his hand. Silent, they shook hands** [RP, 476].

• He *took her* in his arms [ES, 153].

Некоторые из этих невербальных средств общения (рукопожатие, объятия) могут рассматриваться как жесты, но это – особые жесты, с использованием контакта коммуникантов.

4. Жесты (gestures)

По определению Ю.В. Николаевой, жесты – это знаковые кинетические единицы выражения и передачи информации.³¹ Они могут как сопровождать речь, так и использоваться независимо от речи. Даже когда при личном общении основным каналом передачи информации является речь, жестовое сопровождение слов имеет важное значение и для говорящего, и для слушающего. Жесты используются не только для передачи информации, но и для регуляции коммуникации.³²

Жесты могут быть эквивалентны речевому высказыванию, например, кивком можно сказать «да», покачиванием головы из стороны в сторону – «нет, нельзя», т. д. Кинесически могут производиться побуждения, например, махая рукой к себе, мы можем пригласить человека подойти к нам. С.Сахнун отмечает, что целенаправленность неречевого побуждения превращает его в иллюкативный акт.³³

А.М. Шахнарович и Н.М. Юрьева рассматривают двучленные высказывания, состоящие из слова и жеста, с точки зрения теории актуального членения высказывания. Они считают, что слово всегда выражает тему, а жест является ремой.³⁴

Арсенал жестов, используемых в общении, огромен, и рамки небольшого раздела статьи не позволяют провести их систематизацию. Выде-

лить специфические средства языкового выражения жестов не представляется возможным – каждый жест имеет свое коммуникативное значение и свое лексическое выражение, например:

• **“What – What do you suggest I do?” Adam asked helplessly, his fists clenching the arms of his chair** [ES, 119].

Жест Адама передает состояние отчаяния и, возможно, паники.

• **“Do you have time for a cup of coffee?” He motioned the lissome visitor into his office.** [ES, 135].

В этом случае жест не сопровождает речевой акт, а является самостоятельной следующей «репликой». Сначала герой вербально предлагает посетителю выпить кофе, а затем жестом приглашает его пройти в офис.

• **“Please, ladies, sit down.” He gestured gallantly...** [ES, 138].

Слово *gesture* лишено конкретного значения, поэтому смысл жеста раскрывается через его вербальное сопровождение и авторское описание жеста.

Рассмотрим самые частотные в анализируемых текстах жесты и их коммуникативное значение: *to raise a hand* – «стой» или знак привлечения внимания, *to wave a hand* – знак приветствия, прощания, привлечения внимания, *to shrug* – «не знаю, не уверен», *to fold one's arms* – знак вызова или защиты, *to lower one's head* – знак дискомфорта, печали, , *to cock one's head* – знак вызова, утверждения своего «я», *to shake one's head* – знак отрицания, запрета, несогласия, *to nod* – знак согласия, разрешения, подтверждения; например:

• **“I'm protecting Elena.” Chris folded his arms** [RP, 343].

Пытаясь отстоять свою позицию, Крис принимает позицию вызова, защиты.

• **Lerner stroked his beard** [RP, 400].

Через жест героя автор передает его внутреннее состояние: когда человек теребит, поглаживает или вращает какой-то предмет (браслет, платочек), это свидетельствует о его нервозности, взволнованности, растерянности.

Как и лексические единицы, жесты могут быть многозначными, но в конкретной ситуации общения они приобретают определенность и не вызывают затруднений в коммуникации, например:

• **“Will you be able to find your way back?” He nodded...** [ES, 23].

• **He nodded towards the papers in her hand. “And those papers become public documents”** [RP, 345].

В первом случае кивок головой является от-

³¹ Николаева Ю.В. Функциональные и семантические особенности иллюстративных жестов в устной речи (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. № 4. С. 48.

³² Там же. С. 48.

³³ Сахнун С. Указ. соч. С. 65.

³⁴ Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М. : Наука, 1990. С. 48.

ветом на верификативный вопрос, поэтому его значение – «Да»; во втором случае кивок производится по направлению к документам, поэтому в сочетании со словами «those papers» он воспринимается как указательный жест.

Полисемией жестов обусловлена необходимость авторского пояснения значения жестов в некоторых ситуациях, например:

- As Terri stood to leave, he *raised a hand* to stop her. “Have another minute?” [RP, 329].

- Terri *opened her hands in a gesture of helplessness* [RP, 352].

- Caroline *put one finger to her lips*, as if the truth were dawning [RP, 434].

- Lerner gave Alice a *nod of approval* [RP, 400].

В каких-то ситуациях жесты не проявляются в полной мере, они могут быть едва заметными:

- She gave an *almost imperceptible nod* [RP, 338].

- “Have you ever met Ricardo Arias?” A quick *shake of the head*. “No” [RP, 363].

Жесты приобретают особое значение в тех ситуациях, когда высказывание содержит дейктические слова, и, если опустить описание связанного с ним действия, то оно теряет смысл, например:

- He *patted his computer* and said, “Everything’s here” [ES, 29].

5. Положение тела (postures)

В ходе общения коммуниканты постоянно меняют положение тела, перемещаются в пространстве, что также находит отражение в авторском комментарии, например:

- Jerry nodded and *turned to the da Costas* [ES, 75].

- ...He *leaned toward Isabel* and whispered, “Now, what is all this about?” [ES, 93].

- He was *standing over her* now [RP, 308].

- Terri *bent to hug her* [RP, 328].

- Chris *stood straighter*... He *sat abruptly* [RP, 334].

Самыми часто употребляемыми глаголами, обозначающими изменение положения тела, являются to turn, to lean, to bend, to stand up, to rise, to sit down, to sit up, to shift (a part of the body), to fidget, to straighten, to square one’s shoulders.

6. Физиологические реакции

Физиологические реакции на какие-то составляющие коммуникации являются непроизвольными, они не поддаются контролю, их трудно скрыть, они безжалостно «выдают» внутреннее состояние и эмоции, испытываемые коммуникантами. Поскольку они не могут симулироваться, они не способны служить способом *пере-*

дачи эмоций, являясь только *проявлением* душевного состояния.

Физиологические реакции подразделяются на изменение общего состояния организма, реакцию отдельных частей тела и изменение цвета лица.

I. Изменение *общего состояния* говорящего может находить свое выражение: 1) в мышечном напряжении, которое передается словами to tense, to stiffen, to flinch (вздрагивать) и т. д.; 2) плохом самочувствии, передаваемом словосочетанием to feel sick и ему подобными; 3) температурных изменениях, лексическим выражением которых являются слова типа to go cold, to (feel) chill и т. д., например:

- Paget felt himself *tense* [RP, 447].

- Terri *felt a wave of sickness* [RP, 490].

- His answer *chilled her* [ES, 114].

II. Реакция *частей тела* передается номинацией части тела в сочетании с глаголом, обозначающим эту реакцию, например:

- **Terri’s temple throbbed** [RP, 312].

- Terri felt *her throat constrict* [RP, 318].

- Paget did that. *His palms were sweating* [RP, 398].

III. Изменение *цвета лица* передается с помощью прилагательных и существительных, обозначающих цвет, либо глаголов типа to blush, to flush, to redden, to go pale и т. д., например:

- Skipper’s face was *grey* [ES, 10].

- *Crimson spread across his face* [RP, 308].

- “...You have wonderful scientific intuition.” She *blushed*. “You flatter me” [ES, 91].

Бледность лица передает обычно испуг, шок; покраснение – смущение, стыд, гнев. Автор может уточнять причину, вызвавшую такую реакцию, например:

- Her brother’s face *reddened* with anger and disappointment [ES, 56].

7. Проксемика (proxemics)

Проксемика – это использование пространства в процессе общения, в дискурсе это – расстояние между коммуникантами. В.В. Красных пишет о так называемой «личной зоне». Она считает, что контролировать расстояние между собой и собеседником очень трудно, ибо это – практически неосознаваемая часть коммуникативного акта.³⁵ Выбор дистанции общения варьируется в зависимости от социального престижа собеседников, их национальности, возраста, пола, степени близости, темперамента. Нарушение оптимальной дистанции общения вызывает нега-

³⁵ Красных В.В. Указ. соч. С. 322.

тивную реакцию.³⁶

Если героев связывают близкие или дружеские отношения, расстояние между ними небольшое, например:

• “I have an idea,” she said after dinner, *leaning closer* to him [ES, 59].

• Terri sat *next to him* [RP, 346].

В некоторых ситуациях человек сокращает расстояние между ним и партнером, чтобы придать больший вес своим словам, чтобы оказать на него давление. В этом случае близкое расстояние становится угрожающим, например:

• “We’re no good for Elena.”

Richie *moved closer*. “It’s not up to you to say what’s good” [RP, 308].

Иногда автор использует целый комплекс кинесических признаков для того, чтобы передать определенную информацию во всей ее полноте, например:

• Her profile was a line of tension – *pursed lips, folded arms, stiff body* [RP, 338].

Чтобы передать крайнюю степень напряжения, испытываемого героиней, автор задействует описание мимики, жеста, общего физического напряжения тела.

Поскольку невербальная коммуникация часто идет параллельно с вербальной, то автору при описании дискурса приходится отмечать как кинетические, так и вокальные особенности общения; кинесика «переплетается» с фонацией, например:

• **Anya touched him and said softly, “Adam”** [ES, 156].

Мягкий голос и прикосновение к Адаму показывают расположение к нему героини.

• He *took her elbow, speaking quietly*, “I told you to stay away from Paget” [RP, 333].

Герой устанавливает касательный контакт и тихим голосом дает героине совет; но в данной ситуации эти средства коммуникации превращают иллюкутивный акт совета в угрозу.

• Harris spoke *gently, her eyes conveying concern* [RP, 361].

Забота, участие выражается мягким голосом и участливым взглядом.

• Penrose *lowered his head and sighed*. “Skip, I wish to heaven you didn’t have to hear this” [ES, 9].

Сообщая неприятную новость, Пенроуз вздыхает и опускает голову, чтобы не встречаться взглядом с собеседником.

• *Clasping her shoulders*, Paget said in a *shaky voice*, “You’re wonderful” [RP, 475].

Сильное волнение героя выдает и его жестовая реакция и дрожание голоса.

Как видно из приведенного в статье материала, авторы в своих произведениях стремятся с максимальной достоверностью отразить различные аспекты дискурса, в том числе и прагматические. Умело пользуясь языком (единственным средством в их распоряжении), они описывают как фонацию, так и кинесический процесс коммуникации своих героев. Авторы отмечают такие характеристики звучащей речи, как особенности голоса, тона, интонации, артикуляции, темпа речи и дыхания. «Кинесическая речь» героев представлена в виде мимики, взглядов, жестов, положения их тел, физических контактов и реакций; отмечается и то, как коммуниканты используют пространство, в котором проходит общение.

³⁶ Язык жестов. Указ. соч. С. 37.

ФИЛОСОФЫ ШУТЯТ

СУЩНОСТЬ МИРОВОЗЗРЕНИЯ (ФИЛОСОФСКИЙ ЭТЮД)

А.В. Туркулец

Туркулец Алексей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Юридического факультета Хабаровской государственной академии экономики и права.

Обычно мировоззрение определяют посредством соотнесения его с некой совокупностью духовных способностей человека. Как правило, в это множество духовных способностей человека включают и весьма противоречивые по отношению друг к другу (или даже взаимоисключающие друг друга) составляющие. По адресу мировоззрения прописывают и эмоциональные состояния, и чувственно-аффективные переживания, и личностные оценки, и общественно-значимые нормы и принципы поведения, и идеалы, и убеждения, и верования. А если немного потрудиться и заглянуть в подвалы и на чердаки этой мировоззренческой коммуналки, то можно встретиться и с не совсем законно проживающими здесь (не прописанными) жильцами: мистическим опытом и откровенной трансценденцией. Адресная книга постоянно пополняется за счет как внешних, так и внутренних факторов. Но это и вполне объяснимо: жильцы то съезжаются, то разъезжаются, то женятся, то разводятся. У них рождаются (причем как в браке, так и вне его) и взрослеют дети, внуки. И эта череда поколений кажется самым жильцам мировоззренческого дома бесконечной вереницей, если и имеющей начало, то не имеющей конца. Однако, как бы многолико не было это сборище и какие бы разнообразные связи и отношения не возникали между его участниками, все официальные проверяющие (то бишь официально признанные философы) в своих отчетах и резолюциях фиксируют следующее:

➤ строгое структурное триединство этого поселения (его трехэтажность);

➤ четкую качественную рассредоточенность жильцов по этажам, а именно:

➤ первые этажи занимают выходцы с юга (чувственно-подвижные, эмоционально откликающиеся, наитивно («наитие») познающие мир люди) (это так называемый комплекс мироощущения);

➤ вторые этажи отданы трезвомыслящим, все калькулирующим, обосновывающим и планирующим жильцам (комплекс миропонимания);

➤ третьи этажи эксплуатируют оценщики, т. е. люди, постоянно оценивающие и судящие и

себя и прочих, причем для них неважен предмет оценки, главное, чтобы можно было осуществить саму ее процедуру (комплекс мирооценивания);

➤ более-менее разветвленную архитектурно-коммунальную взаимосвязь между жильцами различных этажей посредством парадных и черных лестниц (сознательные и бессознательные ментальные компоненты), а также пассажирских и грузовых лифтов (позитивный и негативный жизненный опыт);

➤ все жильцы являются служащими (работниками) одной производственной единицы (название этой производственной единицы зависит от дискурса того или иного официального философа-проверяющего);

➤ работодателем всех жильцов (как актуальных, так и потенциальных) является то, что явлено, но никогда не очевидно – Я;

➤ отношения между Я и духовными единицами мировоззренческого дома иерархически неравновесные (последние нещадно эксплуатируются работодателем-Я);

➤ по своим жизненно энергетическим истокам Я вторично по отношению к «домовому обществу» и зависит от него;

➤ по актуально организационной структуре Я осуществляет диктатуру над ним.

В этой неравновесности заключены все беды и страдания участников мировоззренческой трагедии. Жильцы по самой своей сути не могут не хулить кого-то, не могут не служить кому-то, не могут не поклоняться кому-либо. Они в своем материнско-отцовском рвении порожают собственных идолов (или богов). Однако эти окрепшие дети превращают собственных родителей в жертв своей драконовской сути. Пасть дракона вселяет ужас в сердца обывателей, но еще страшней ее отсутствие. Когда уходит дракон (а такое не часто, но все же случается), то мгла и темнота опускается на замок. Нет никакой перспективы, нет никаких направлений, нет цели. Мир остывает и коченеет. Если дракон отсутствует довольно долго, то замком овладевают пустота, забвение и небытие. Если же дракон лишь на некоторое недолгое время покинул стены замка и,

забежав на минутку к соседнему дракоше (так, поболтать о том о сем), вскоре возвращается в родное стойло, то жар драконьей глотки наполняет души мирян привычным теплом и уютom.

Возможно и дальше развивать подобные аналогии. Возможно даже попытаться создать целый мифологический эпос, посвященный мировоззрению. Это может быть даже занимательно и интересно. Но это потребует другого времени и места.

Суть же всех вышеприведенных сюжетов сводится к следующему. Во-первых, структурно дифференцируя мировоззрение, философы не указывают на критерий самой дифференциации. Возможно, критерий только подразумевается, считается вполне очевидным и не требующим специальной рефлексивной остановки. Однако если ее не осуществить, то могут возникнуть принципиальные разногласия и явные двусмысленности как в толковании позиции того или иного автора, так и в оценке ее профессиональной корректности. Если мы структурируем мировоззрение по рациональным основаниям, то необходимо, прежде всего, указать на принципы такого упорядочения. Затем перейти к определению элементов данного порядка, выявлению сущностных взаимосвязей между ними, исследованию различных степеней порядка, выяснению возможных пределов изменения самой мировоззренческой структуры (по качественным и количественным параметрам) и т.д. Если же мы описываем мировоззрение как нечто внерациональное по своим «природным истокам», то сама процедура этого описания должна вытекать из них, т. е. должна быть вписана в общий поток внерациональных интуиций. Если же мы считаем, что наиболее сущностное качество мировоззрения состоит в диалектических взаимосвязях рационального комплекса, с одной стороны, и внерациональных феноменов – с другой, то необходимо раскрыть весь процесс перманентно разворачивающегося противоречия данных сторон. Как правило, данные критериологические тонкости упускаются из виду, что, безусловно, понижает результативность исследований в области мировоззрения.

Во-вторых, не учитывается более чем реальная возможность феномена отчуждаемости в структуре мировоззрения. Здесь возможны различные ситуации. С одной стороны, те или иные компоненты мировоззрения могут как логически, так и оценочно взаимоисключать друг друга, с другой – отношения контрадикции возможны между мировоззрением в его целостных характе-

ристиках и самим его носителем. Неадекватная интерпретация данных обстоятельств приводит к непониманию и неверной оценке реальных поведенческих девиаций конкретных субъектов, носителей мировоззрения.

В-третьих, подвергается забвению тот факт, что мировоззрение не есть результат только сознательных усилий самого Я. Безусловно, осознанное, разумное преобразование собственного мировоззрения является той благой целью, к которой стремится человек по мере своего цивилизационного взросления. Опыт сознательной конструкции мировоззренческих феноменов, развитие способности рационального контроля и регулирования собственных навыков, умений, привычек и прочих элементов мировоззрения составляют, видимо, золотой фонд личности. Однако для полноценной жизни личности, для раскрытия ее скрытых, потенциальных сил и возможностей одного золотого запаса явно мало. Необходимо и так называемый «алмазный фонд», в создании и накоплении которого немаловажную роль играет весьма влиятельная сфера бессознательного (в его психоаналитическом понимании). Соотношение объема и содержания данных основных мировоззренческих фондов личности не детерминируется действием формально-логических законов (например, законом обратного соотношения содержания и объема понятий) или социально-экономическими закономерностями. Реальное наполнение и использование их зависит от конкретных жизненных условий и ситуационных временных зависимостей, случайностей и коллизий индивидуальной судьбы.

В-четвертых, в формировании и развитии мировоззренческих феноменов принимают участие многие субъекты. Причем в это множество входят и те субъекты, которых наш имярек даже «в глаза не видел и ухом не слышал». Отдельные мировоззренческие компоненты, зачастую оцениваемые самим субъектом как сугубо индивидуальные, уникальные и неповторимые на поверку оказываются обычной калькой чужих чувств, эмоций, идей и действий. На форму и структуру мировоззрения также влияют не только осознанные самим его носителем, но и не осознаваемые объективные условия, объектные детерминанты и факторы. Причем формы и уровни этой детерминации так и остаются, как правило, тайной за семью печатями для субъекта мировоззрения до самого конца его земного существования. А дальше – одному Богу известно.

В-пятых, происходит почти единодушное непонимание (неприятие) того факта, что миро-

воззрение является прежде всего *деятельностью*. Со всеми вытекающими отсюда следствиями. Это означает следующее: мировоззрение формируется, осуществляется, развивается посредством практических, предметных деятельностных актов, направленных на преобразование «вещной реальности». При анализе данного аспекта мировоззрения необходимо учитывать всю палитру человеческих поступков и действий как позитивных, направленных на созидание и творение, совершенствование и прогресс, так и негативных, направленных на деструкцию окружающего мира и самого мировоззрения. Причем и позитив, и негатив являются лишь двумя крайними вариантами деятельностных ориентаций, между которыми лежит весьма широкое (пространное) поле их разнообразных сочетаний и комбинаций. Отдельные горячие мыслящие головы предлагают в целях решения всех проклятых мировоззренческих вопросов заминировать это поле (провести табуизацию мировоззрения, расставив везде, где только возможно, запрещающие любое самостоятельное инициативное действие знаки), лишив тем самым человека свободы выбора и реализации своих жизненных целей. Возможно, это и помогло бы избежать многих опасностей свободного передвижения, позволило человеку без особого риска пройти свой жизненный путь. Но что это была бы за жизнь? И вообще, мог ли субъект начать в этом случае свой самостоятельный жизненный путь? В условиях «мировоззренческого минного поля» первый шаг свободы вполне возможен как ее последний шаг. «Где тут мины для свободных людей?» – спросил бы Эзоп.

Еще большее непонимание подлинной сути мировоззрения и еще большая разноголосица мнений наблюдается в раскрытии вопроса об исторических типах, видах и формах мировоззрения. В официальных метриках, фиксирующих факт рождения мировоззрения (т. е. в традиционных философских работах), оно появляется на свет в мифологической рубашке. Эту защитную оболочку, оберегающую младенца от чуждой и враждебной ему внешней среды, наделяют всевозможными качествами, свойствами и признаками. Наиболее существенным свойством мифологического мировоззрения, как правило, считается его синкретизм (некая духовная слитность, нерасчлененность, неразрывное соединение составляющих его элементов). Однако не указывается основание данной слитности, во-первых, и, во-вторых, не критически соединяется то, что соединено быть не может в силу своего отсут-

вия в качестве самостоятельных и автономных элементов соединения. Другими словами, если и признать, что мифологическое мировоззрение является исторически первым типом, то оно должно по своим качественным параметрам отличаться от последующих типов, исторически оформленных позднее, а не представлять собой некий винегрет их ингредиентов. Разве возможно сводить актуальную сущность какого-либо объекта (в нашем случае объектом внимания является мировоззрение) к некой совокупности еще не возникших, а лишь потенциально возможных в отдаленном будущем автономных единиц?

На наш взгляд (возможно слишком близурский), мировоззрение вообще не имеет ни видов, ни форм, ни исторических типов. Все эти классификационные единицы представляют в своей сущности выражение одной фундаментальной способности человека к духовно-предметному преобразованию действительности. В этом отношении их можно рассматривать как некие превращенные формы этой фундаментальной способности (со всеми отсюда вытекающими). Эта сущностная способность воспринимается и обозначается самим ее носителем как тип, вид, либо форма в зависимости: 1) от оформленности (выразительности) внешних, весьма пестрых по своей динамике и насыщенности, факторов среды; 2) зрелости не менее, а даже более многозначных интенций внутренних состояний человека; 3) многообразных взаимосвязей и корреляций между первыми и вторыми.

На наш второй взгляд (возможно, слишком дальнорский), мировоззрение представляет собой уникальную способность человека тем или иным образом выражать свои собственные индивидуальные интенции, делать их доступными для других и для себя.

На наш третий взгляд (который, возможно, есть взгляд слепого), мировоззрение является неким духовно-деятельностным буфером между человеком и всеми возможными внешними и внутренними действительностями (как, впрочем, и недействительностями).

В зависимости от принятия того или иного взгляда в качестве основания дальнейшего исследования, возможно реализовать разные сценарии конструирования мировоззренческой реальности. Что мы и предлагаем сделать «заинтересованному читателю».

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЗАЩИЩЕННЫЕ ДИССЕРТАЦИИ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ КМ 218.003.04 ПО ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

(Председатель – д-р психол. наук, профессор К.И. Воробьева;
ученый секретарь – канд. психол. наук, доцент М.В. Сокольская)

1. Пилипенко А.В. Психологический анализ принятия решения судоводителями. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.03 – психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки) (защита состоялась 04 декабря 2006 г.).

Объект исследования – принятие решения судоводителями.

Цель исследования – провести психологический анализ принятия решения судоводителями.

Предмет исследования – психологическая модель принятия решения судоводителями.

Методы и методики исследования – метод анализа документов, анкетирование, наблюдение, методы бесед и тестов. Для обработки данных применялись процедуры контент-анализа и метод анализа документов.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Предложена психологическая модель принятия решения судоводителями. Составлена программа эмпирического исследования для изучения психологической модели принятия решения судоводителями. Впервые исследованы этапы принятия решения судоводителями: создание субъективного представления о задаче, оценка условий, оценка последствий альтернатив, выбор из альтернатив. Сформулированы признаки оптимальности решения (на примере судовождения). Описаны условия принятия решения судоводителями. Расширены представления о внешних условиях и внутренних механизмах принятия решения – это опыт, время, действия по реализации принятого решения. Выделены приоритетные условия, определяющие выбор решения, определены алгоритмы принятия решения судоводителями – рациональность и склонность к риску. Представлены типичные

ошибки судоводителей и выявлены их причины.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в практической работе с судоводителями с целью оптимизации и повышения эффективности профессиональных действий, направленных на принятие решения. Материалы исследования могут использоваться при подготовке студентов психологических специальностей вузов, курсантов высших морских учебных заведений, в процессе повышения квалификации командного плавсостава; в преподавании спецкурсов в рамках дисциплин «Психология труда», «Морская профессиональная психология», могут служить психологической основой тренажерного обучения судоводителей с целью подготовки к оперативным действиям в аварийных ситуациях.

2. Герасимова И.В. Психологическое содержание деятельности операторов службы управления движением судов. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.03 – психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки) (защита состоялась 04 декабря 2006 г.).

Объект исследования – операторский труд.

Цель исследования – изучение психологического содержания деятельности операторов службы управления движением судов.

Предмет исследования – психологическое содержание деятельности операторов службы управления движением судов.

Методы и методики исследования – анализ психологической литературы, методы включенного наблюдения, опрос, беседа, метод экспертных оценок, хронометрирование, анализ документов, психодиагностические методики, мето-

ды математической обработки данных. Для описания полученных данных и отдельных случаев применялся качественный анализ.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Впервые произведен структурно-функциональный анализ деятельности морских операторов: выделены основные функции и задачи; описаны особенности труда и их профессионального опыта. В результате хронометрирования показано распределение времени на ведущие действия – процессы в течение суток. Выявлена основная психологическая функция морских операторов – вероятностное прогнозирование, выделена особая роль коммуникативной функции. Определены ведущие тенденции, расширяющие представления о личностных особенностях морских операторов и плавсостава. Впервые описаны условия формирования профессионального опыта операторов управления движением судов и его структурные компоненты, предложена модель профессионального опыта операторов движения судов. Разработан комплекс методов обучения, отбора и оценки психологической пригодности к деятельности операторов СУДС. Выделены критерии успешности деятельности, составлена матрица требований по оценке критериев при помощи методов моделирования рабочих ситуаций, экспертной оценки, субъективной оценки и психодиагностической батареи тестов. Методом моделирования разработаны компьютерные сценарии штатных и нештатных рабочих ситуаций для операторов СУДС. Рассчитаны локальные нормы и описаны ошибки для операторов СУДС по методикам ПЗМР и РДО, КЧТ. Результаты психодиагностики являются основой для индивидуальной и групповой психокоррекционной работы, выделения группы риска возникновения психогенных расстройств.

Степень и эффективность внедрения. Полученные в работе выводы целесообразно использовать при подготовке курсантов судоводителей, в процессе повышения квалификации плавсостава, психологов-практиков по дисциплинам «Общая психология», «Психология труда», «Морская профессиональная психология». Результаты исследования отражены в четырех научных публикациях и используются в лекциях для студентов психологов в курсах «Общая психология», «Психология труда», «Морская профессиональная психология».

Область применения. Предложенный комплекс методов по обучению, отбору и психологической оценке деятельности операторов движения судов может быть применен в существ-

ующих Центрах. Выводы, полученные в результате исследования, могут способствовать пересмотру некоторых положений организации труда, оптимизации взаимодействия между операторами и представителями управленческих структур.

3. Александрова Т.И. Мотивационно-смысловые установки личности педагога и их влияние на эмоциональное благополучие личности учащихся. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 05 декабря 2006 г.).

Объект исследования – мотивационно-смысловая установка личности как психологический феномен.

Цель исследования – изучение особенностей мотивационно-смысловых установок личности педагога и их влияния на эмоциональное благополучие личности учащегося.

Предмет исследования – особенности мотивационно-смысловых установок личности педагога и их влияние на эмоциональное благополучие личности учащихся.

Методы и методики исследования – теоретический анализ психологической, философской и педагогической литературы, наблюдение, констатирующий эксперимент, беседа, стандартизированное интервью, анкетирование, тестовые методики, проективные методики, метод контент-анализа, методы математической обработки.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Мотивационно-смысловые установки как стержневое образование личности педагога впервые рассматриваются на основе интеграции трех подходов (антропоориентированного, деятельностного, ценностно-синергетического). Выявлены особенности мотивационно-смысловых установок личности педагога, заключающиеся в их ценностной сущности, в их связи с его профессионально-смысловой идентификацией, с разными уровнями его интеллектуальной и эмоциональной гибкости; особенности антропоориентированных мотивационно-смысловых установок личности; зависимость эмоционального благополучия личности российских учащихся от ценностного содержания мотивационно-смысловых установок личности их педагогов. Определены критерии для выявления разных уровней интеллектуальной гибкости педагога как показателя его антропоориентированных установок. Уточнены и расширены понятия «мотиваци-

онно-смысловая установка личности педагога» (и в частности, «антропоориентированная установка»), «эмоциональное благополучие школьника», «эмоциональный комфорт». Выявлены существенные различия в базовых мотивационно-смысловых установках личности у российских и китайских педагогов: у учителей-китайцев отсутствуют антиподные мотивационно-смысловые установки личности, что обуславливает высокий уровень ценностно-ориентационного единства в их педагогических коллективах.

Область применения. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в процессе профессиональной подготовки и переподготовки специалистов для работы в системе «человек–человек», а также для установления эффективных межкультурных коммуникаций Китая и России в сфере образования.

4. Дагбаева С.Б. Этнопсихологические особенности ценностных ориентаций личности студентов. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 05 декабря 2006 г.).

Объект исследования – ценностные ориентации личности.

Цель исследования – исследование этнопсихологические особенности ценностных ориентаций студентов вуза в кросс-культурном контексте.

Предмет исследования – этнопсихологические особенности ценностных ориентаций личности студента.

Методы и методики исследования – теоретико-методологический анализ исследований отечественных и зарубежных авторов по изучаемой проблеме, психодиагностические методики, методы математической статистики.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Выявлены варианты в ценностных ориентациях студентов, детерминированные современными условиями социализации в семье, школе, началом трудовой деятельности. Определена взаимосвязь ценностных ориентаций и уровня развития этнического самосознания студентов; в частности, установлено, что с ростом уровня развития этнического самосознания актуализируются ценности социальной власти у представителей русской культуры и ценности групповой принадлежности у представителей бурятской культуры. Выявлены гендерные различия в ценностных ориентациях студентов, обусловленные особенно-

стями полоролевой социализации в представленных этносах, обнаружено, что представительницы бурятской культуры ориентированы на послушание и уступчивость, в то время как представительницы русской культуры не уступают в степени независимости юношам.

Область применения. Исследование этнопсихологических особенностей ценностных ориентаций личности в зависимости от факторов социализации может быть учтено при работе с представителями различных этнических групп, при проведении психологического консультирования. Материалы исследования представляют интерес для психологов, педагогов вузов и школ. Обобщение выявленных проблем может быть взято за основу при организации работы по этнопсихологическому просвещению. Полученные данные могут быть использованы при профессиональной подготовке психологов и педагогов.

5. Селезнёва О.В. Динамика становления когнитивного и эмоционально-ценностного компонентов самосознания на протяжении подросткового и юношеского возрастов. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – психология развития, акмеология (защита состоялась 05 декабря 2006 г.).

Объект исследования – структурные компоненты самосознания.

Цель исследования – изучение динамики становления самосознания на протяжении подросткового и юношеского возрастов.

Предмет исследования – структурные компоненты самосознания на протяжении подросткового и юношеского возрастов.

Методы и методики исследования – метод теоретического анализа, метод теоретико-экспериментального анализа, диагностические психологические методики, содержательный анализ выявленных фактов и закономерностей, а также применение методов математической обработки.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Данное диссертационное исследование расширяет и обогащает знания в области психологии развития относительно возрастной динамики самосознания и гендерных различий у современных подростков и юношества в условиях социально-экономической нестабильности.

Область применения. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практике учебных учреждений для оптимизации процессов воспитания и обучения с точки зрения

лично-ориентированного подхода; могут выступать основой для разработки спецкурса по общей, возрастной психологии и психологии личности, программ эффективной психологической помощи подросткам; при подготовке или переподготовке учителей и школьных психологов.

6. Бенькова О.А. Возрастная динамика личностных характеристик толерантности в социокультурном контексте. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – психология развития, акмеология (защита состоялась 06 декабря 2006 г.).

Объект исследования – толерантность как психологический и социокультурный феномен.

Цель исследования – изучение возрастной динамики личностных характеристик толерантности в социокультурном контексте.

Предмет исследования – возрастная динамика личностных характеристик толерантности.

Методы и методики исследования – теоретический анализ литературы по теме исследования, обобщение, моделирование феномена, тестирование, констатирующий и формирующий эксперименты, психодиагностические методики, методы статистической обработки данных.

Теоретические и практические результаты и их новизна. В ходе исследования было конкретизировано определение толерантности; выделены личностные характеристики толерантного человека и достаточно подробно показано влияние на них социокультурных факторов; определены возможности развития личностных характеристик толерантности у подростков в специально созданных условиях.

Получены экспериментальные данные о личностных особенностях, свойственных толерантному человеку на разных этапах онтогенеза. Предложены апробированные психолого-педагогические технологии: технология развития личностных характеристик толерантности у младших подростков; технология развития личностных характеристик толерантности у старших подростков.

Степень и эффективность внедрения. Материалы диссертации включены в программы учебных курсов по возрастной психологии, социальной психологии, психологии семьи и семейного консультирования и используются в процессе подготовки студентов факультета педагогики и психологии, физико-математического факультета.

Область применения. Экспериментальные данные могут быть использованы педагогами-

психологами, социальными педагогами, учителями для развития личностных характеристик толерантности у школьников, обучающихся в разной образовательной среде.

7. Воробьева И.А. Психосемантический анализ переживания тоски. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 06 декабря 2006 г.).

Объект исследования – переживание тоски.

Цель исследования – определить психосемантическое пространство переживания тоски.

Предмет исследования – психосемантическое пространство переживания тоски.

Методы и методики исследования – анализ философских, психологических и лингвистических исследований, теоретическое моделирование, сравнительный анализ, контент-анализ словарей русского, немецкого, французского, английского, китайского языков и художественных произведений русской, немецкой, английской, китайской литературы, метод определения понятия, семантический дифференциал Ч. Осгуда, частный семантический дифференциал «Переживание тоски»; «Метод цветоассоциативного эксперимента», основанный на цветовом тесте отношений Бажина-Эткинда; контент-анализ сочинений; ассоциативный метод; метод экспертных оценок; метод «Незаконченная сказка»; проективный метод «Нарисуй тоску», метод семантических универсалий Е. Ю. Артемьевой; методы математической обработки.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Расширены теоретические представления о содержательных и структурных компонентах переживания. Тоска рассмотрена как национальный концепт. Определены модели тоски. Впервые предпринято исследование переживания тоски с помощью психосемантических методов. Разработан и апробирован комплекс методов диагностики структуры и содержания переживания тоски. Определены возможности психосемантических методов в исследовании переживании тоски. Построен и апробирован частный семантический дифференциал «Переживание тоски», введен в диагностику тоски проективный метод «Нарисуй тоску». Выделены основные факторы психосемантики тоски.

Область применения. Результаты исследования могут углубить содержание диагностической и консультационной работы в индивидуальной и групповой формах работы, использова-

ны в психологических службах помощи населению. Разработанный частный СД «Переживание тоски» и проективный метод «Нарисуй тоску» могут быть также использованы при работе с депрессивными аффектами тоски с целью изучения личностной специфики представления о тоске.

8. Ораничева Л.И. Особенности развития эмоциональной сферы дошкольников, воспитывающихся в условиях средовой депривации (региональный аспект на примере периферийного города Дальнего Востока). Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – психология развития, акмеология (защита состоялась 06 декабря 2006 г.).

Объект исследования – влияние среды на эмоциональное развитие дошкольников.

Цель исследования – установить влияние среды на эмоциональное развитие дошкольников.

Предмет исследования – проявления особенностей эмоциональной сферы у дошкольников, воспитывающихся в неблагоприятной среде (региональный аспект).

Методы и методики исследования – теоретический анализ и обобщение психологических исследований отечественных и зарубежных авторов по теме исследования, тестовые опросы, биографический метод изучения личности ребенка; беседа; методы статистической обработки полученных результатов, качественный анализ полученных результатов.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Проведен сравнительный анализ эмоциональной сферы детей, воспитывающихся в разных средах. Описаны характерные особенности эмоциональной сферы дошкольников, проживающих в неблагоприятной среде. Установлено, что для дошкольников, проживающих в неблагоприятной среде (г. Амурск) характерно нарастание негативных эмоций (страх, тревожность, обидчивость, мстительность, враждебность, эмоциональная импульсивность, состояние фрустрации, повышенная враждебность к окружающим). Подтверждено предположение, что для дошкольников, проживающих в благоприятной среде (г. Хабаровск), в меньшей степени характерны эмоциональные состояния страха и тревоги, дети эмоционально устойчивы, доброжелательны, коммуникативны, дружелюбны. Выявлено, что различия в эмоциональном развитии детей из нуклеарных и ненуклеарных семей, проживающих в одинаковых социально-экономических условиях, менее значимы, чем

между детьми, проживающими в разных социально-экономических и культурных средах г. Амурска и г. Хабаровска. Выявлены новые данные о культурных, социальных и гендерных факторах, влияющих на эмоциональное развитие детей дошкольного возраста. Показана роль среды в психическом развитии ребенка. Установлена зависимость развития негативных эмоциональных состояний ребенка от депривующего влияния среды.

Степень и эффективность внедрения. Полученные в ходе эмпирического исследования данные об особенностях эмоционального развития дошкольников легли в основу коррекционной программы «Развитие и коррекция эмоциональной сферы дошкольников в процессе игровой деятельности», которая нашла свое внедрение на базе ДОУ 21; 49; 52 г. Амурска. Результаты исследования используются воспитателями, психологами и социальными педагогами учебных учреждений г. Амурска для оказания психологической помощи дошкольникам со стойкими негативными эмоциональными состояниями. Данные исследования нашли свое отражение в спецкурсе «Эмоциональная сфера детей дошкольного возраста и пути ее развития и коррекции в условиях системы дошкольного воспитания» для студентов психологического отделения педагогического университета г. Комсомольска-на-Амуре.

Область применения. Психология развития и возрастная психология. Семейное консультирование.

9. Амброзова В.И. Развитие мотивации достижения в младшем школьном возрасте. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – психология развития, акмеология (защита состоялась 07 декабря 2006 г.).

Объект исследования – дети младшего школьного возраста.

Цель исследования – изучить своеобразие структуры мотивации достижения у детей на протяжении младшего школьного возраста.

Предмет исследования – структура мотивации достижения и ее динамика в младшем школьном возрасте.

Методы и методики исследования – мотивационный тест Х. Хекхаузена, цветовой тест отношений (ЦТО), методика незаконченных предложений Ж. Нюттена в модификации А.Б. Орлова, модифицированный вариант методики Т.А. Репиной и Р.Б. Стеркиной. В качестве основных методов обработки эмпирических дан-

ных применялись контент-анализ и методы математической статистики.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Теоретически обоснован возраст, сензитивный к развитию структуры мотивации достижения, и оптимальные условия ее становления. Изучена и описана динамика качественных изменений в структуре мотивации достижения, происходящих в младшем школьном возрасте; выявлено, что мотивация избегания успеха более подвержена динамике. Раскрыты возрастные особенности изменения потребности в достижении успеха и инструментальной деятельности. Показано, что потребность избегания успеха и инструментальная активность имеют сходный вектор развития. Подтверждено, что для мотивации достижения системообразующей категорией является «похвала», обуславливающая ее динамику, а для мотивации избегания успеха – категория «порицание».

Степень и эффективность внедрения. Полученные данные используются в чтении курсов «Психология развития»; «Организация психологической службы в школе»; «Психологическое консультирование». По материалам исследования читается спецкурс «Развитие мотивации достижения у детей в младшем школьном возрасте и ее роль в становлении личности».

Область применения. Знание закономерностей и условий развития мотивации достижения позволит оптимизировать эффективное взаимодействие субъектов образовательного процесса на начальном этапе школьного обучения.

10. Полянская Л.А. Гендерные детерминанты половой самоидентификации девушек. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 07 декабря 2006 г.).

Объект исследования – половая самоидентификация личности.

Цель исследования – выявить особенности половой самоидентификации девушек как результат влияния гендерных детерминант: дихотомии «доминирование-подчинение»; гендерных стереотипов; половой идентичности.

Предмет исследования – гендерные детерминанты как условие половой самоидентификации девушек.

Методы и методики исследования – метод теоретического анализа, метод теоретико-

экспериментального анализа, диагностические психологические методики, содержательный анализ выявленных фактов и закономерностей, а также применение методов математической обработки.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Представлен междисциплинарный анализ понятия «самость». Выделены и описаны возможные типы гендерных детерминант полового аспекта самоидентификационного процесса личности: дихотомия «доминирование-подчинение», гендерные стереотипы, половая идентичность. Выявлены особенности половой самоидентификации девушек. Теоретически обосновано и уточнено понятие «половая самоидентификация». Изучена половая самоидентификация девушек. Раскрыто содержание гендерных детерминант. Уточнено понятие «половая самоидентичность». Подобран и апробирован комплекс методик для диагностики половой самоидентификации личности.

Область применения. Результаты исследования могут послужить диагностическим компонентом психотерапевтической работы в антикризисных центрах для девушек и женщин, также могут быть применены в работе практического психолога.

11. Лукьянова Е.Л. Этнические проявления психологической защиты (на примере изучения русских и китайских выпускников вузов). Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 08 декабря 2006 г.)

Объект исследования – защитные механизмы личности.

Цель исследования – изучение этнических проявлений психологической защиты у русских и китайцев.

Предмет исследования – особенности этнических проявлений психологической защиты у русских и китайцев.

Методы и методики исследования – теоретический анализ психологической литературы по теме исследования, психодиагностические методики, анализ экспертной оценки, метод качественного анализа данных, методы статистической обработки данных, качественный анализ и содержательная интерпретация результатов.

Теоретические и практические результаты и их новизна – расширение представлений об этнических особенностях проявлений психологи-

ческой защиты у представителей русского и китайского этноса и выявлении зависимости наборов защитных механизмов от этнических особенностей. Расширены возможности использования методик Б.А. Еремеева, С. Розенцвейга для интерпретации механизмов психологической защиты. Выделены доминирующие защитные механизмы в психологической защите китайцев и русских. Выявлены и описаны особенности проявлений психологической защиты у русских и китайцев. Установлено, что проективные методики как графические, так вербализованные, возможно использовать для изучения этнических проявлений механизмов психологической защиты.

Степень и эффективность внедрения. Результаты настоящего исследования использованы в разработке спецкурса «Психологическая защита личности», а также в консультативно-диагностической работе с клиентами Центра Психоаналитической культуры г. Благовещенска.

Область применения. Полученные результаты помогут глубже понять проблемы межэтнического взаимодействия между Китаем и Россией; могут быть использованы в учебном процессе в качестве рекомендаций преподавателям, работающим с китайскими студентами, в тех областях и отраслях знаний, где необходимо учитывать специфику этнического бессознательного, национальные особенности китайского этноса.

12. Макаров О.Г. Особенности проявления и преодоления внутриличностных конфликтов в профессиональной деятельности успешного психолога. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.03 – психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки) (защита состоялась 08 декабря 2006 г.).

Объект исследования – личность и профессиональная деятельность практических психологов.

Цель исследования – эмпирическое изучение особенностей возникновения, проявления и преодоления внутриличностных конфликтов в профессиональной деятельности успешных практических психологов.

Предмет исследования – особенности возникновения, проявления и преодоления внутриличностных конфликтов в профессиональной деятельности практических психологов с разным уровнем профессиональной успешности.

Методы и методики исследования – теоретический анализ философской, социологической и психологической литературы по изучаемой

проблеме, тестирование, качественный анализ и содержательная интерпретация результатов, математические методы статистической обработки полученных данных.

Теоретические и практические результаты и их новизна. На основе комплексного анализа доказано, что наличие внутриличностных конфликтов в профессиональной деятельности практического психолога имеет нормативный характер и обусловлено спецификой профессиональной деятельности и личностно-профессиональными особенностями специалиста-психолога. Установлено, что уровень проявления внутриличностных конфликтов не зависит от успешности/неуспешности профессиональной деятельности практических психологов. В ходе сравнительного анализа выявлено общее и специфическое в характере проявления, содержании и стратегиях преодоления внутриличностных конфликтов в профессиональном пространстве практических психологов с разным уровнем профессиональной успешности. Выявлено, что конструктивный или деструктивный характер преодоления внутриличностных конфликтов обусловлен, прежде всего, профессиональной позицией практического психолога: исполнительской, управленческой, прогностической.

Степень и эффективность внедрения. Материалы диссертации использованы при разработке курсов «Основы психологического консультирования», «Психология труда».

Область применения. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в процессе профессиональной подготовки и переподготовки практических психологов, при проведении супервизий, балинтовских групп.

13. Миронова-Тихомирова А.С. Психологическая структура карьерной готовности выпускника вуза. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.03 – психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки) (защита состоялась 08 декабря 2006 г.).

Объект исследования – карьерная готовность выпускника вуза.

Цель исследования – теоретическое изучение и эмпирическое обоснование психологической структуры карьерной готовности выпускника вуза.

Предмет исследования – составляющие психологической структуры карьерной готовно-

сти, их характеристики и прогностические возможности.

Методы и методики исследования – метод интервью, метод психологической диагностики, метод анализа документов, методы математической обработки данных.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Предложено и обосновано интегральное понятие «карьерной готовности» выпускника вуза и представлена его теоретическая модель. Разработана психологическая структура карьерной готовности, выявлены основные составляющие (эмоциональная, мотивационная и когнитивная), исследованы характеристики структуры и взаимосвязи. Исследован феномен ценностного расхождения карьерных ориентаций в структуре личности выпускника. Разработана методологическая основа для оценки психологической карьерной готовности выпускников высших учебных заведений и для формирования их карьерной готовности в процессе обучения. По-

лученные в исследовании данные о психологических составляющих карьерной готовности выпускника и специфики железнодорожного транспорта позволяют не только диагностировать уровень личностной карьерной готовности выпускника на этапе трудоустройства, но и прогнозировать его адаптивность и перспективность на предприятиях железнодорожной отрасли.

Область применения. Полученные результаты могут быть использованы в процессе подготовки и переподготовки кадров и экстраполированы на системы обучения предприятий аналогичного типа. Наряду с этим рекомендуется учесть полученные данные психологам, занимающимся профориентацией и профконсультацией старшеклассников, а также психологическими центрами вузов с целью уточнения карьерных целей и приоритетов учащихся и формирования личностной карьерной и профессиональной готовности.

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 218.003.02
ПО ФИЛОСОФСКИМ НАУКАМ
ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ**

(Председатель – д-р филос. наук, профессор Ю.М. Сердюков;
ученый секретарь – канд. соц. наук, доцент С.Е. Туркулец)

Тесля А.А. Философско-исторический контекст аксиологического статуса собственности.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия (защита состоялась 13 декабря 2006 года).

Объект исследования – собственность как непосредственное владение и процесс становления особого типа общественных отношений. Предметом исследования выступает аксиологический статус собственности в его исторической динамике, ценностные статусы собственности и собственника и их взаимоотношение и взаимо-

связь в истории. Методологическая основа исследования – нео-марксистский анализ социальной идеологии. Решение исторических задач осуществлялось посредством методологии «школы “Анналов”», в первую очередь концепции «большой длительности» Ф. Броделя.

Научно-практическое значение результатов исследования состоит в том, что они могут послужить основой последующих исследований по комплексным и междисциплинарным социальным исследованиям, а также способствовать углубленному изучению ряда сопутствующих тем в социальной философии, аксиологии, истории, культурологии и юриспруденции.

**ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 212.293.02
ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ
ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГУМАНИТАРНОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

**(Председатель – д-р ист. наук, профессор Н.И. Дубинина;
Ученый секретарь – канд. ист. наук, доцент А.Д. Дордус)**

1. Радомская И.Н. «Местное самоуправление в южных дальневосточных субъектах Российской Федерации (1990–2003 гг.)». Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Э.М. Шейко.

Автором обобщен практический опыт самоуправления в России и на примере регионального материала выявлены его характерные черты; исследована правовая база, обеспечивающая функционирование местного самоуправления в российских регионах; изучена степень эффективности деятельности и общественного доверия к органам местного самоуправления; показаны пути возможной оптимизации деятельности органов местного самоуправления в южных дальневосточных субъектах РФ на современном этапе.

2. Филиппова И.Г. «Государственная политика социального обеспечения населения на юге Дальнего Востока Российской Федерации (1991–2000 гг.)». Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В.В. Чудесов.

Автором проанализирована нормативно-правовая база реформ в социальной сфере; рассмотрена трансформация системы социального обеспечения населения в период радикальных преобразований в РФ; исследованы социальные последствия реформ российского общества в 1991–2000 гг.; выявлена взаимосвязь проводимых преобразований и реализации законов в сфере социального обеспечения населения на юге Дальнего Востока; раскрыт механизм взаимодействия законодательных и исполнительных органов власти в улучшении социального положения малообеспеченных слоев населения; обобщен опыт деятельности государственных органов власти субъектов РФ юга ДВ по социальной защите населения.

3. Бучко Н.П. «Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика (1917–1922 гг.)». Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Ю.Н. Ципкин.

Автором проанализирован процесс создания военной элиты российской армии, динамика ее социального состава и эволюция политических взглядов до Октября 1917 г.; рассмотрены механизмы формирования военной элиты Белого движения в ходе Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке; раскрыт характер политических программ высшего военного командования Белого движения; рассмотрена политическая практика военной элиты Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке и раскрыты причины ее поражения.

4. Пашкевич Л.В. «Становление и развитие института мировых судей на Дальнем Востоке России (1896–1917 гг.)». Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Н.И. Дубинина.

Автором проанализированы причины введения института мировых судей на Дальнем Востоке; раскрыты основные факторы формирования криминальной ситуации на ДВ России в конце XIX – начале XX вв.; исследован процесс формирования института мировых судей на российском ДВ с учетом его адаптации к местным условиям; обобщены главные направления деятельности городского самоуправления в области мировой юстиции по подержанию законности и правопорядка в регионе.

5. Погарцев В.В. «Становление и развитие системы радиовещания на Дальнем Востоке России (1901–1956 гг.)». Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Т.Я. Иконникова.

Автор раскрыл предпосылки возникновения, становления и развития радио на Дальнем Востоке; выявил особенности формирования структуры управления радиовещанием; проанализировал роль дальневосточных радиокomiteтов в создании единой системы радиовещания советского государства; раскрыл специфику процесса развития радиовещания, показав динамику охвата радиоэфиром районов ДВ; исследовал роль партийных и государственных органов в руководстве радиовещанием; изучил процесс становления форм, видов и жанров дальневосточного радио.

6. Потапова И.В. «Русская система образования в Маньчжурии. 1898–1945 гг.». Научный руководитель – доктор исторических наук Е.Е. Аурилене.

В работе рассмотрены этнокультурные условия существования русских образовательных учреждений в Маньчжурии и выявлены факторы, оказавшие влияние на их эволюцию; определена структура и принципы организации системы русского образования и прослежен процесс ее эволюции в различные периоды политической истории Северо-Восточного Китая и России; проанализировано содержание образовательной и воспитательной деятельности учебных учреждений; представлен учительский и преподавательский корпус; раскрыто значение русской национальной школы в сохранении этнокультурной целостности эмигрантской колонии; выявлена роль школы в обеспечении межкультурного взаимодействия русского населения и этносов, населявших Маньчжурию.

7. Дорохов В.Ж. «Опыт реформирования и деятельности органов милиции Хабаровского края в 1953–1968 гг.». Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Н.И. Дубинина.

В диссертации исследован процесс реформирования органов милиции СССР, в том числе Хабаровского края, и его влияние на повышение эффективности правоохранительной деятельности; выявлена динамика кадрового состава органов милиции Хабаровского края, проанализирована система повышения квалификации личного состава; проанализирована система государственного обеспечения милиции Хабаровского края; обобщены основные направления, формы и методы деятельности органов милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка; показаны формы и методы взаимодействия органов милиции с другими правоохранительными органами и общественностью.

8. Козлова Л.В. «Становление и развитие регионального телевидения во второй половине XX – начале XXI вв. (на материалах Амурской области)». Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Н.И. Дубинина.

Автором проанализирована и обобщена система взаимоотношений государства и телевидения на федеральном и региональном уровнях в советский и постсоветский периоды; определены этапы становления и развития телевидения

Амурской области в сопоставлении с картиной развития центрального телевидения; исследованы тенденции развития регионального телевидения на примере Амурской области; определены возможности и пути дальнейшего развития телевидения в регионах, в том числе в Амурской области.

9. Жаркова А.А. «Исторический опыт борьбы с беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних на Дальнем Востоке России (20-е – 30-е гг. XX в.)». Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А.В. Дробница.

В работе раскрыто состояние беспризорности и детской преступности в России и на Дальнем Востоке в 20-е – 30-е годы XX в.; проанализирован и обобщен опыт становления общегосударственной системы органов в сфере профилактики девиантного поведения детей и подростков на федеральном и региональном уровнях; проанализирована и дана оценка нормативно-правовой базы, регулировавшей общественные отношения в сфере социально-правовой охраны несовершеннолетних; определена роль дальневосточных общественных организаций в деле борьбы с беспризорностью и безнадзорностью детей и подростков; обобщен опыт деятельности партийно-государственных органов и общественных организаций по борьбе с беспризорностью, безнадзорностью и противоправным поведением несовершеннолетних на Дальнем Востоке России.

10. Орнацкая Т.А. «Внешняя политика Дальневосточной республики». Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Ю.Н. Ципкин.

В диссертации раскрыта и обобщена стратегия и тактика дипломатии РСФСР и ДВР на различных международных переговорах и конференциях; проанализированы особенности деятельности миссии И.Л.Юрина в Китае по реализации курса внешней политики РСФСР и ДРР; выявлена роль Коминтерна и спецслужб по содействию в развитии внешнеполитической деятельности РСФСР и ДВР; доказано, что внешняя политика РСФСР и ДВР сыграла важную роль в создании благоприятных внешнеполитических условий для восстановления разрушенного Гражданской войной и интервенцией народного хозяйства, проведения новой экономической политики, восстановления геополитических позиций России в АТР.

ЗАМЕТКА О ЛИЧНОСТИ

(ГЕОРГИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КАРАВАЕВ)

26 января 2007 г. на 68 году жизни скончался профессор кафедры философии, доктор философских наук Караваев Георгий Анатольевич.

Георгий Анатольевич родился 22 декабря 1939 г., в 1975 г. окончил Костромской государственной педагогический институт. В 1983 г. он окончил аспирантуру Ленинградского государственного университета и защитил кандидатскую диссертацию по философии. В 1998 г. он защитил докторскую диссертацию. А позднее ему было присвоено ученое звание профессора. С 1980 г. и до конца своих дней Г. А. Караваев работал в вузах страны, отдавая свои знания, энергию и увлеченность философией студентам.

1987 г. Г. А. Караваев приехал в г. Благовещенск и был принят старшим преподавателем в Благовещенский технологический институт (ныне – АмГУ). В 1995 г. как высококвалифицированный специалист он был приглашен на работу в Амурскую областную администрацию на должность консультанта, а позднее начальника отдела Центра перспективных разработок и нововведений.

В 2002 г. Г.А. Караваев вернулся на работу в АмГУ. Пожалуй, самой яркой страницей его последних лет было создание и организация деятельности Молодежного научно-исследовательского центра.

Мы впервые встретились и разговорились не так давно, в 2001 г., а напоследок – в сентябре 2006-го, за четыре месяца до его смерти. Так вышло, что обе эти наши встречи: и первая, и последняя, прощальная, как теперь выяснилось, состоялись в Тынде, где мы воспользовались редкой возможностью говорить часами. Эти разговоры всего больше и остались в памяти; его работы и другие наши деловые встречи, рассказы о нем, которые я слышал от друзей, коллег и просто знакомых людей только уточняют общее тындинское впечатление о его личности.

Посмертно, в памятной заметке о нем, это впечатление можно сформулировать: прошла и завершилась жизнь человека, умевшего больше всего жить социально-своенравно и победительно – так, как стремились жить и многие его равесники, почти сверстники той последней общенародной войны, эмоционально-нравственный пафос которой теперь, скорее, озадачивает, не-

жели воспитывает или вразумляет. Многие стремились к тому, а у него это получалось – опасно и успешно осуществлять особенный историчный идеал, пропитавший его поколение, – своенравно добиваться того, что должно быть, возражать социальным условностям и предрассудкам, биться с ними, ради достижения социально безусловного.

Тогда толковали о социальном равенстве, равенстве всех во всем, но высшей степенью разумения было понимать социальное равенство диалектически, как конфликтное единство различных даров и талантов в едином ансамбле социальной личности, «ансамбле общественных отношений» (К. Маркс). Такая личность была больше всего горизонтом разумения, своего рода идеальным заданием для всех, но и для каждого! Пусть говорили о том, что немногие, героические натуры, способны воплотить этот идеал, – многим тогда приходило в голову попробовать-таки его достичь, вопреки всему неидеальному, обыденному, традиционному. Многие довольно далеко заходили в своих попытках – Г.А. Караваев сделал не только несколько таких попыток, но в каждом таком своенравно принятом жизненном испытании доходил до своего победительного пункта.

Принадлежавший к семье потомственных петербургских интеллектуалов, он не только не удовлетворился этой принадлежностью, но и решительно преобразовал и расширил ее социальную целесообразность: семье, несомненно, было известно, что такое честолюбие и честь – он придал этой чести новое социальное качество. Размерности интеллектуально-столичного образа жизни он предпочел иную, социально противоположную и тем близкую его времени и всему семейному делу чести размерность – службу в труднейших воинских подразделениях, десантно-штурмовых войсках. Решившись, по некоторому идеальному снованию, стать человеком практическим, он занялся, между прочим, профессиональным спортом – самым жестоким по тем временам, очевидно, конфликтным боксом, где быстрое и предельное сосредоточение на образе противника и мгновенно, раз за разом вновь концентрированная воля к победе – ключевые условия успеха. Обратившись во второй

половине своей жизни к своим потомственным интеллектуальным приоритетам, он и здесь был неукоснительно победителем: доктор философских наук, ваковский профессор, член диссертационных советов, инициатор нерюнгринского отделения Российского Философского общества, организатор молодежного научно-исследовательского центра в Амурском государственном университете...

Последняя из этих его инициатив, очевидно, завещательна. Во времена, когда российские университеты находятся в состоянии некоторой онтологической двусмысленности – переживают своего рода индустриальный подъем, а университетское образование становится массовым и «обытовляется» – он поддержал, согласно своему опыту и разумению, будущих Караваевых. Его последняя социально-педагогическая страсть, последние его любимцы – возможные лидеры будущего российского университета, который как-будто возвратится, обновляясь, к своей исконной социальности, к норме диалектически-победительного равенства талантливых, станет местом только для тех, кто может и должен проявить свою даровитость.

Был ли он идеалистом, в том романтическом общем смысле, в котором употребляло это слово его поколение, – человеком хорошей мечты? Да, разумеется. Так ли уж хорошо, что почти все мечты его, все страстные его социальные и личные желания осуществлялись? Его уже не спросить, и анализ такого рода был бы сейчас весьма несвоевременен. Завершилась жизнь человека искреннего в своей убежденности, исключительно незаурядного, яркого – не нам эту жизнь судить. Нам – память о нем, неповторимое и почетное его наследие.

Несколько дней назад случилась эта смерть; мало кто из знавших Георгия Анатольевича не плачет о нем. Говорят, что перед смертью он стал близок православию; если так – покоя ему, прощения вольных и невольных промахов или прегрешений, и высшего, вечного дара небесного. Вечная ему память.

*Ольхов Павел Анатольевич
кандидат философских наук, доцент,
Белгородский государственный технологический
университет им. В.Г. Шухова*

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

Санкт-Петербургский государственный университет и Комитет по внешним связям Правительства Санкт-Петербурга приглашает Вас принять участие в Международной конференции «Гуманитарное образование: гендерный аспект», которая состоится **25–28 июня 2007 г.** на факультете философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

На конференции предполагается рассмотреть достаточно широкий круг междисциплинарных вопросов, касающихся проблем гендерного равенства, которые входят в сферу научных и практических интересов историков, философов, политологов, социологов, юристов, культурологов, антропологов и филологов. Для обсуждения предлагаются следующие вопросы:

- перспективы гендерной компаративистики в гуманитарных и общественных науках
- гендерный аспект образования в XX и XXI вв.
- образование как фактор обеспечения гендерного равенства
- проблема «дополнительных женских прав»
- СМИ и гендерные аспекты образования
- социально-статусный профиль субъектов образования
- гендерные стереотипы в образовании
- современное классическое университетское образование: гендерные перспективы
- гендерные и профессиональные проблемы совместного / раздельного образования
- особенности ментальности: гендерный аспект
- женский тип мышления («женская логика») – реальность или миф, обосновывающий гендерное неравенство?

Список проблем, которые будут обсуждаться на конференции, не ограничивается названными темами. Оргкомитет конференции будет признателен Вам за предложения по расширению рассматриваемых вопросов.

Подробная программа конференции будет сообщена в дополнительном информационном письме. Наряду с двумя рабочими днями планируется культурная программа с посещением памятных мест, дворцов Санкт-Петербурга, Пушкина или Петродворца, знакомство с Университетом, посещение спектакля одного из театров Санкт-Петербурга.

Рабочие языки конференции: русский, английский. Оргкомитет не оплачивает проезд и проживание участников конференции. Организационный взнос для участников конференции из России и стран СНГ – 400 руб., для участников из стран дальнего зарубежья – 200 евро.

Возможно размещение в гостинице и общежитии Университета. Информация по гостиницам и ценам может быть предоставлена дополнительно. Для иностранных участников возможна визовая поддержка. Срок предоставления информации для оформления приглашения 1 апреля 2007 г.

Просьба присылать свои заявки на участие в конференции и тему доклада до **21 марта 2007 г.**, тезисы доклада в размере не более 200–300 слов – не позднее 3 апреля 2007 г. Срок предоставления докладов конференции для публикации **1 мая 2007 г.** Для тех кто хочет участвовать в дискуссии, не выступая на пленарном заседании, просьба прислать заявку на участие в конференции.

По вопросам участия в конференции обращаться:

Шентякова Анна Владимировна: Тел.: (812) 328-94-24; Факс: (812) 328-08-71, 328-75-21

Крымская Альбина Самиуловна: E-mail: gender2007conf@yandex.ru, gender2007conf@yahoo.com

Адрес: Факультет философии и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Программный комитет конференции:

Солонин Юрий Никифорович (председатель) – д-р филос. наук, профессор, декан факультета философии и политологии СПбГУ.

Прохоренко Александр Владимирович – председатель Комитета по внешним связям Правительства Санкт-Петербурга.

Дворниченко Андрей Юрьевич – д-р ист. наук, профессор, декан исторического факультета СПбГУ.

Тишкин Григорий Алексеевич – д-р ист. наук, профессор СПбГУ, руководитель Учебно-научного гендерного центра.

Шевякова Лилия Прокофьевна – начальник Управления аспирантурой и докторантурой СПбГУ.

Оргкомитет конференции:

Тишкин Григорий Алексеевич – д-р ист. наук, профессор СПбГУ, руководитель Учебно-научного гендерного центра.

Попова Ольга Валентиновна – д-р полит. наук, профессор факультета философии и политологии СПбГУ.

Координаторы конференции:

Крымская Альбина Самиуловна – канд. пед. наук.
Шентякова Анна Владимировна – сотрудник факультета философии и политологии СПбГУ.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. К публикации принимаются рукописи статей и других материалов, рекомендованные кафедрами вузов, лабораториями и иными структурными подразделениями НИИ, научно-методическими или научными конференциями и семинарами, а также представленные частными лицами.

2. Объем статьи не должен превышать 1 п. л. (40 000 знаков). Материалы, превышающие этот объем, могут быть приняты к публикации в отдельных случаях по решению редакционной коллегии и размещены в двух или более номерах журнала. В статье может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем. Объем рецензий и других материалов не должен превышать 0,5 п. л. Объем помещенных в редакционной почте сообщений и писем не должен превышать 0,25 п. л.

3. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

3.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5" и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

3.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в таком порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фами-

лии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются. Ссылки на используемую или цитируемую литературу, а также примечания должны быть оформлены в виде сносок, размещенных в конце страницы. Нумерация сносок сплошная. Шрифт и межстрочный интервал тот же, что и в статье.

Оформление равнозначных фрагментов документа (заголовков, подписей под рисунками, формул и др.), обозначений идентификаторов переменных и констант должно быть одинаковым по всей работе. Одна и та же величина (физическая, химическая, экономическая и т.д.) должна иметь одинаковое начертание.

Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210 × 297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

4. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

5. К статье прилагается короткая аннотация в 6–10 строк на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке.

6. По желанию автора знак охраны авторского права помещают на титульном листе статьи после его фамилии.

7. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 3235. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 99 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

<p>Извещение</p> <p>Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП)</p> <p>подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2007 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
<p>Квитанция Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП)</p> <p>подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2007 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>

Научное издание

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал № 1(13) 2007

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *О.В. Сенчихина*

План 2007 г. Поз. 11.1.

Сдано в набор 6.02.2007 г. Подписано в печать 19.03.2007 г.
Формат 60×84¹/₈. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Times New Roman». Печать RISO.
Усл. печ. л. 17,4. Зак. 55. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.